

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

1(90)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия: 2010-е годы

Russia: 2010-ies

Россия, Украина, Приднестровье

Russia, Ukraine, Transnistria

К истории социальной ответственности в России

To the history of social responsibility in Russia

Политическая наука в институтах РАН

Political science in the institutes of the Russian Academy of Sciences

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2016

УДК 009

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

Р 75

**ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН**

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченков* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*

Редактор-консультант *И.Л. Беленький*

Старший редактор *Д.А. Семенова*

Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75

Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2016. – ISSN 1726–5223. – № 1 (90). – 237 с.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

Памяти Юрия Ивановича Игрицкого	6	In memory of Yuri Ivanovich Igritsky
<u>РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА</u>		<u>RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW</u>
Ю.С. Пивоваров «Грядет шестнадцатый год»	8	Yu.S. Pivovarov «The sixteenth year is coming»
И.И. Глебова Россия 2014–2016: Новый курс	35	I.I. Glebova Russia, 2014–2016: The new course
Л.Н. Верчёнов «Человек русский», год 2014: Кто мы, куда идем	59	L.N. Verchenov «The man is Russian», 2014: Who are we, where are we going
И.А. Помигуев Законодательный процесс в России: Отсутствие решения – тоже решение?	81	I.A. Pomiguev Legislative process in Russia: No decision is also a decision?
<u>РОССИЯ И МИР. В XXI ВЕКЕ</u>		<u>RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY</u>
В.Н. Чернега Россия в многополюсном мире	94	V.N. Chernega Russia in a multipolar world
Л.С. Косикова Российско-украинская дезинтеграция	107	L.S. Kosikova Russian-Ukrainian disintegration
В.Н. Бабенко Правовые и социальные последствия европейского выбора Украины	121	V.N. Babenko Legal and social consequences of the European choice of Ukraine
И.Ф. Селиванова Приднестровское урегулирова- ние: Особенности современного этапа	132	I.F. Selivanova The Transnistrian conflict settlement: Features of present stage

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Л. И. Бородин
ГУЛАГ в годы войны 148

**PHENOMENOLOGY
OF THE SOVIET SOCIETY**

L. I. Borodkin
GULAG during the war

**РАЗМЫШЛЕНИЯ,
СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

Е. Я. Виттенберг
Из истории становления
социальной ответственности
предпринимателей в России 159

**REFLECTIONS,
COMMUNICATIONS,
COMMENTS**

E. Ya. Wittenberg
From the history of forming
social responsibility of entrepre-
neurs in Russia

Б. И. Желицки
Место Венгрии в восточно-
европейских системных
преобразованиях XX века 173

B. I. Zhilitski
The place of Hungary in East-
European system transformations
of the twentieth century

Д. С. Миронова
Трансформация НАТО
и интересы России 183

D. S. Mironova
NATO transformation
and the interests of Russia

И. С. Яжборовская
Российско-польское
научное сотрудничество:
Основные этапы 194

I. S. Yazhborovskaya
The Russian-Polish
scientific cooperation:
Main stages

**НАУЧНАЯ
И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ**

В. С. Авдонин
Организационная
структура
политической науки
в институтах РАН 201

**SCHOLARLY
AND CULTURAL LIFE**

V. S. Avdonin
Organizational structure
of political science
in the institutes of the Russian
Academy of sciences

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Барч Я.
Основные направления
организационной реформы
Европейского союза
(институционально-правовые
аспекты) 219

Человек, объявивший войну
всему миру / Гюбер Р., Энен Н.,
Перье Г., Висьер А. 222

**АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА**

224

SURVEYS. DIGESTS

Barcz J.
Głowne kierunki
reformy ustrojowej
Unii Europejskiej
(aspekty instytucjonalne-
prawne)

L'homme qui fait la guerre
au monde Henin / Gubert R.,
Henin N., Perier G., Vissiere H.

SUMMARIES

Юрий Иванович Игрицкий

1934–2016

ПАМЯТИ ЮРИЯ ИВАНОВИЧА ИГРИЦКОГО

Ушел из жизни Юрий Иванович Игрицкий. Всего себя он посвятил Служению науке. Более сорока лет работал в ИНИОН.

Долг он всегда ставил превыше всего, поэтому работал – нет, лучше сказать: боролся – до последних часов жизни, преодолевая болезнь и страдания. Трудился над материалами журнала «Россия и современный мир», главным редактором которого был около четверти века, над изданиями отдела Восточной Европы, который неустанно возглавлял много лет. Юрий Иванович блестяще, профессионально редактировал, прекрасно писал сам; как никто другой мог быстро найти точную фразу, дать меткую оценку, отделить главное от второстепенного. Ю.И. Игрицкий был признанным специалистом по западной литературе о Советском Союзе и России, замечательным ученым и превосходным публицистом.

Как человек и руководитель он отличался замечательными качествами: добротой в сочетании с требовательностью в работе; редко встречающимся умением внимательно выслушать и понять собеседника, а если необходимо, убедительно и твердо возразить. Уважение к людям было у него на первом месте, потому и люди тянулись к нему, испытывали потребность посоветоваться, получали удовольствие от человеческого общения. Между собой мы иногда шутливо называли Юрия Ивановича «наш гуру». Он был простым, доступным, демократичным, скромным, деликатным, умел прощать и быть снисходительным к нашим недостаткам. Он был прекрасным другом и любящим отцом.

Светлый человек, в своих трогательных стихах он писал:

*Пусть лучше кто-то плачет обо мне,
чем зарыдаю я на похоронах близких...*

Плакать выпало нам. Мы постараемся сдержаться, хотя это будет трудно. И будем помнить тебя всегда. Прощай.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ю.С. Пивоваров

«ГРЯДЕТ ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОД»

**Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН,
научный руководитель ИНИОН РАН.**

Жертвам и героям Февраля 1917 г.

«В терновом венце революций...» Эти строчки Маяковского помнятся со школьных лет. Он ошибся всего лишь немного. Оказалось: Семнадцатый. Однако, по сути, был прав, предчувствие не обмануло его.

Прошло сто лет. И вполне естественно спросить: «А похожа ли нынешняя Россия на ту, вековой давности?». Нет, конечно, нет. Ничего общего. Даже климат изменился. Хотя есть что-то неуловимо схожее с одной эпохой. Не событийно, в смысле – *esprit*. Начало тридцатых годов XX в. Покончено с НЭПом, с каким-никаким разномыслием в правящей верхушке, взят курс на построение социализма в одной стране, т.е. самоизоляция, не отменяющая, правда, практики вмешательства в мировые дела. Режим, сбросив с себя интернационалистский прикид, стремительно национализируется. К власти, оттесняя не вполне этнически русскую ленинскую гвардию, приходят коренные русаки. У них был свой вождь, они стали его прямыми назначенцами. Вдруг вспомнили про отечественную историю, находили себе корни и основу, написали правильный учебник. Энтузиазм масс, высокий накал квазирелигиозного чувства, своеобразный посюсторонний «монотеизм». Успехи в строительстве военно-мобилизационной экономики, катастрофическое падение уровня жизни, убийство деревни и крестьянства. Творческая интеллигенция (в значительной своей части) присягает хозяину Кремля. Усиливается террор, постепенно становящийся стилем эпохи. Вождю слегка за пятьдесят, и он находится в прекрасной умственной и физической форме...

То есть начало тридцатых это и логическое продолжение и не менее логическое отрицание двадцатых. Это рождение и становление «теории»

и практики сталинизма. Того, что будет властвовать здесь до самой смерти Хозяина. Или до той самой поры, когда увидят свет нынешние начальники.

Юрий Тынянов говорил, что Пушкин погиб не от пули Дантеса, ему перестало хватать воздуха, и он задохнулся. Бывают такие времена, когда действительно воздух куда-то уходит. В начале тридцатых задохнулся Пастернак. Помню памятью ребенка начало пятидесятых. Тоже безвоздушье. Бродский писал об опыте борьбы с удушьем.

А еще что-то схоже с эпохами, когда Россия самоопределялась. После Флорентийской унии и падения Константинополя на Москве решили, что они теперь единственные хранители истины аутентичного христианства (уже не «греческого», но своего – русского), единственные, кто противостоят «латине». И сегодня мы защищаем традиционные христианские ценности, от которых якобы отказался Запад. Именно поэтому оппозируем ему. Или как царь Николай I, видевший свою миссию в поддержании в России и Европе монархических, легалистских и легитимных основ, в противоборстве безбожной революции. Мы ведь сегодня тоже готовы помочь европейским борцам с однополыми браками и бездуховными релятивистами. И потому протягиваем руку (в том числе и руку помощи) Марин Лё Пен и др.

Конечно, нынешняя Россия не похожа на Московское царство середины XVII в. Но некоторые ситуации чуть ли не совпадают. Послушаем С.Ф. Платонова: «Из-за Малороссии Россия... втянулась в войну с Польшей. ...Недостаток средств у правительства и плохое экономическое положение народа скоро дали себя знать. Правительству приходилось прибегать к экстренным сборам..., но и их не хватало, и правительство пробовало сокращать свои расходы. Однако, видя, что все такие попытки далеко не удовлетворяют желаемой цели, оно попробовало извернуться из затруднительного положения, произвольно увеличивая ценность ходившей монеты. В то время своих золотых у нас еще не было, а в обращении были голландские и немецкие червонцы, причем голландский червонец имел ценность одного рубля, а серебряный ефимок (талер) ходил от 42 до 50 коп., и, перечекая, нивая его в русскую серебряную монету, правительство из ефимка чеканило 21 алтын и 2 деньги, т.е. около 64 коп., и таким образом на каждом ефимке выгадывало 15–20 коп. ...»¹.

Ну, что ж и «мы» из-за Малороссии (Украины) начали войну с Западом. Ведь в середине XVII в. Польша была единственным доступным Западом. Это не важно, что нынешняя война носит информационный, экономический, политический характер. Всё война. И сокращение правительственных расходов и взваливание бремени трудностей на население. Да и в монетарных

1. Платонов С.Ф. *Полный курс лекций по русской истории*. – Петрозаводск: Фолиум, 1996. – С. 407.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

делах власть действует де-факто тем же методом. Кстати, и сегодня в нашем обращении тон задает не русская валюта. На смену голландским и немецким деньгам пришли евро и доллар. И так же начальники пытаются выиграть на установлении искусственных курсов. Тогда в сторону завышения стоимости рубля, сегодня – понижения. Но суть одна – заработать на монетарных манипуляциях. А не на увеличении производства и проведении адекватной социальной политики.

* * *

Если и дальше самоопределяться в русской исторической темпоральности, то, несомненно, мы вступим во «время Карамзина».

Так двадцать пять лет назад я назвал статью – предисловие к публиковавшейся мною в издательстве «Наука» «Записке о древней и новой России». Пытался объяснить, почему нам так важен и актуален Николай Михайлович. – Но теперь я понимаю: время Карамзина пришло сегодня. Тогда его начали печатать в особо крупных размерах, в том числе и то, что советскому человеку было совершенно недоступно. Ныне же двести пятьдесят лет со дня рождения великого человека и двести – с момента выхода в свет первого тома «Истории государства Российского». Серьезные даты, значительные! Но не это самое важное. На дворе эпоха, созвучная его идеям. Акмэ консерватизма: «требуем более мудрости хранительной, нежели творческой»²; «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости»; «для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу»³. Торжество трезвого реализма в международных отношениях: в 1815 г. он писал Александру I: «Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя, как христианин, благодаря врагам. Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом... Она выше земли и мира... Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа-Спасителя; так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов: все осталось как было на земле и как иначе быть не может»⁴. Смысл этого обращения заключался в следующем. Политика, и международная прежде всего, не подпадают под действие высшего нравственного закона. Здесь нет места для христианской морали и господствуют принципы Realpolitik. – И самое главное: мы являемся свидетелями уверенного возвращения в нашу жизнь самодержавной власти, т.е. ничем не ограниченной власти одного. Карамзин полагал это

2. Карамзин Н.М. *Записка о древней и новой России*. – М.: Наука, 1991. – С. 63.

3. Там же. – С. 74.

4. Цит. по: Миллер О.Ф. *Славянство и Европа*. – СПб., 1887. – С. 274.

важнейшим (из необходимых) условием успешного бытования России в истории. Самодержавие есть «палладиум России», утверждал он. Да, его время.

* * *

...Я же скажу: сводить русскую историю к некоему вечному, аутентичному самодержавию – и методологическая, и нравственная ошибка. То, что простительно Карамзину, – он ведь вывел свою концепцию из доступных ему материалов, – разумеется, непозволительно нам.

Недаром Н.Я. Эйдедьман назвал его последним летописцем. Карамзинская концепция выросла из летописных текстов, в которых прежде всего фиксировались деяния власти. Все же остальное во многом оставалось за их пределами – и, следовательно, за пределами его внимания. Несомненно, на него повлияли и работы немецких специалистов, призванных Екатериной составить русскую историю в самодержавно-романовском духе. Не забудем и то, что Карамзин был поздним современником передряг XVIII в.: дворцовые перевороты, пугачевщина, во всем неустойчивость и непредсказуемость. Ясно, что он хватался за самодержавие как за спасительный круг – никогда не подведет. Хотя этим, разумеется, не исчерпывается вся палитра политических воззрений Николая Михайловича. Она была шире, современнее и, если можно так сказать, качественнее.

Однако и сегодня, в период интенсивного «цезаризма», немногим удается избежать искушения самодержавством. Это, кстати, проявляется не только в неподдельной любви россиян к президенту, но и в искреннем сталинобесии нашего общества, и вновь вспыхнувшем интересе к Ивану Грозному и Петру Великому, в исторической реабилитации Николая I и Александра III. При одновременном, идущем от сердца, презрении и ненависти к «оттепельным» фигурам и эпохам.

Свою задачу я вижу не в том, чтобы полемизировать с народной любовью или народным отрицанием. Дело это бессмысленное. Сердцу ведь не прикажешь. А у нас, как известно, голосуют только этим органом. Нет, мне хотелось бы показать, что в русской истории было и есть много чего несамодержавного, да и само самодержавие (в разных его временных вариантах) – штука сложная, противоречивая, не сводимая к какому-нибудь ее идеальному типу.

Мне, конечно, напомнят, что все это хорошо известно. Так-то оно так. Но, думаю, время от времени необходимо говорить об этом. Особенно в эпохи массовидной любви к тому историческому явлению, которое Карамзин назвал «палладиумом России».

А еще я напому «моим» напоминателям, что представители следующей за Николаем Михайловичем поколения подвергли ревизии его власте-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

центричные воззрения. Никита Муравьев посмел утверждать, что история принадлежит не царям, а народам. Петр Чаадаев в письме своему парижскому корреспонденту графу де Сиркуру сообщал, что у нас в России все – плохое и хорошее – из православия. На десятилетие старше их Сергей Уваров свел карамзинское, муравьевское, чаадаевское в своей известной триаде – «Православие. Самодержавие. Народность». Ну, а потом пришли другие объяснители главного в русской истории – западники (юридическая школа), славянофилы (эдакое православное, соборное «гражданское общество») и т.д.

* * *

В связи с актуальностью карамзинско-самодержавной темы на ум приходит вот что.

У русской исторической науки, в целом великой и убедительной, есть одно, как мне кажется, «слабое» качество. Вся она настроена антибоярски, т.е. антиаристократично. Прошлое прочитывается с разных научных и идейных позиций, создана вполне стереоскопическая «картинка». Но через боярскую «призму» на нее не смотрели. Напротив, роль боярства в отечественной истории всегда трактуется с обвинительным уклоном. Даже такими учеными, как С.Ф. Платонов. А он был очень осторожен, точен, судил взвешенно и спокойно.

«Царь – хороший, бояре – плохие». Это народный приговор на все и во все времена. И любимые наши властители – те, кто рубит этим плохим головами. Ставит на их место опричников, т.е. людей случайных. «Перебрать людшек» – это ведь прежде всего о боярах. Нет ни одной попытки боярства ограничить самодержавие и получить свою долю в управлении, которая в науке и исторической памяти была бы одобрена. Что самибоярщина при маленьком Иване (будущем) Грозном, что боярская активность в период Смуты, что действия верховников в 1730-е, что... Сегодня можно узнать, что сталинский «большой террор» стал защитной реакцией Хозяина на агрессивную атаку на него партийных бояр. Которые-де пытались воспрепятствовать ему ввести демократию в СССР.

А как испугалось окружение Александра I, узнав, что в конституционном проекте М.М. Сперанского предполагалось создание Госсовета, формируемого из представителей крупнейших аристократических родов. Иными словами, Михаил Михайлович хотел завести у нас палату лордов. Мне ни разу не встретился хоть один сочувственный отклик на эту инициативу великого человека.

Пишу это не для того, чтобы вызвать симпатию к русской аристократии. Она, как и все на свете, была разной. Но сегодня, в условиях очередного подъема самодержавства, хочется вспомнить о нашей небольшой слабости.

Может все-таки преодолеем ее? И тогда по-другому будем понимать наше прошлое и настоящее. А это уже какая-никакая основа для изменения действительности.

По существу

В наши дни – думаю, не случайно, это соответствует духу времени – все чаще слышны оправдания крепостного порядка на Руси. Крупные ученые и политические деятели «убедительно» доказывают нам «raison d'être» этого института.

Действительно, крепостнически-самодержавный порядок был в известном смысле неизбежен. Это была попытка установления хоть какого-то порядка. Р. Пайпс говорит: до середины XVII в. «на Руси были оседлые правители и бродячее население»⁵. Народ, утверждал В.О. Ключевский, – жидкий элемент русской истории. Растекается по всей громадной равнине. Но это-то хорошо известно и осмыслено. На самом деле важнее другое.

Итак, всех заковали в цепи. Создали тягловые сословия. Сверху наложили вотчинную царскую власть. Это, так сказать, базис. Надстройкой выступило сотерологическо-литургическое государство и иосифлянская церковь. «Коммунизм» в одной, отдельно взятой стране (ведь отгородились, казалось бы, капитально; «железный занавес») вроде бы был построен. И все-таки не получилось. Подвел «человеческий материал». XVII столетие и особенно его середина – это и акмэ, и закат Московского царства (как конец XIX – начало XX – Петербургского). «Бунташный век» – не мы придумали, но разделяем. Причем в бунташность вписываются и раскол, и городские восстания, и Стенька и т.д. Это живая жизнь сопротивлялась упорядочиванию сверху. Ну и, разумеется, западные (киевские, белорусские, польские, «немецкие») влияния разлагали верхушку, вербовали ее в европейцев. В общем не вышло – «в одной, отдельно взятой стране».

То есть поначалу русский человек сопротивлялся, пытаясь разными путями разбить оковы. По-разински, по-пугачевски, бегом в казаки и т.д. Но прискакал металлический Всадник (Андрей Белый о Петре в «Петербурге») и цепь крепостного права, наброшенную его папой, Алексеем Михайловичем на народ (не только крестьян, всех), замкнул замком немецкого производства (этот образ принадлежит Герцену). После жуткого восстания начала 70-х XVIII в. верхи всерьез испугались. В качестве панацеи соорудили передельную общину, куда и ушел практически весь протестный пыл. Или, говоря по-простому, было найдено соответствие развития производительных сил производственным отношениям. И все бы хорошо.

5. Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. – М., 1993. – С. 67.

Но вновь подвел «человеческий материал». Верхушка начиталась французских книг, наездилась в Европу, гуманизировалась и решила разрушить мир эксплуатации. Еще и Промышленная революция повлияла. В том смысле, что уж слишком опасным оказались последствия ее отсутствия. Как бы там ни было, общине скомандовали: «вольно». Не совсем сразу, но все вольнее, чем было раньше.

И что же дальше? Крепостнически-самодержавный порядок вступил в фазу «disintegration», как называл это Арнольд Тойнби, или – *Untergang*, по Шпенглеру. Точнее всех сказал Ленин: «реформа породила революцию». Это означает, что было нарушено соответствие развития производительных сил производственным отношениям.

Здесь одно из коренных противоречий, парадоксов, они же – особенности нашего исторического бытования. Как только находится соответствие между означенными феноменами, так начинается передельный застой (см. хрущёвско-брежневскую эпоху). Прекрасное время! Но оно чревато, поскольку исподволь разрушает самодержавно-крепостническую гармонию или коммунистическую (а ведь он был настоящий коммунизм: от каждого по труду, каждому – по потребностям; поскольку трудились не очень (как могли), так и по потребностям тоже не очень (или кто как обеспечит их сам); но принцип соблюдался). Дело в том, что если долго заниматься увлекательнейшим процессом передела, то – хочешь не хочешь – остановиться уже трудно. Поделить хочется всё – по справедливости. Включая сам самодержавно-крепостнический порядок с его особыми необщинными активами.

Так что и сегодняшнее похолодание неизбежно сменится оттепелью. Только вот во что выльется эта самая оттепель? – Хотелось бы понемножку сокращать объем передела. И переходить к социальному творчеству. На основе права и социальной безопасности для всех.

Что же нас ждет впереди

Но что разительно отличает нынешний Шестнадцатый год от предыдущих эпох, включая столетней давности, так это то, что впервые Россия не имеет проекта будущего. Как это понять? – Да, просто. Еще недавно мы хотели преодолеть наследие «лихих девяностых» и достичь к 2020 г. уровня благосостояния Португалии (один из самых низких в Европе). До этого – в 90-е – покончить с проклятым эсесеризмом и построить правовую либеральную демократию, рыночную экономику. А еще – до того – социализм с человеческим лицом, правовое социалистическое государство и к 2000 г. всем советским семьям отдельную квартиру. Развитой социализм, коммунизм... До Февраля – правовое, либеральное, конституционное социальное общество и государство. В общем все это известно.

Но сегодня никакого проекта, даже заведомо утопического, нет. Мы ищем будущее в нашем прошлом (увы, во многом вымышленном). «Верность традиционным ценностям». Пожалуй, даже соглашусь. Они – хороши. Но как быть с лидерством в Европе по абортам, сокращением населения, самоубийствам etc. Конечно, хорошо стоять против ЛГБТ – Европы. И надо обязательно стоять. Но если они все куда-нибудь уйдут, перед кем будем стоять?

Опора только на прошлое, причем, еще раз скажу, нередко вымышленное, в чем-то сродни ресурсно-сырьевой экономике. Не хватает добавленной стоимости, да и рента с нее распределяется в пользу узкого слоя начальников. Инновации необходимы только в добывающе-перекачивающем хозяйстве. И в военных делах, поскольку «верность традиционным ценностям» это не только, к примеру, нормативно-христианская семья, но и ратные подвиги предков. Меня спросят: хорошо, у нас нет проекта или он, с твоей точки зрения, не адекватен, а у европейских стран, США таковые имеются? – Развитие, поиск нового, сохранение необходимого старого. Климат, экология, медицина, благосостояние, борьба с бедностью, культура, образование и т.д. – А разве у нас не то же самое? И мы ведь говорим об этом. – Но ничего не делаем. У них же эти проекты, худо-бедно, осуществляются. Ведь проект это то, что пытаются реализовать.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Как убийственно точны эти слова. Вот вам новая «сказка». 12 февраля 2016 года состоялась историческая встреча Папы римского Франциска и Патриарха Московского Кирилла. Действительно, историческая, «ждали» ее тысячу лет, важная, нужная, в острый момент социальных передраг на планете. Но во всей этой радости есть одно почти незаметное обстоятельство: некоторое, совсем небольшое несоответствие. Какое же? – Говорится, что папа и патриарх не виделись тысячу лет. Это так. Только патриарх был не Московский, а Константинопольский. Это он порвал отношения с тогдашним папой. Маленькая-маленькая неточность. Однако с большим смыслом. Получается, что Московский патриарх отвечает за всех православных, живущих сегодня и живших десять столетий. Но мы знаем, что в мире существуют четырнадцать автокефальных (независимых) православных церквей. И по каноническому праву Московский патриарх стоит на пятом месте. Константинопольский – на первом. Понятно, что русская церковь сегодня и по количеству ее членов, и по мощи воздействия превосходит остальные, вместе взятые. Фактически «мы» заняли место Константинополя.

Однако, не упомянув это незначительное несоответствие, руководство РПЦ исторически и политически (канонически не получится, но кого это волнует сегодня) присвоило себе право первенства в православном мире и право говорить от лица всех православных. В некотором смысле Кирилл становится папой ортодоксальной ойкумены. – Понимаю: эти мои соображения

могут вызвать раздражение (извиняюсь за «рифму»). Ему бы вместе со всеми радоваться и гордиться, а он брюзжит. Я радуюсь... А небольшая историческая неточность остается.

В том числе и так верстается наш ретроспективный проект. Чуть подправленное прошлое укрепляет русские позиции в мире.

Что же касается новоявленных идеологов Святой Руси и современной России как единственной хранительницы традиционных христианских ценностей («Третий Рим»?), по совместительству – похоронщиков Запада, трупобадуров очередного Заката Европы, то они вызывают у меня сомнение. Из их уст льется брань, очевидная неправда, злобная агрессия. Возникает вопрос: а сами-то они привержены тем ценностям, о которых вещают, верят в них? – На ум приходит характеристика, данная великим русским историком С.М. Соловьёвым знаменитой триаде «Православие. Самодержавие. Народность» и ее автору – С.С. Уварову. О православии говорит атеист, о самодержавии – республиканец, о народности – человек, не прочитавший ни одной книжки по-русски. Немного ядовито, с иронией, но в точку.

...Но видения будущего все-таки нет. Почему? – Население единственной защитницы традиционных ценностей ни во что не верит, ни в какие обещания. Оно, конечно, поддерживает все, что идет с самого верха. Но примерно в том же смысле, как поддерживают приход зимы или лета. В независимости от того, что они несут. Лютый холод и свирепую жару, или умеренные погоды. А с чем спорить? Принимаем. Помните: иного не дано. Это название самого известного сборника статей времен перестройки, самого официально-публичного «антисоветчика» (сегодня многие его авторы – видные спикеры поднявшейся с колен страны). – Действительно, оказалось: «иногое» не дано. Жаль, хотелось!

Уроки Февраля

Теперь же главное, что я хотел сказать о Шестнадцатом годе прошлого и нынешнего столетия. Это о Феврале Семнадцатого.

Пора уже начать писать книгу с таким названием. Помните: «Уроки Октября» Льва Троцкого? – Вдруг Февральская революция оказалась в центре внимания. Да, скоро столетие, но уже лет десять идет спор об этом событии (а ведь довольно долго эта революция была в тени Октября). Нет, наверное, не спор – ведь большинство согласно в главном, так что скорее обсуждение.

Современники практически солидарны в том, что это – ошибка, преступление, самоубийство, предательство и т.п. Война худо-бедно шла к концу, при всех опасениях и усталости победа была не за горами. А здесь нож в спину стране. Развязываются страшные стихии, верх берут разлад и распад,

деструкция и безответственность. Как на дрожжах растут сепаратистские настроения.

Увы, все это правда. Хотя очень горько это признавать. – Но что же произошло? – Для серьезного ответа необходимо...

* * *

...Поговорить об истоках и смыслах революции.

Понятно, что эти слова заимствованы у Н.А. Бердяева (знаменитые «Истоки и смысл русского коммунизма»). Но Русская Революция – явление гораздо более глубокое, широкое, сложное, чем русский коммунизм. Последний, при всем его, как говорили раньше, всемирно-историческом значении, «лишь» одна из нескольких составляющих Русской Революции.

Русская Революция – это не 1917 г. с его двумя революциями: Февральской и Октябрьской. Это и не 1905–1907 гг. плюс 1917 г. То есть это не совокупность даже трех революций, хотя все они – важнейшие ее события. Русская Революция – это историческая эпоха примерно между 1860 и 1930 годом. Это – семьдесят лет, жизнь человека, жизнь поколения. Она началась реформами Александра II и закончилась победой Сталина и сталинцев во внутрипартийной борьбе, сворачиванием НЭПа и коллективизацией. **Русская Революция – это период русской истории между отменой Крепостного Порядка и установлением Второго Крепостного Порядка большевиков (ВКП(б)).**

Имея в виду грандиозные изменения, которые происходили в России в 60–80-е годы XIX в., Ф. Энгельс в 1893 г. говорил: «Освобождение крестьян в 1861 г. и связанное с ним – отчасти как причина, а отчасти как следствие – развитие крупной промышленности ввергли эту самую неподвижную из всех стран, этот европейский Китай, в **экономическую и социальную революцию**» (выделено мною. – Ю. П.)⁶. Добавим: это было также революцией в социальной психологии и массовой ментальности. В начале XX столетия революция обрела политическое измерение. Таким образом, она носила универсальный (для русского общества) характер. (Не упустим и ее правового среза.)

Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 г. эта цель была достигнута (какой ценой – и этот вопрос принципиальный – скажем позже). После победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства. Говоря красиво, Семнадца-

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 22. – С. 406.

тый был пиком – русская история взлетела к свободе и, не удержавшись, рухнула вниз.

И все-таки: о русских революциях в Русской Революции. **Одно из больших исторических заблуждений (как современников, так и нас, потомков) заключается в том, что революция 1905–1907 гг. квалифицируется как «неудачная», «незаконченная»;** рассматривается как «репетиция», «прелюдия» к 1917 г., т.е. настоящей революции. – С моей же точки зрения, эта революция, во-первых, была успешной (насколько вообще революция может быть успешной; ведь это всегда трагедия). Во-вторых, нормальной, вполне сопоставимой с некоторыми европейскими революциями, скажем – 1848–1849 гг. Причем сопоставимой и по характеру, и по интенсивности протекания, и по результатам.

Главная удача революции 1905–1907 гг. заключалась в том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, а не победой одной из этих двух сил. Результатом компромисса стали Конституция 23 апреля 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны.

При этом все составляющие успешного результата революции не были случайными. За каждой из них стояла своя история, своя «подготовка». Конституция подвела итог более чем столетнего – когда осмысленного, когда «инстинктивного» – продвижения России от Самовластия к конституционной и ограниченной монархии. В. Леонтович писал: «...Конституция от 23 апреля 1906 года представляла собой правовые рамки, в которых... можно было достичь политической цели, так долго остававшейся недостижимой и состоявшей в том, что монархия принимала либерализм как свою программу, а общественность сотрудничала с традиционными силами монархии при проведении в жизнь этой программы и даже находила какое-то внутреннее единство с этими силами»⁷. О том же раньше говорил и В. Маклаков: «В России были тогда две силы. Была историческая власть с большим запасом знаний и опыта, но которая уже не могла править одна. Было общество, много правильно понимавшее, полное хороших намерений, но не умевшее управлять ничем, даже собой. Спасение России было в примирении и союзе этих двух сил, в их совместной и согласованной работе. Конституция 1906 года – и в этом ее основная идея – не только давала возможность такой работы, но делала ее обязательной. Идти вперед, менять можно было только при обоюд-

7. Леонтович В.В. *История либерализма в России, 1762–1914.* – Париж: YMCA PRES, 1980. – С. 465.

ном согласии. Соглашение между двумя политическими силами сделано было необходимым условием государственной жизни»⁸.

Иными словами, Конституция 23.06.1906 г. создала самые благоприятные условия для продвижения России к более совершенному состоянию. Это был в высшей степени взаимовыгодный компромисс власти и общества.

Широкая политическая реформа означала признание за большей частью подданных империи политических прав и допуск их к управлению (и здесь было продолжено более чем вековое дело). Столыпинский же план предполагал фундаментальное изменение социальных, экономических и правовых условий жизни русского народа. То есть он не сводился только к решению крестьянского вопроса (хотя это и было сердцевиной), но затрагивал страну в целом, во всех ее измерениях.

6 марта 1907 г. П.А. Столыпин выступил с большой речью в Думе. В ней сформулировал программу коренных преобразований русского социума. Она «представляла собой одно из самых решительных наступлений либерализма во всей русской истории»⁹. Эта программа стала основой правительственной политики вплоть до начала войны (после убийства Петра Аркадьевича ее продолжил В.Н. Коковцев). Приведем ее основные положения: 1) **религиозная терпимость и свобода совести** – были разработаны процедуры перехода из одного вероисповедания в другое, а также создания новых религиозных общин; устранились все правовые ограничения, связанные с вероисповеданием; 2) **неприкосновенность личности** – арест, обыск и цензура корреспонденции могли иметь место только на основании судебного постановления; в случае полицейского ареста законность его должна быть проверена судом в течение 24 часов; предварительное расследование по политическим преступлениям проводят не жандармские офицеры, а судебные следователи; адвокат допускается к подзащитному уже во время предварительного следствия; предполагалось существенно изменить уголовно-процессуальный порядок, привести его в соответствие с «европейским стандартом»; 3) **совершенствование системы самоуправления** – создание нецензовых земств в волостях, расширение права голоса на земских выборах, придание земствам новых функций, ограничение надзора административных органов за деятельностью органов самоуправления; 4) **административная реформа** – создание целостной системы гражданской администрации; организация административных судов; 5) **аграрная реформа**; 6) **трудовое законодательство** – введение различных видов страхования, узаконение экономических забастовок; 7) **народное просвещение**.

8. Маклаков В. *Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания современника)*. – Рига, (Б.г.). – С. 585.

9. Леонтович В.В. *Указ. соч.* – С. 518.

В этот день П.А. Столыпин говорил в Думе: «В основу всех правительственных законопроектов... положена... общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего царствования. Преобразованное... отечество наше должно превратиться в государство правовое... Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности, государственности и... старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии»¹⁰. Таким образом, им подчеркивалось: возникающие как результат реформ правоотношения будут иметь в соответствующих законах защиту от любой попытки их нарушения, в том числе и со стороны власти. Кроме того, П.А. Столыпин имел в виду следующее: новое законодательство необходимо для того, чтобы отменить старые установления и законы, противоречащие конституционному строю, к которому перешла Россия. Иначе говоря, им ставилась задача согласования всего правопорядка страны с Основными законами в редакции 23.04.1906 г.

Да, эта революция была удачной! Кстати, еще и потому, что ни власть, ни общество не «взорвали» народ. Народный мир, пережив волнения и повышенное напряжение, все-таки устоял, сохранил равновесие.

* * *

Что касается Февральской революции, то она могла быть и могла не быть. В отличие от революции 1905–1907 гг. эта не была исторически «запрограммирована». Более того, даже состоявшись, имела возможности развиваться иначе. В этом ее отличие от Октябрьской революции.

Почему же произошла Февральская революция? – Ставя этот вопрос, мы имеем в виду не влияние войны (а оно было; и было одной из причин революции), не неэффективные, а порой безответственные действия властей (включая Николая II), не «заговор» военных, не неадекватность и (тоже) безответственность «общественников», не стечение обстоятельств (снежная зима, затруднения в подвозе к Петрограду хлеба, очень холодная погода с внезапным к концу февраля – началу марта потеплением, когда жители города, «засидевшись» дома, высыпали на улицу и т.д.) и т.д. Это все причины важные, но, так сказать, важностью второй очереди.

10. Столыпин П.А. Речи, 1906–1911. – Нью-Йорк: Телекс, 1990. – С. 37.

По большому счету, Февральская революция произошла потому, что, к сожалению, ни общество, ни власть не поняли: революция **уже** (в 1905–1907 гг.) **была**. И максимум того, что общество могло тогда «переварить», оно получило. И максимум того самоограничения, на которое тогда могла пойти власть, она установила. Таким образом, всем следовало оставаться в этих рамках, рамках исторического компромисса власти и общества и в рамках Конституции, не выходить за них, искать там соглашения и решения вопросов. Может быть, после войны эти рамки и расширились бы. Виновны обе стороны: царь и бюрократия (не вся, конечно) стремились к сужению этих рамок, общество стремилось их раздвинуть. И те и другие хотели выйти из этого исторического «договора».

Зимой 1917 г. общественникам померещилось: час настал. Власть **можно** взять в свои руки. За годы войны их влияние, практическая сноровка и самооценка резко выросли. Власть же напротив, казалось, не знала, **что** делать. Суетилась, куда-то пропали адекватные люди. – Все получилось очень легко. Дунул теплый мартовский ветер, и императорскую Россию снесло. Сто лет отчаянной, смертной борьбы с царским режимом, а финал схватки – почти оперетта. Почему? Вот главный вопрос к Февральской революции.

* * *

А вот и ответ: русское государство, русская институциональная система, даже русская полиция – при всех их грозности, грузности, громадности, при всех страхах, которые они наводили (наводят – это сохранилось) на ближних и дальних – чрезвычайно неустойчивы, неэластичны, неэффективны, но: хрупки и ненадежны. И чуть что, разлетаются вдребезги, в щепки, в ничто. (События 1991 г. подтверждают это.) – Вот и тогда, в начале 1917-го легкий мартовский ветер уронил Россию как Институт. А власть царь сдал добровольно (и противозаконно: нарушил и Конституцию, и закон прапрадеда Павла о престолонаследии). Общественники взяли у него власть в самом прямом смысле: как мы у кого-нибудь берем ключ и поселяемся в комнате, квартире, гостиничном номере. – Всё. Спор был закончен. Либералы (всех оттенков, включая консервативных) и социалисты (всех оттенков, включая радикальных) получили страну в свои руки.

Но вот уже почти девяносто лет историки задаются вопросом: куда «слияло» общество летом-осенью (особенно осенью) 1917 г.? – А ведь оно имело за плечами весьма приличный политический опыт, умение самоорганизоваться, разветвленную по всей России сеть различных союзов, партий и т.д., деньги, наконец. К примеру, современный российский исследователь В.М. Шевырин убедительно рассказывает нам о громадной по своему размаху деятельности Всероссийского союза городов, Земского союза и Централь-

ного Военно-промышленного комитета в годы мировой войны. Это были подлинно всероссийские организации. Скажем, в Союз городов входило 630 городов, а в Земский союз – 7728 учреждений. Они организовывали госпитали, пункты питания, стирку белья, бани, помогали беженцам. Были активны в тылу, на фронте, на путях следования войск, раненых и беженцев¹¹.

Еще раз скажу: между 1914 и 1917 годом «общественники» очень выросли и организационно, и политически. Почему же их противостояние тенденциям, которые вели к Октябрю, оказалось крайне неэффективным?

Ответ на этот вопрос связан с ответом на главный вопрос русской революции: что такое Октябрь 1917 г.? – Его мы не поймем, если не скажем еще об одной Революции, которая развивалась параллельно и синхронно Русской Революции, и тоже в России. Это была Революция крестьянства, т.е. Революция более 100 млн человек, подавляющего большинства населения страны.

Следовательно, для того чтобы уяснить, что происходило в России между примерно 1860 и 1930 гг., надо исходить из факта двух одновременных, «пересекающихся», «диффузирующих» друг в друга, однако самостоятельных революций. Каждая из них имела свое собственное содержание и смысл, характер и цели (если позволительно говорить о целях исторического процесса).

Но почему две революции? – Это следствие фундаментального раскола России на две субкультуры в результате преобразований Петра I. Об этом в свое время точно сказал В.О. Ключевский: «...Из древней (допетровской. – Ю. П.) и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом, вместо того чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения»¹². А до него А.И. Герцен: «Две России с начала XVIII столетия стали враждебно друг против друга. С одной стороны, была Россия правительственная, императорская, дворянская, богатая деньгами... С другой стороны, – Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплох, побежденная... Что же тут удивительного, что императоры отдали на разграбление своей России, придворной, военной, одетой по-немецки, образованной снаружи, Русь мужицкую, бородатую, неспособную оценить привозное образование и заморские нравы, к которым она питала глубокое отвращение»¹³. И он же: «...Две разных России... община и дворянство, более

11. Шевырин В.М. *Власть и общественные организации в России, (1914–1917)*. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – С. 46–54.

12. Ключевский В.О. *Неопубликованные произведения*. – М.: Наука, 1983. – С. 363.

13. Герцен А.И. *Избранные философские произведения: В 2 т.* – М.: Политическая литература, 1948. – Т. 1. – С. 267.

ста лет противостоящие друг другу и друг друга не понимавшие. Одна Россия – утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру – окружает трон, презирав и эксплуатируя другую. Другая – земледельческая, разобщенная, деревенская, крестьянская, находится вне закона»¹⁴.

Итак, возникли две России – не понимающие друг друга, разнящиеся по всем базовым цивилизационным и культурным характеристикам. Обе они зажили собственными жизнями. Правда, одна находилась у другой в рабстве. – Здесь необходимо подчеркнуть: будущие фигуранты Русской Революции – власть и общество – принадлежали к одной субкультуре – верхней, европеизированной, созданной Петром Великим.

Этот раскол России во многих отношениях определял ее историческое развитие в XVIII–XIX столетиях.

Таким образом, каждая из двух субкультур переживала свою собственную революцию. Но этого тогда никто не знал и не понимал...

* * *

Теперь о крестьянской революции. У нее было несколько измерений. Одно из них – знаменитый «аграрный кризис». Его диспозиция такова: демографический взрыв второй половины XIX – начала XX в. привел к перенаселению в деревне¹⁵; к этому времени были распаханы все доступные тогда целинные земли, экстенсивный же характер земледелия сохранялся; в общине началось имущественное расслоение на богатых, средних и бедных. Ситуация потенциально становилась взрывоопасной.

Сначала ведомое С.Ю. Витте «Особое совещание по сельскохозяйственным нуждам» (1902–1905) пыталось теоретически разобраться с этой проблемой, затем П.А. Столыпин и его последователи (1907–1914) решить ее – известным способом – практически. Однако спровоцированная Февралем **общинная революция** покончила со столыпинской реформой, почти полностью уничтожив ее результаты. – А 28 июня 1917 г. Временное правительство (инициатива министра-эсера Виктора Чернова) принимает решение, запрещающее столыпинское разверстование земли и фактически частную собственность на землю.

14. Герцен А.И. Письма издалика: Избранные лит.-крит. ст. и заметки. – М.: Современник, 1984. – С. 208.

15. Попутно заметим: между 1880 и 1910 г. демографический взрыв пережили большинство крупных стран Европы (за исключением Франции): Австро-Венгрия – 30% (прибавки населения), Великобритания – 26, Германия – 43, Россия – 50%. Это одна из причин Первой мировой и всех последующих европейских революций.

Иными словами, общественники сдаются перед разворачивающейся крестьянской революцией. И дело здесь не в том, что в их рядах возобладала эсеровская линия, а линия Витте – Столыпина – кадетов оборвалась. Эсеровщина и стала последним словом общественников – говоря выпендрено – на суде истории, потому что столыпинщина обломала зубы о хребет передельной общины.

Так где же корни крестьянской русской революции? – К концу XVIII столетия – ходом событий, властью, помещиками (во многом как реакция на пугачевщину) – была создана передельная община. Ввели «тягло» – справедливую, равную систему распределения платежей и рабочей (трудо-вой) повинности. Цель была одна: поддержание равенства – нет бедных, нет богатых, нет пугачевых, нет бунта. А в основе всего – перманентное перераспределение, передел земли и уравнивание всех. Таким образом, социальная энергия миллионов русских мужиков канализируется во внутрь. Купируется возможность социального взрыва, выброса излишка энергии. Но перманентно-передельный тип социальности (уточним: передельная община рождается не только и, может быть, не столько в результате определенных действий определенных людей) – во многом следствие многовековой адаптации населения к природной русской бедности, к «запрограммированной» в этих северных широтах скудости вещественной субстанции. Что, кстати, «предполагает» низкий уровень потребления.

Самодержавно-помещичья социальная гармония закончилась, когда разразился «аграрный кризис». Экстенсивно-передельный инстинкт Всероссийской Общины выразился во все возрастающем стремлении к захвату помещичьих, государственных и пр. земель. Столыпинская земельная реформа вроде бы указала нормальный (в смысле: не кровавый) путь выхода из этой крайне опасной для всех ситуации. Действительно, ее успехов, особенно если принять во внимание, что на все про все история «выделила» лишь семь лет, недооценивать нельзя. – Однако пришел 1917 год, и в результате известных причин вновь поднялся уравнительно-передельно-захватный общинный вал.

* * *

Вот здесь-то большевики и оказались у кассы истории. И взяли ее. Непопулярный в научных кругах Р. Пайпс пишет: «Есть в русском языке слово “дуван”, заимствованное казаками из турецкого. Означает оно дележ добычи, которым обычно занимались казаки южных областей России после набегов на турецкие и персидские поселения. Осенью и зимой 1917–18 годов вся Россия превратилась в предмет такого “дувана”. Главным объектом дележа была сельскохозяйственная собственность, которую Декрет о земле от 26 октября (1917 г. – Ю. П.) отдал для перераспределения крестьянским общинам. Именно

этим переделом добычи между крестьянскими дворами в соответствии с нормами, которые свободно устанавливала каждая община, и занимались крестьяне до весны 1918 года. На это время они потеряли всякий интерес к политике»¹⁶.

Молодцы большевики! Нашли дело для русского народа. А сами быстро укрепляли свой режим. В январе 1918 г. провели еще одну революцию – разогнали Учредительное собрание и самоучредились в Советскую республику.

Большевики вправду нашли дело для всего русского народа. «Дуван» проходил и в промышленности (фабзавкомы и «рабочий контроль» свелись к разделу доходов, имущества, оборудования предприятий), и в армии (прежде чем отправиться домой, солдаты грабили арсеналы, склады и т.д.), и в государственной сфере. Да-да, государство тоже стало «предметом» передела. Об этом – тот же Р. Пайпс: «...Зимой 1917–18 годов население России занималось дележом не только материальных ценностей. Оно растаскивало русское государство, существовавшее в продолжение шести столетий: государственная власть тоже сделалась объектом “дувана”. К весне 1918 года вторая по величине Империя мира распалась на бесчисленные политические образования...»¹⁷.

Таким образом, большевистская революция во многом была именно переделом власти государства. Нельзя сказать, что ленинцы все это придумали. Тем не менее «официальный лозунг “Вся власть Советам” облегчал этот процесс, позволяя региональным советам различных уровней – краевым, губернским, уездным и даже волостным и сельским – требовать независимой власти на подчиненной им территории. Результатом стал полный хаос»¹⁸.

Еще раз: передел земли, фабрик и заводов, армейского имущества и – как высшая форма передела – власти-государства. Конечной же «монадой», на которую передел власти не покушался, была **волость**. Здесь властный передел остановился. Внутри волости шел передел земельный. На границах волости – и это не случайно – встретились два главных русских передела. – Напомним всем хорошо известное: слово «власть» происходит от слова «волость». То есть, видимо, волость является первичной ячейкой русской власти. **Кроме того, именно на волостных рубежах от энергий двух этих переделов (власти и земли) рождается ключевой феномен истории России – властесобственность.** (Фундаментальность волости хорошо понимал крупнейший российский государствовед, юрист и историк Н.Н. Алексеев

16. Пайпс Р. *Создание однопартийного государства в Советской России, (1917–1918) // Минувшее. Исторический альманах.* – М.: Прогресс, Феникс, 1991. – С. 91.

17. Там же. – С. 93.

18. Там же.

(1876–1964): «Известное количество сельских советов объединяются в некоторое высшее целое, именуемое волостью. Эту административную единицу советский строй унаследовал от старой России – и не только петербургской, но и древней, московской... Волость осталась в качестве органа местного крестьянского самоуправления после реформ императора Александра Второго. Большевики связали старую волость с советской системой...»¹⁹.

Но все далеко не так просто с этой русской передельной общиной, учинившей революцию, которая смела все результаты деятельности послепетровской европеизированной субкультуры (хотя и сама она не была незаконным, побочным «ребенком» этой субкультуры). – Исследования общины давно уже показали: ее экзистенция строится на двух противоречащих друг другу тенденциях (обычаях-институтах) – к становлению нормальной частной собственности на землю и необходимости постоянно поддерживать принцип «равных для всех оснований» (перманентный передел). Общим местом этих исследований стало утверждение, согласно которому антагонистические отношения этих тенденций несли в себе зерно разрушения общины. В конечном счете должен был, полагали аналитики, победить один из двух принципов. Но они ошибались.

Эволюция общины после завершения общинной революции 1917–1922 гг. и до начала коллективизации 1929 г. показала: обе эти тенденции – обязательные условия ее существования. Саморазвитие общины шло не в двух противоположных направлениях. Как бы это парадоксально ни звучало, но эти тенденции были лишь разными проявлениями одной «субстанции».

В скобках заметим: субстанция общины тоже менялась. Община становилась более открытой миру, более гибкой, принимавшей теперь и определенное неравенство, и новые формы организации – кооперацию, в первую очередь. То есть не исключено, что община трансформировалась бы в нечто социально устойчивое, эффективное, адекватное русской Современности, в нечто в духе Чаянова – Кондратьева... Однако, как мы знаем, общине сломали хребет в 1929 году.

Так что же, большевики пришли к власти на волне общинной, крестьянской революции, на волне общенационального «дувана», место для которого было расчищено затуханием революции европеизированной субкультуры, подъемом той же общинной революции, войны, развалом государства? – Да, без этого большевики не победили бы.

19. Алексеев Н.Н. *Русский народ и государство*. – М.: Аграф, 1998. – С. 329.

* * *

В 1917 г. «столкнулись» две Революции. Столкнулись, как поезда. И подобно железнодорожной катастрофе произошла историческая катастрофа. Оба поезда сошли со своих путей.

К весне-лету 1917 г. Революция европеизированной субкультуры достигла всех своих целей. Здесь бы ей остановиться, передохнуть, «подумать» и начать строить. Но **именно в этот момент в нее врезалась Революция традиционалистской, крестьянской субкультуры.** Ее мощь лишь начинала разворачиваться. **Большевики сумели сыграть на этом столкновении:** на «временном» угасании одной Революции и подъеме другой. Развал государства и армии дал еще одну волну мощного разрушительного свойства.

* * *

Одна из важнейших тем в деле понимания Революции – соотношение Февраля и Октября. Сколько же об этом написано! Какие интеллектуальные силы участвовали в решении этой задачи! И что же? – В общем и целом имеются две позиции. Первую занимают либералы, которые убеждены: Февраль – это хорошо, Октябрь – плохо. Общего у них нет. Более того, Октябрь есть отказ от Февраля и его отрицание. Вторую позицию занимают все остальные. Когда-то в свойственной ему манере (мы бы назвали ее нагло-самоуверенным экспрессионизмом или отвратительно-талантливым журнализмом) Л.Д. Троцкий описал ее следующим образом: «Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции. История Февральской революции есть история того, как Октябрьское ядро освободилось от своих соглашательских покровов»²⁰. Февраль и Октябрь, говорил он, связаны между собой так же, как зерно, породившее колос²¹.

Если отбросить характерные для вождя большевиков «соглашательские покровы» и соответствующие (для троцких) коннотации, то можно утверждать, что **так** полагает подавляющее большинство думающих о Революции. А разве позиция А.И. Солженицына иная? – Вот, например: «Если в Феврале было мало крови и насилия и массы еще не раскатились, – то все это ждало впереди: и вся кровь, и все насилие, и захват народных масс, и сотрясение народной жизни... Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу Семнадцатого года – вполне уже стихийно, и потом Гражданской войной, и миллионным же чекистским террором, и вполне стихийными

20. Троцкий Л.Д. История русской революции: В 2 т. – М.: ТЕРРА, Республика, 1997. – Т. 1. – С. 25.

21. Там же.

крестьянскими восстаниями, и искусственными большевицкими голодами по 30, по 40 губерний – и может быть закончилось лишь искоренением крестьянства в 1930–1932 и перетряхом всего уклада в первой пятилетке. Так вот и катилась революция – 15 лет»²². – Мастерски выстраивает Александр Исаевич сущностную хронологию Русской Революции, показывая как из одного «разгуливается» другое, как от исходной точки – Февраля – приходим к чекистскому террору. А изучая протоколы работы Временного правительства, он видит: «Накапывается... продовольственная реформа..., через которую мы начинаем уже с мурашками угадывать большевицкие продотряды»²³.

Какая же из этих позиций адекватная или хотя бы ближе к истине? – Обе, и одновременно не та и не другая. Разумеется, правы либералы, защищающие *свой* Февраль. Какой террор, какая гражданская война, голод, истребление крестьянства? – **Сто лет послепетровская европеизированная субкультура шла к самоэмансипации и эмансипации русского общества.** С 60-х годов XIX столетия, о чем мы уже говорили, в стране начались революционные изменения. Наконец, к Февралю 1917-го достигли всех целей. И **содержательно** эта революция себя исчерпала. Да, она не сумела построить новую, демократическую Россию. Но ведь это уже задача пореволюционная...

Однако правы и сторонники второй позиции (вот парадокс: трудно найти менее схожие исторические фигуры, чем Троцкий и Солженицын, а в этом – ключевом для русских – вопросе по сути дела стоят на одной позиции). Конечно, Февраль развязал руки Октябрю. Событийно, конкретно-исторически одно перетекло в другое. И главные действующие лица этой драмы как-то очень плавно и убедительно сменили друг друга: сначала царская бюрократия и либерально-социалистическая общественность, затем либералы и социалисты, социалисты и большевики и, наконец, только БОЛЬШЕВИКИ.

Тогда в чем же ошибочность обеих позиций? – И та и другая – поверхностны. Они не идут в глубь социальных процессов, развертывавшихся столетиями. Нужен **принципиально** иной взгляд на Русскую Революцию, иной подход.

* * *

Мы должны понять структуру Русской Революции.

Первое. Она (1860–1930) была двойной комбинацией трех революций. С одной стороны, это 1905 г., Февраль и Октябрь 1917 г. (как нас учили в школе). С другой – Эмансипационная революция послепетровской европее-

22. Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией. – М.: НИК «Российская газета», 2007. – С. 78.

23. Там же. – С. 74.

зированной субкультуры, предвестниками которой выступили декабристы и которая победила весной 1917 г. Победила и почил в Бозе. Свои задачи она выполнила, а строить новое ей было не по силам, не по плечу. Общинная же революция второй послепетровской субкультуры была традиционалистской, почвенной, старомосковской. Она началась весной 1917 г. и, по мнению специалистов, закончилась к 1922 г. Ее результат: *все* пахотные земли России наконец-то принадлежали Общине, столыпинская же реформа – последнее, что могла предложить ей европеизированная субкультура, – была похоронена.

Второе. Ничего общего – содержательно – между двумя этими революциями не было. Это – следствие послепетровского раскола на две субкультуры. Но, разумеется, и мы отмечали это, дело происходило в одной стране, и потому эти революции «пересекались», сталкивались, «вмешивались», диффузировали друг в друга. Эмансипационная революция лезла в деревню, проводила там реформы, провоцировала и т.д. Процессы, происходившие в общине, безусловно, затрагивали город (разными способами и путями, сейчас об этом говорить не будем) и всю европеизированную субкультуру в целом. Тем более что барьеры между ними постепенно рушились. Вместе с тем *имплицитно* общинная революция была направлена против «русских европейцев», европеизации и модернизации России. Против всего этого «восставали» те ценности, традиции, модели социальной психологии и социального поведения, которые в своей известной работе о русской революции (1906 г.) Макс Вебер квалифицировал как «первобытный коммунизм».

Третье. Большевицкая революция пришла на историческую «площадку», которую ей расчистила (от государства) Эмансипационная революция. Причем пришла в тот момент, когда «эмансипаторы» полностью выдохлись. Это было весной и летом 1917 года. И уже вовсю полыхала Общинная революция, которая не только не мешала, но в высшей степени им способствовала и была ими использована (мы уже говорили об этом).

* * *

Выше мы вскользь упомянули, что Февраль в каком-то смысле был юридически «запрограммирован». Объясним в чем. – Мне много раз приходилось писать о неслучайности и адекватности Конституции 1906 г. Об этом же много раз говорили выдающиеся русские правоведы, общественные деятели, ученые.

Однако нельзя не сказать и об определенной «лжи» этой Конституции. В ее политико-правовое измерение (систему) были «втиснуты» два прямо противоположных друг другу института и принципа.

Первый – императорская власть, обладавшая суверенитетом, т.е. монопольно владевшая источником всех властей и законов; иначе говоря, сама

и бывшая этим источником. Имевшая также все виды легитимности: сакральную (от Бога), «демократическую» (Романовы избраны на царство Учредительным Земским Собором 1613 г.), исторически-преемственную (правили страной триста лет) и формально-юридическую (закон о престолонаследии Павла I). Основные законы 1906 г. закрепляют все эти легитимности в конституционном тексте современного образца. Тем самым придают ей еще один вид легитимности – конституционно-правовой.

Второй – Дума, имевшая демократическую легитимность, т.е. по избранию, конституционно-правовую (по Основным законам), и издающая общеобязательные для всех без исключения россиян законы. Если к этому добавить, что согласно конституции империи Судебный Сенат – высшая судебная (кассационная) инстанция – обладал правом принимать решения, которые никем, включая императора, не могли быть обжалованы, то получается, что Дума плюс Сенат составляли вместе систему власти, потенциально альтернативную императорской. И хотя юридически в рамках Основных законов 1906 г. императорская власть была сильнее, чем «законодательно-судебная», социальный расклад и ситуация в обществе менялись явно в пользу новой системы власти. Это сознавали и представители императорской власти, и сторонники парламентско-судебной.

Да, Конституция 1906 г. была историческим компромиссом короны и общества. Но и одновременно возможным потенциальным источником нового взрыва. То есть Февраль Семнадцатого юридически был заложен в Основных законах. Другое дело, что можно было этим источником не воспользоваться. Воспользовались. Именно Временный комитет IV Государственной думы уничтожил императорскую власть. Это один из важнейший уроков Февраля.

Ода Февралю

Ну, хорошо, все это так. Февраль – трагическое событие нашей истории. Стыдное. Посыплем голову пеплом. – Почему же тогда огромное количество выдающихся и самых простых людей Империи были рады, да что там рады – счастливы. Их охватило какое-то пасхальное настроение (с Пасхой сравнивали первые дни после отречения Николая II многие современники и мемуаристы). Что-то подобное Питер пережил ровно за 116 лет до этого. После убийства Павла I (11 марта 1801 г.), как свидетельствует Карамзин, «все» погрузились в лихорадку счастья, восторга, парящей легкости. В чем же здесь дело? В обоих случаях массовый психоз? И что за взрыв безответственного веселья?

Как всегда, нам поможет объяснить это великая русская литература – в лице Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама. Борис Леонидович в своем

несравненном «Весеннем дожде» (весна 1917 г.) (обратите внимание на название) пишет (не поленимся прочитать это): «Усмехнулся черемухе, всхлипнул, смочил / Лак экипажей, деревьев трепет. / Под луною навываке гуськом скрипачи / Пробираются к театру. Граждане, в цепи! / – Лужи на камне. Как полное слез / Горло – глубокие розы, в жгучих, / Влажных алмазах. Мокрый нахлест / Счастье – на них, на ресницах, на тучах. / – Впервые луна эти цепи и трепет / Платьев и власть восхищенных уст / Гипсовую эпопею лепит, / Лепит никем не лепленный бюст. / – В чьем это сердце вся кровь его быстро / Хлынула к славе, схлынув со щек? / Вот она бьется: руки министра / Рты и аорты сжали в пучок. / – Это не ночь, не дождь и не хором / Рвущееся: «Керенский, ура!», / Это слепящий выход на форум / Из катакомб, безысходных вчера. / – Это не розы, не рты, не ропот / Толп, это здесь, пред театром – прибой / Заколебавшейся ночи Европы, / Гордой на наших асфальтах собой».

В характерной для молодого Пастернака поэтике история, современность, политика объясняются через природные явления – весна, дождь, черемуха, деревья, лужи, розы, тучи и т.д. Весна – пробуждение, начало жизни, счастье, свежесть, восторг («полное слез горло»). И всему этому соответствует Керенский, более того, является подобием и олицетворением. Он аккумулирует энергию этого весеннего восторга и изливает ее на послушные ему толпы. Это он выводит к свету и радости, творчеству и свободному созиданию миллионы томившихся в «катакомбах, безысходных вчера». Более того, Пастернак включает русскую революцию в европейский (значит, мировой) контекст. Да еще как! Она и ее персонификатор выступают чуть ли не спасителями Европы (читай: мировой культуры и благоустройства), которая как-то заколебалась (война, бойня, смерть), но вновь обрела гордость «на наших асфальтах».

Суммирую: Февраль и первые за ним месяцы – это великий финал (увы, не начало, как думалось многими тогда) многодесятилетней (от декабристов) эмансипационной деятельности («жизни и судьбы») нашей интеллигенции, общественников, тех, кто мечтал и боролся за свободную, современную, справедливую Россию. Есть два возможных подхода к Февралю. Это дебют, приведший к кровавому Октябрю и Гражданской. Или эндшпиль длительного периода постепенного обретения свободы. В реальной жизни было и то, и то. Но нельзя игнорировать и «весеннюю» сторону событий весны Семнадцатого.

И еще одно соображение. В последнее время все мы (ну, почти все) печалимся о той прекрасной и много обещавшей дореволюционной России. Правильно делаем: это была (по моей терминологии) приемлемая страна, шедшая в нужном направлении. Параллельно мы отвергаем всякие (все) революции. К тому же, как это недавно выяснилось, – они «цветные», да еще и криминальные (кстати, на языке уголовников «цветной» означает «полицейский»); и это интересный поворот в определении любой революции, которые, повторю,

все цветные; для точности: речь идет о своей полиции, а не чужеземной). От революции же у современных идеологов рукой подать до оппозиции. Которая не просто имеет свою точку зрения и стремится поправить дела в обществе, нет, она на 99% – «пятая колонна», «враг народа», «иностранный резидент».

Но вот в предреволюционные годы большинство интеллигенции и общественников самоопределялось иначе. Себя и свою родословную они отождествляли именно с протестным, антирежимным движением. Подчеркиваю: речь идет не только о «бомбистах», но о широком круге просвещенных и обеспеченных людей. – Вновь обратимся к Б. Пастернаку, к его поэтическому свидетельству. Надо сказать, что несмотря на то, что он родился в еврейской семье, его родители, братья, сестры были в полной мере вписаны в социальный порядок и культурный истеблишмент. Они не относились к разряду изгоев, париев, аутсайдеров. Это типичное самопонимание умеренного и далекого от политики человека.

Поэма «Девятьсот пятый год», глава «Отцы»: «Это народовольцы, / Перовская, / Первое марта²⁴, / Нигилисты в поддевах, / Застенки, / Студенты в пенсне. / Повесть наших отцов, / Точно повесть / Из века Стоартов, / Отдаленней, чем Пушкин, / И видится, / Точно во сне / – Да и ближе нельзя: / Двадцатипятилетье – в подпольи. / Клад в земле, / На земле – / Обездушенный калейдоскоп. / Чтобы клад откопать, / Мы глаза / Напрягаем до боли. / Покорясь его воле, / Спускаемся сами в подкоп. / – Тут бывал Достоевский, / Затворницы ж эти, / Не чаяв, / Что у них, / Что ни обыск, / То вывоз реликвий в музей, / Шли на казнь / И на то, / Что красу их подпольщик Нечаев, / Скрыл в земле, / Утаил / От времен и врагов и друзей. / Это было вчера. / И, родись мы лет на тридцать раньше, / Подойди со двора, / В керосиновой мгле фонарей, / Среди мерцанья реторт / Мы нашли бы, / Что те лаборантши – / Наши матери / Или / Приятельницы матерей».

Для людей этого типа (культурный, политический, экономический авангард России) Февраль показался и был в первые недели (даже месяцы) моментом долгожданного освобождения и реализации почти вековой мечты. Да, ведь и бомбисты хватались за бомбы не только потому, что, во-первых, были злодеи, а во-вторых, ничего другого делать не умели (и не хотели). Вспомним выступление на суде Александра Ильича Ульянова. Он сказал, что власть не дает интеллигенции обратиться к народу и участвовать в формировании общественной жизни. И поэтому они вынуждены обратить на себя внимание *таким* образом. – Не соглашаюсь с этим, но свои резоны, своя правда у старшего Ульянова была.

24. *Первое марта 1881 г. – убийство Александра II.*

Теперь – Мандельштам. Если Борис Леонидович приветствовал Февраль и Керенского весной Семнадцатого, так сказать, «на входе», то Осип Эмильевич – оплакивал в ноябре, «на выходе». Этим двум прямо противоположным ситуациям полностью соответствуют их разнящиеся поэтики. У Пастернака – экстатически-восторженная, задыхающаяся, совершенно неожиданная в сближениях, определениях, переходах, не всегда сразу-доступная, как будто путающаяся, не замечающая обыденности, рвущаяся к каким-то новым смыслам и пространствам (аналог ей новая физика начала XX в. и особенно квантовая физика). У Мандельштама – неоклассическая, акмеистская, выверенная, точная до дрожи, формально безупречная, – но решающий шаг за пределы видимого, осязаемого, наличного мира сделан. Обретен совершенно новый голос в русско-мировой поэзии: печально-погребаящий, спиритуально-торжественный. Не вызывающий сомнения, что он имеет на *это* высшее право (при всех глубочайших различиях это же можно сказать об Анне Ахматовой).

Ноябрь 1917 г., Февраль сметен, Керенский выброшен из актуальной русской истории. Раздается реквием, Мандельштам прощается от имени России («и неподкупный голос мой был эхом русского народа»): «Когда октябрьский нам готовил временщик / Ярмо насилия и злобы, / И ошетинился убийца-броневик / И пулеметчик низколобий, – / – Керенского распять! – потребовал солдат, / И злая чернь рукоплескала: / Нам сердце на штыки позволил взять Пилат, / И сердце биться перестало! – И укоризненно мелькает эта тень, / Где зданий красная подкова; / Как будто слышу я в октябрьский тусклый день: / Вязать его, щенка Петрова! – Среди гражданских бурь и яростных личин; / Тончайшим гневом пламенея, / Ты шел безтрепетно, свободный гражданин, / Куда вела тебя Психея. / – И если для других восторженный народ / Венки свивает золотые – / Благословить тебя в далекий ад сойдет / Стопами легкими Россия».

Казалось бы, – голос Ахматовой: «все расхищено, предано, продано, / Черной смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою изглодано», – но Мандельштам, даже в сравнении с Пастернаком, поднимает наше понимание Керенского, следовательно и Февраля, на новый уровень. Это лучший во всех смыслах памятник Событию и центральному человеку. Это по природе своей неревизируемое понимание Эмансипационной революции и ее вождей. Это наперед, на вырост, на столетие единственное определение соотношения Февраль – Октябрь. Даже А.И. Солженицыну, потомку и продолжателю Аввакума, Достоевского и Толстого, не удалось его «снять».

Распять, Пилат, злая чернь, октябрьский временщик, щенок Петров, свободный гражданин, благословляющая его в аду Россия. Да, в аду – это ответственность за поражение (но ведь и Христос в известном смысле тоже потерпел поражение...). Михаилу Булгакову потребовалось около десяти лет,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

чтобы написать, по большому счету об этом же, многостраничный гениальный роман, Осипу Мандельштаму – двадцать строк.

Помните реакцию М.И. Кутузова на непреодолимые трудности французов в захваченной ими Москве – «Россия спасена». Имея два этих (Бориса Леонидовича и Осипа Эмильевича) свидетельства, можно с уверенностью утверждать: Февраль, Керенский, князь Львов, другие спасены, оправданы, защищены, направлены на вечное хранение в золотой фонд русской истории.

Пишу через девяносто девять лет после События, знаю, что было потом, вместе с другими поучительно говорю об ошибках, безответственности, непонимании и т.п. всех этих царей, генералов, министров, общественников и т.д., но почему-то в голову лезет не имеющее отношение к этому (просто по другому поводу): «Февраль. Достать чернил, и плакать / Писать о феврале навзрыд...»

Навзрыд...

Февраль и его деятели проиграли все на свете (и себя тоже, про нас и говорить нечего). Спустя девяносто девять лет его (и их) идеалы и ценности являются для русского общества путеводной звездой.

Заключение

Как закончится нынешний Шестнадцатый. Станет ли он началом чего-то. Или продолжением. Заключением?

И.И. Глебова

РОССИЯ 2014–2016: НОВЫЙ КУРС

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,
руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН.

Уже сейчас понятно, что 2014–2015 гг. – веха не только послесоветской эпохи, но и шире: российской истории. Эти годы поставили перед русским человеком, обществом и властью центральные вопросы: о свободе и порядке, войне и мире, национальных интересах, задачах, перспективах. И ответы на них получены; они уже определяют нашу жизнь. Тем самым пространство выбора: чем быть России, каким будет наше будущее, в значительной степени сужено. Хотя сама тема выбора, конечно, не снята.

Нам еще предстоит серьезное, обстоятельное исследование нового курса, которым в эти годы пошла страна. Но какие-то наблюдения, суждения, предположения возможны и сейчас. Они, безусловно, чрезвычайно субъективны, поверхностны, спорны. Речь ведь идет о том, что случилось только вчера и еще не успело стать историей, что непосредственно касается каждого из нас. Но избежать этого нельзя. А начинать анализ российских дел следует с украинского вопроса.

**От «соглашения» о стабильности –
к националистическому консенсусу**

Размышляя о том, что произошло с Россией в короткий срок (с осени 2013 г.), обратимся к книге одного из выдающихся западных исследователей Р. Пайпса «Русский консерватизм и его критики»¹. Объясняя, почему в середине XIX в. в России возник новый консерватизм, имевший националистические, а в крайних случаях – шовинистические, ксенофобские и анти-

1. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2008. – 252 с. – (Библиотека «Либеральная миссия»).

семитские черты, и проповедовавший антизападничество, ученый указывал на влияние польского восстания 1863 г. «Как и предшествовавшее ему восстание 1830–1831 годов, оно задело русское национальное чувство, поскольку было истолковано не как законная попытка народа с многовековой историей вернуть себе независимость, а как европейская атака на Россию, — пишет Пайпс. — ...Это в огромной степени способствовало появлению крайнего национализма и усилению ощущения, что только самодержавие сможет сохранить целостность страны»².

Украинское восстание 2013–2014 гг. оказало приблизительно такое же влияние на Россию (скорее, психологическое и политическое, чем интеллектуальное). Попытка Украины окончательно утвердить свою «отдельность» от России, завершив тем самым процесс строительства независимой государственности и равноправной нации, задела русское национальное чувство. Потрясение от украинского выбора, воспринятое как предательство (всего: общей истории, общей повседневности, общей победы в Великой войне, общих дел «элит», общих проблем и бед народов и т.д.), способствовало окончательному оформлению в России крайнего национализма, построенного на антизападничестве и имеющего ярко выраженные шовинистические, ксенофобские и антисемитские черты³. Он носит оборонительный характер и оттого особенно агрессивен.

Киевский майдан, остановивший историческое дело «воссоединения Украины с Россией» (символично: в 2014 г. ему как раз минуло 360 лет), сплотил подавляющее большинство российского населения, охваченного националистическим порывом, вокруг «президентского самодержавия». Единение вокруг трона — наш аналог американского сплочения вокруг флага — было вызвано нараставшим (поддержанным и многократно усиленным СМИ) ощущением того, что украинский выбор (на Запад — значит, против России) угрожает самому существованию страны. Победоносная операция под кодовым названием «Крым — наш» и затяжное противостояние на востоке Украины отчасти сняли и эти страхи, и опустошающее осознание собственного одиночества.

Уязвленная национальная гордость, украинское предательство и ощущение западной (американо-европейской) угрозы превратили «великоросса» в националиста, заставили забыть о том, что еще вчера он был советским

2. Пайпс Р. Указ. соч. — С. 154, 159.

3. Последнее — вовсе не оговорка, хотя риторика противостояния «жидобандеровцам» вроде бы этому противоречит. Антисемитизм в России и СССР (да и не только здесь) всегда был спусковым крючком для крайнего, т.е. погромного, национализма. Его основной тезис: спасай Россию! Как — всем у нас известно.

человеком, т.е. убежденным интернационалистом⁴. Лидером же националистического движения стало «самодержавие», своей украинской политикой нейтрализовавшее всех общественных конкурентов – творцов и глашатаев постсоветского русского национализма. Теперь социальная база национализма невероятно расширилась. Почти вся страна – самодержавный «народный фронт», а все националисты-общественники – не более чем идеологическая обслуга (или попросту медиа-«кричалки» – возбудители ненависти) народного самодержавия / самодержавного народа.

Наконец, украинское восстание привело к окончательному размежеванию российского общества – на сторонников и активистов нового «народного фронта» и его противников – явных (публично заявивших о своей позиции, т.е. обнаруживших себя) и потенциальных (затаившихся, не саморазоблачившихся, воздержавшихся). Собственно, так и должно было быть.

Украинский вопрос (чем быть Украине? какую ориентацию выбрать?) является в то же время вопросом русским: кто мы? чем будет Россия? Ведь остаться без Украины, по существу, означает окончательную ликвидацию сферы послезеэсэсэровского геополитического влияния России, замыкание в собственных границах и, что хуже всего, полное одиночество (без друзей и союзников). Ответ большинства россиян «озвучила» (одно из главных слов новорусского лексикона, странное и неадекватное для обычного русского уха) власть: раз Украина – не Россия, то Россия – не Европа. Более того, Россия – анти-Европа: есть наш, русский, мир, и он против вашего. Это именно *общий* ответ (его, в случае чего, не списать на власть), о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Антизападнические настроения россиян к концу 2015 г. побили все прежние рекорды: около 80% – отрицательно относятся к США, видя в них угрозу, и около 70% – к ЕС.

Воинствующее антизападничество стало основой нового исторического консенсуса российского общества и российской власти, сменившего «пакт о стабильности» рубежа 1990–2000-х. Очевидно: его следствием будет не какой-то вариант «восточничества» (и придание образу России соответствующую

4. Ответом на падение коммунизма могли быть у нас либо либерализм, либо национализм. Либеральный (или либерально-социал-демократический) выбор стал бы для России и выбором в пользу Европы. Посткоммунистический национализм в принципе мог быть окрашен в разные тона. Но из 90-х, с их странным сочетанием лучших намерений, опыта свободы, вседозволенности, экономического произвола и торжества социальной несправедливости, должен был выйти национализм защитно-компенсаторного толка, т.е. реакционный и антизападнический (это вещи неразрывные – у нас реакция всегда имеет антизападнический характер). Тенденции к национализации либерализма и либерализации национализма потерпели в современной России окончательное поражение.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

щих: по официальному определению, евразийских – черт), а новый приступ изоляционизма.

Из этого властенародного консенсуса выпадает немалая часть общества. Не составляя социального единства, ее представители прослаивают всю социальную ткань, т.е. являются не слоем, а «прослойкой» – как советская интеллигенция. Новые националисты считают их чуждыми «традиционным российским ценностям». Отчасти это верно – они действительно чужды традиции изоляционизма. Но, как известно, «традиционно русское» этой склонностью не исчерпывается. Да, России свойственна антиевропейская тяга, какая-то даже необходимость время от времени почувствовать себя не-Европой, побыть вне и без цивилизованного мира – в одиночестве. Однако европеизм занимает в российской истории столь же сильные позиции, как и антизападничество.

Россия 2000–2010-х унаследовала от поздне- и послесоветских времен массу людей, вестернизированных не в потребительском лишь отношении (вот тут уж мы точно – европейский продукт, наши современные вид и быт – следствие импорта европейских образцов), но и в культурно-ментальном. Для этих россиян проповедь антизападничества чужда и непонятна. Потому что они не только считают себя европейцами, но и в значительной степени являются таковыми. В их мировоззрении национальное чувство соседствует с космополитизмом (т.е. с тем, что противоположно воинствующему изоляционизму), ощущением своей принадлежности к европейской культуре. Их патриотизм окрашен в культурные и гражданские тона. Они предпочитают мирное сосуществование фронтам (во всех смыслах и видах), агрессии, милитаризму. Поэтому инстинктивно сторонятся нового националистического консенсуса, видя в нем угрозу себе, своему образу жизни, а также общему (российскому) будущему.

Этот социальный раскол – одно из главных следствий «нового курса». Следствий, безусловно, опасных, угрожающих социальной стабильности и устойчивости. Будучи культурно-ментальным в своей основе, этот раскол имеет глубокие исторические корни (о чем мы еще скажем). В то же время это явление обусловлено нашим недавним прошлым.

От какого наследия мы отказываемся

По существу, антизападничество / изоляционизм / национализм (как форма русского имперства) – ответ России 2000–2010-х, т.е. страны, оправившейся от исторического потрясения, определившейся, со сформировавшейся «массовой волей» (в смысле: волей масс), позднему СССР, а также перестроечному, горбачёвско-ельцинскому прошлому. Эта Россия отказывается

от главного в позднесоветско-перестроечном наследии – от настоящей потребности открыться, войти в мир, быть его частью, во взаимодействии с ним искать новые источники для развития. Заодно прощается со всей мировоззренческо-ценностной атрибутикой, которая должна была обеспечивать – и некоторое время делала это – движение в мир и соответствующие этому изменения внутри страны.

Демонтаж оттепельно-перестроечного наследия (традиционно радикальный: по принципу «отречемся от старого мира») шел в последние почти два десятилетия по двум линиям. Прежде всего, по частной, «субъективной» (точнее, субъектной). Из публичного поля пропали почти все перестроечные «выдвиженцы» (из разных сфер – политики, экономики, науки, культуры), обществом отторгаются те типы личности («модальные личности») и образцы социального поведения, которые возобладали в перестройку и 90-е. Можно сказать, что новой Россией, возникшей на месте СССР (а это именно *путинская* Россия), отрицается тип свободного человека, все формы его самовыражения. Кроме того, первая половина 2010-х стала пиком отрицания демократического «проекта» на мировоззренческом уровне (т.е. его отрицания по существу). А значит, это неизбежно должно было приобрести – и приобрело – политические, экономические, культурные и прочие формы. Из России 2010-х изгнаны темы свободы, гражданской ответственности, самодетельной солидарности. Современная русская жизнь строится на прямо противоположных основаниях.

Строится, надо сказать, органически – снизу вверх. Но в оформлении этой привычно-органической коллективной тяги – к жизни в несвободе (изоляция, безусловно, рамка, способ оформления такой жизни) – большая заслуга нынешней власти. В последние 20 лет «верхи», немало потрудившись, вернули все, что потеряли в 90-е: контроль над политикой, экономикой, культурой, сознанием и поведением «народных масс». Они вновь – руководящая и направляющая сила нашего общества. При этом «новые управленцы» обошлись без всяких КПСС (а также комсомолов, профсоюзов и других массовых организаций). Однако активно эксплуатировали советское наследие – во всех отношениях: разведанные запасы углеводородов и прочие «богатства недр», советские здания и учреждения, советское кино, врожденную способность миллионов людей мыслить по-советски и т.п. То есть употребили себе на пользу и «базис», и «надстройку».

Для новорусских элит 1990-е, действительно, оказались провальными, а 2000–2010-е – победными. Они восстановились как «господствующий класс», т.е. вернулись к традиционному типу самореализации, традиционной модели взаимодействия с народом (в режиме «правлящие–подвластные»),

поставленным под вопрос в перестроечные времена⁵. В то же время «верхи» сняли с себя многие прежние (исторические) ограничения и приобрели тем самым новые преимущества. Не случайно в качестве основы легитимности они выбрали 1945 год: победители могут быть наследниками только победителей. Здесь же – их ценностная, идеологическая смычка с народом, из которого они вышли и от которого теперь страшно далеки (в потребительском, экономическом отношении).

Но вот что интересно. Для исторической легитимации отрицания времен перестройки / реформ нам (и «верхам» и «низам») не хватило обращения к «брежневскому СССР» или легенде «андроповского поворота». (Хотя это оправдано и с исторической, и с символической точек зрения: «застой» и «революция сверху» суть альтернативы «революции снизу» – против традиционной системы, делающей ставку на несвободу / принуждение / произвол, безусловно имевшей место на рубеже 1980–1990-х.) Чтобы убить 90-е в себе, современной России потребовался «Сталин»: и соответствующий опыт («нормализация» / оправдание террора в прошлом – всегда разрешение на насилие в настоящем) и мифология торжествующего тоталитаризма⁶. То есть отказ от перестроечно-демократического наследия, ориентирующего на всемирность / европейскость России, потребовал возврата к ценностям предыдущей эпохи.

И дело здесь не только в яркости, интенсивности, привлекательности, энергетике того, в полном смысле слова перестроечного, времени. В том лучшем, что в нем было, оно соответствовало современности – стремлению к устройению мира на тех началах, которые были бы более щадящими по отношению к человеку, нормализовывали его жизнь, гасили в нем худшее.

Никто тогда не знал, как это сделать, но такое намерение, массовая воля к такой перестройке были. И это естественное стремление, по-человечески понятный выбор. Теперь народная воля торит у нас дорогу в каком-то другом направлении. В самом общем смысле перспективы этого движения («курса») очевидны. В конце 1980-х годов в СССР был демократический подъем – и произошла демократическая революция. В России середины 2010-х налицо реакционный подъем – а значит, вероятен реакционный переворот. Более

5. Смысл всех русских перестроек, собственно, и состоит в признании свободы как необходимости и попытке изменить на этой основе «режим» взаимодействия «верхов» и «низов»: чтобы правящие стали управляющими (временно и в рамках закона), а подвластные – управляемыми, наделенными правами и правом же ограниченными.

6. Это нелюбимое у нас теперь слово употребляется здесь именно в мифологическом значении – как название для системы, где тотальная народная воля слилась с тотальностью народной власти.

того, он уже совершается – на наших глазах, при нашем участии или помимо него.

Об отрицании свободы как необходимости

Уже не первый раз в своей истории мы пытаемся ответить на вопрос: как построить наш мир на современных началах, т.е. на основе свободы и взаимной ответственности – для свободного человека. И даем ответы, которые, разнясь по форме (в соответствии со временем), совпадают содержательно – в главном. Мы не можем и не хотим организовываться на таких началах. «Русский мир» (еще один термин из современного лексикона, характеризующий нашу современность с идеологической, ценностной стороны) их отторгает – причем именно тогда, когда они начинают в него вживляться, в нем утверждаться.

Так случилось, что очередной окончательный отказ от свободы, т.е. от современных способов социальной организации⁷, пришелся на наше время. То, что он приобрел крайние, малоприличные, подчас неадекватные формы, не случайно. Это непосредственная реакция на демократию – не только на результаты ее строительства, которые (как и «реальный социализм») ничего общего не имеют с исходной идеей и западной практикой, но и на демократию как принцип социального устройства, как социальный идеал.

Отведав этих плодов, наш человек осознал, насколько они ему не по вкусу – интонационно, поведенчески, институционально, всячески. Раздражают несоответствием каким-то глубинным, «корневым» началам обычно-привычной жизни. Пожалуй, только этим можно объяснить повышенную эмоциональность, странную взвинченность, даже легкую истеричность общественных настроений «против перестройки», «против Горбачёва», «против демократов», «против 90-х». Ну, невозможно было все это выносить! Как только «наверху» задвигались, заговорили, закомандовали привычным образом – все как-то сразу успокоились: наконец-то – вот теперь все устроится.

7. Свобода – вовсе не абстрактное, трудноуловимое понятие. Говоря о социальной свободе, мы имеем в виду расширение зоны личной ответственности, обеспеченной правом. При этом речь идет о всех сферах жизни общества – экономике, политике, культуре и т.д. Свобода – это не воляница, а правовой порядок, где социальная жизнь регулируется правом (а не через иные формы – религиозные или властно-насильнические), установлено правовое равенство (все являются равными право-субъектами) и правовая однородность (действует одна для всех правовая система). Залог свободы – наличие свободы выбора. Организация общественной жизни на началах свободы предполагает достаточный уровень экономического развития. Социальная же несвобода – это расширение табуизированной зоны, где действует система автоматических табу / запретов, обеспеченная произволом.

И действительно устроилось – так, как и можно было ожидать, памятуя прежний опыт: в «вертикаль» – экономическую, политическую, культурную, мировоззренческую. И это тогда, когда весь мир (цивилизованный – т.е. тот, в котором есть место для человека) идет в прямо противоположном направлении: организуется через «горизонталь». Основной принцип современной жизни, современного социального устройства – не властный, а общественный. Нынешний субъект развития – не персонификатор Власти (а значит, и не привластные силы, не бюрократический аппарат), но человек, им порожденные сетевые структуры. Современный человек – это «человек горизонтали». Наш же доминирующий социальный тип нацелен на «вертикаль». Она у него в голове, он переносит ее в жизнь, на этой основе строит все общественные отношения и институты. То есть постоянно воспроизводит прошлое – старый, не оправдывающий себя даже у нас способ социальной организации. Отсюда, кстати, непреодолимая тяга россиян к временам, вроде бы, демонстрирующим эффективность такого устройства, к поиску в дне сегодняшнем и «изобретению» традиций, способствующих укреплению «вертикали» (социально, институционально, ментально).

Теперь, как прежде, наша жизнь выстраивается «сверху»; все задачи и интересы, кроме «вертикальных», – мелочи, которыми можно пренебречь. Оказалось, наш человек способен отступить от традиционного: «я их не трогаю, никуда не лезу, а они пусть не мешают мне жить» (социологический факт: так описывают «низы» идеал своих отношений с «верхами»)⁸. Он даже

8. Этот идеал действительно исторический – в том смысле, что уже стал традицией. Так русский крестьянин выстраивал свои отношения с начальством, с государством. Община, общинные структуры служили посредником между крестьянством (его «миром») и миром внешним, в отношениях с которым крестьянин всегда выступал как «обязанный» (долгами / налогами, службой и проч.). Потому воспринимал этот мир как чуждый, чувствовал себя от него отчужденным: «скрывался» в общине, бежал за его пределы (на те пространства / «окраины», которые еще не были поглощены государством / системой, не стали официальной Россией). Но и система поощряла этот тип взаимодействия с народонаселением – особенно в спокойно-«застойные» (т.е. лучшие для России) времена. Да и «элитам», когда они доросли до «совершеннолетия», власть / система предложила тот же вариант: живите, как хотите, но ко мне, т.е. в политику, не лезьте (см. манифест Петра III о вольности дворянской, подтвержденный «дворянской царицей» Екатериной II). Вот она, «свобода по-русски»: воля в частной жизни, служба по желанию и неучастие в том, что находится за пределами частного / индивидуального. Иначе говоря, жизни общественной в рамках традиционного русского порядка не предполагалось – ни во времена деспотические, ни в эпохи «оттепели». Поэтому социальная зрелость для разных слоев населения (сверху вниз – с элит до народа) означала их выход из круга «частностей» и создание своей «внешней» жизни: дворянских корпораций, обществ, рабочих профсоюзов, крестьянской кооперации и т.д.

готов жертвовать свободой частной сферы и своим правом потреблять, т.е. «народным наследием» 90-х. Понятно: одни дали – другие взяли (им по силе – значит, они и вправе), не бунтовать же, в самом деле. Свои люди – сочтемся. Вот здесь, в глубинной потребности в «вертикали», – (помимо прочего) источник нового, послекрымского «властенародия»⁹.

Всё это реакции общества, по преимуществу несвободного, на распространение в нем свободы. Наша социальность столетиями формировалась как несвободная; основа / истоки московского самодержавия и петербургского имперства – крепостнический порядок. Русское массовое общество соиздавалось – в рамках советского «проекта» – как тотально несвободное (и потому закрытое, отчужденное от всех других¹⁰). Если исходить из теоретической посылки, что разные общества – это соединение различных типов модальных личностей, то специфика общества российского состоит в том, что в нем по-прежнему господствует личность несвободная. Причем за XX столетие она осознала и приняла свою несвободу как основу существования. Цель этой личности – адаптироваться к условиям несвободы, встроиться в систему, которая этим условиям соответствует (здесь неважно, как она называется: самодержавно-крепостнической, командно-административной, авторитарной, полицейской).

Обменять свободу на блага, которые дает система, – вот жизненная установка личности такого типа. Равнодушные (к любому другому), неучастие, единомыслие – необходимые условия обмена. Практикующий все это человеческий тип – основа несвободного общества. Для того чтобы оно существовало, нужна и соответствующая система власти: та, что есть, – гарант и охранитель несвободы, этой главной общественной скрепы.

«Русский Запад» как историческое явление

Если бы «русская система» была замкнута только на себя, никак не зависела от окружающего мира, она могла бы жить и жить по своим понятиям. Но временами она остро ощущает эту зависимость и свою неустойчивость (из такого рода «переживаний» рождались в России оттепели и перестройки). Система этого типа внутренне нуждается в «достройках» / «подпорках» – в технологиях общения с современным миром. Они восполняют ее дефициты,

9. Этот термин кажется мне подходящим для обозначения своеобразного типа коммуникации «верхов» и «низов» русского общества. Подробнее см.: Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 132–143.

10. Советский «проект» в первоначальном замысле в идеале был изоляционистским: изоляционизм возводился в принцип. Отсюда постоянная потребность советского порядка во врагах, милитарный пафос противостояния / чуждости всему миру, органическая склонность к войне как способу решения внешних проблем.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

позволяют адекватно реагировать на внешние вызовы, т.е. не отставать, держаться в «строю», соответствовать цементирующей «нацию» идее: «большая страна – большая историческая судьба».

Впервые жестко и последовательно за этими технологиями пошел Петр I – в прямом смысле: на Запад – современность уже тогда имела европейское лицо. Попутно создал страту людей, умеющих («наученных» – на Западе, Европой) обращаться с этими технологиями. Так, из внутренней потребности традиционного порядка соотносить себя с миром, встроиться в современность (быть современным) в России появилась европеизированная субкультура (меньшинство)¹¹. Созданная для нужд системы, она постепенно наращивала субъектность и стала своего рода «внутренним Западом». Чем успешнее эта социальная страта справлялась с задачей обслуживания системы, тем быстрее шел процесс обретения ею субъектности.

Субкультура русских европейцев «строилась» вокруг тех тем, которые противоречили логике системы (свобода, самостоятельность, общественное служение – в их числе)¹². Поэтому, действуя в ее рамках, она являлась в то же время оппозиционным, антисистемным элементом (иначе говоря, вызовом системе). Однако со временем и сам традиционный порядок, закрепивший несвободу как принцип социального существования, приобретал новые измерения, новые качества. Как под давлением внешних вызовов (сигналом к изменению у нас всегда служили проигранные войны: крымская, японская и проч.), так и под влиянием европеизированных слоев населения (они множились с распространением образования, урбанизацией, технической модернизацией). Разлагались «основы»; Россия (вся: власть, «верхи», «низы») менялась – сложно, мучительно, с трудом сохраняя равновесие. С отмены

11. Как показывает история, чтобы стать современной, России нужна именно европейская «прививка». «Русские европейцы» являлись проводниками этого влияния. В результате европеизации русская жизнь обновлялась, становясь более сложной. Ведь все новое – это и новые возможности (воздух свободы раскрепощает, раскрывает человека, с ним в общество приходят новые темы, вопросы, смыслы, способы существования, формы жизнедеятельности, институты), и новые опасности, угрозы. Проблема в том, что традиционный, исторически сложившийся тип русской социальности – против усложнения. Он склонен ограничивать более сложные формы жизни, давить связанный с ними «социальный контингент». Сложность, многообразие, открытость и прочие «излишества» противоречат его внутренней логике – выживания, а не развития. Общество этого типа сберегает себя на пути упрощения, сброса сложностей. Однако обновленческие «рецидивы» неизбежны и у нас. Потому что склонность к развитию – в природе любого общества. А ее стерилизация – путь к разложению, гибели.

12. Кстати, по этим темам европеизированная «субкультура» «верхов» и была расколата: либеральной культуре (условно говоря, «чацких») противостояла культура охранительная («фамусовых» и «скалозубов»).

крепостного права процесс изменений, вектор которых – европеизация (экономическая, политическая и проч.), стал необратимым. Обустраиваясь на новых началах, страна добилась невиданных успехов. Казалось, русское массовое общество будет строиться в рамках и на основе свободы, права, самодеятельности.

Но когда к грузу старых и новых (вызванных реформами конца XIX – начала XX в.) проблем добавилась мировая война, Россия не выдержала – рухнула. Все новое, все продукты изменений были похоронены под развалинами. В том числе человек – европейского, модёрного типа. Революция и Гражданская война обернулись в России борьбой с «внутренним Западом». Ее следствием стали конец гражданского общества, гражданского активизма, физическое вымирание не только людей европейского склада, но и соответствующих взглядов, ценностей, идеалов. Надо сказать, особый жалости ко всему этому никто тогда не испытывал. И не случайно у нас не прижилось толкование Гражданской войны как братоубийственной, как самоуничтожения. Страна избавлялась от «чужих»; принадлежность к дореволюционной (читай: европейской) культуре была признаком «инаковости».

В советские – точнее, в сталинские – времена выкристаллизовалось стойкое антизападничество, что в значительной мере объяснялось антимодернизмом сталинского «проекта» (СССР 1930–1950-х – это выпадение из modernity, т.е. из современности, в основе своей культурно-ментальное). Преодолеваться оно стало уже при Сталине – и главной вехой на этом пути явилась война: Великая Отечественная. Во время освободительного похода советская армия столкнулась с Европой (прежде всего, с бытовой, «хозяйственной» стороны). Это не прошло без последствий. Оправдались сталинские предвидения: советский человек, побывавший за границей, – это уже не настоящий («испорченный» – в смысле наведения порчи) советский человек. Народный вождь успел наказать народ за «предательство» (пусть и неосознанное или даже потенциально возможное) принципов – и его лично (как творца и хранителя изоляционизма / антизападничества): борьбой с космополитизмом, новым погромом верхушки армии, отказом «праздновать» победителей.

Смерть Сталина означала, что массово карать за интерес / симпатию к Западу уже не будут. И чем больше СССР становился *послесталинским*, тем сильнее становился этот интерес, появлялись возможности его удовлетворения. Да и образование (школа, вуз) давало людям, к тому чувствительным, основание полагать: если не пространственно и властно, то уж культурно мы все-таки близки Европе. Становясь все более массовыми, эти интересы и ощущения и творили из СССР после-, не- и антисталинскую страну.

В послесталинском СССР тоже сложился «внутренний Запад» – из вызовов НТР, разрядки, глобализации, послевоенной гуманизации и социализации

(в смысле: «больше социализма»). Он, конечно, был другим, чем в дореволюционной России: не «верхним» общественным слоем (подобно дворянству), а вестернизированной «прослойкой», осваивавшей западные потребительские стандарты и транслировавшей их (как желанную модель / образ жизни) «в массы». Общество-то уже было массовым. Но тема свободы – в иных, конечно, формах – была ведущей и для представителей этих страт.

Хотя «советский Запад» мыслил «освобождение» как торжество потребительской свободы и был гораздо менее просвещенным и неизмеримо более конформным, чем исторический предшественник¹³, его представители «работали» на открытие страны, ее синхронизацию с мировыми ритмами. То есть выполняли свою традиционную социальную роль. Вместе с тем искушали «системное большинство» призраком свободы и дарами «мира потребления» (материальными, интеллектуальными, культурными). Состоя с Западом в «холодной войне», страна все больше разворачивалась на Запад (по существу, идеальный «социализм будущего» приобрел в «реальном Западе» конкурента). Окончательно антиизоляционистские / западнические и в этом смысле антисоветские ориентации возобладали на «1/6 части земного шара» в перестроечные и 1990-е годы.

Итак, тип свободного человека не случаен и для нашего, по преимуществу несвободного общества. Он создан (как и многое у нас, «сверху» – властью) для контактов с внешним (а именно: западным) миром – чтобы осовременивать свой, русский. Поэтому его западничество (и вольнодумство или, по-русски, инакомыслие, и антисистемность) – не случайность или злой умысел, а результат истории, своеобразия русского развития. Именно он – субъект вестернизации / осовременивания русского мира. Эти социальные усилия сопрягались с общей позднесоветской тягой к либерализации и гуманизации, естественной для социальности любого типа. Она многократно проявляла себя в русской истории, поэтому столь же традиционна, как и тяготение к самодержавно-крепостническим порядкам. Хотя, надо признать, наше общество упорно сохраняет и сберегает себя именно как несвободное, видит

13. Советский европейски образованный и ориентированный человек был интегрирован в систему, растворен в ней – даже противостоя, являлся ее частью. Он не был нацелен на то, чтобы менять институты и процедуры (а они-то и упорядочивают жизнь, придают ей форму). Зато научился действовать через те структуры, которые имелись в наличии (использовать), или их обходить. Тем самым как бы творил для себя вторую («теневую») реальность. Но необходимость скрываться, маскироваться, вести двойную жизнь психологически надламывает человека. То есть тип советского западника надломлен, внутренне неустойчив, циничен. Он и в постсоветские времена действовал так же, как в советские. Чем, собственно, объясняются и его поражение, и его перерождение (заметим: потерпевший поражение достойнее перерожденца – и в социальном, и в человеческом отношениях).

себя несвободным (скажем, понимает власть только как насилие – то, что может подавлять, подчинять и т.п.).

Совершив очередной «побег» в несвободу, в начале 2010-х наше общество («большинство») неожиданно обнаружило в себе нечто инородное (ему – на этом историческом этапе – не соответствующее) – на Болотной. Это тоже реакция на перестроечное время, но реакция положительная. Болотная – бунт человека, осознавшего себя свободным, а общество, в котором он живет, несвободным; выступление по сути своей не антивластное (хотя оно и обрело форму политического протеста), а антисистемное: за свободу и западничество как русскую традицию. Не случайно националистический консенсус «верхов» и масс образца 2014–2015 гг. является в основе своей антимайданным и антиболотным. Его характер – охранительный, запретительный. Он направлен против свободы выбора (в любой сфере, внутри и вне страны), за восстановление права на несвободу для всех и для каждого: как всеобщего и обязательного.

Внутренний выбор в пользу несвободы получил и внешнее оформление. Россия закрывается. Слова по звучанию высокие – напоминают горчаковское: Россия сосредоточивается. Но смыслы – самые низкие. Мы (как сообщество) отказываемся от решения тех проблем, с которыми был связан очередной выход в мир. Изоляция – не возвращение на единственно верный (потому что традиционный) путь, а капитуляция: признание своей несовместимости с современностью. Поэтому мы сейчас так заняты кем и чем угодно, зациклены на других (соседах, плохих и хороших, бывших друзьях, исторических врагах) и совершенно забыли о себе, о своем настоящем. Потому и внешний мир воспринимаем как чужой и враждебный: это лучшая точка зрения на себя, лучший мотив для изоляции.

Новый курс и война

Способ, который Россия выбрала для ухода от (из) мира, вполне традиционен. Милитаризация / мобилизация (в тех или иных формах) – необходимое условие для реанимации «порядка несвободы». Он наиболее эффективен именно в ситуации чрезвычайщины, когда срезаются все и всякие сложности и множественности, мир упрощается до понятной всем формулы: «мы / они» – «свой / чужой». Иначе говоря, в обычно-привычное существование входит война – сначала как идея, потом как практика.

Пожалуй, это самое поразительное из того, что случилось с нашей страной и с миром в последние два года: «война – у порога», мир поставлен под вопрос. Еще совсем недавно казалось, что человечество (и мы, как его часть) пережило войну, оставило ее в прошлом. И вдруг в считанные месяцы произошли рывки этой темы, ее экспансия во все сферы общественной жизни,

ее «банализация». Откуда такая беспечность, такое легкомыслие – и политиков, и народонаселения?

У нас это, казалось бы, легко списать на советское наследие. Действительно, с момента появления Страны Советов главным жизненным резонансом и для «верхушки», и для населения была война. Даже мирная повседневность уподоблялась военной: «классовая борьба», «осажденная крепость», «страна в кольце врагов», внутренние «предатели / пособники» и т.п. Эта картинка мира впаялась в сознание советского человека, став его идеологией, жизненной философией. Он мыслил милитарными категориями; главное подтверждение собственной успешности, конкурентоспособности получил в войне. «Мы – русские, какой восторг!» – эта суворовская реакция на военные победы России в конце XVIII в. лучше всего описывает наше отношение к победному 1945-му.

О милитаризме нашего массового сознания говорил, к примеру, известный социолог Г.Г. Дилигенский: «Чувство национальной гордости в советское время было, к сожалению, связано со способностью внушать страх: нас уважают, но не потому что мы живем лучше других, а потому что других пугаем»¹⁴. Надо сказать, и мир вокруг поддерживал в советском человеке это убеждение. Известный писатель Ю. Нагибин, будучи в 1970-е годы в Норвегии, где его очень тепло встречали, заметил: «А все-таки слаб человек без родины... Я это понял по отношению местных людей ко мне. “Пока есть такие люди, как вы, Россия не погибла” – и робкое, искательное заглядывание в глаза. Конечно, тут было личное отношение, я им пришелся по душе, что редко бывает, но мое обаяние хорошо подкреплялось бесстрашной пехотой, мощной артиллерией, танками, авиацией, очень окрепшим флотом и всей термоядерной мощью самого вооруженного в мире государства»¹⁵.

Однако сильнейшая потребность в самоуважении через страх (родственная, кстати, традиционному алгоритму любви по-русски: *бьет – значит любит*) гасилась тем историческим ощущением, которое нация вынесла из Второй мировой: только бы не было войны! Природный милитаризм советского человека «смирля» Великая Отечественная. Все советские лидеры после Сталина прошли войну или были задеты ею в более или менее сознательном возрасте. И воевать они не хотели. В значительной степени демилитаризовано – культурно, ментально – было позднесоветское (послевоенное, постсталинское) общество.

14. Цит. по: *Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы.* – Вып. 24. – М.: ФРПЦ, 2002. – С. 30–31.

15. Нагибин Ю. *Дневник.* – М.: Изд-во Книжный сад, 1996. – 698 с. – Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/101551/DNEVNIK?p=67>

Такое впечатление война 1939–1945 гг. произвела не только на нашу страну. За ней последовал длинный демилитаризационный цикл, который сопровождался культурной демилитаризацией, демилитаризацией сознания и «элит», и народов. Конечно, к «победоносному шествию» идеи мира ситуацию после Второй мировой не свести. История холодной войны – это целая череда военных столкновений, постоянная гонка вооружений. Но и народы, и «элиты» устали от войны – надорвались, в том числе морально. В 1945 г. мир ощутил себя послевоенным – и, несмотря ни на что, все больше становился таковым. Страх нового глобального катаклизма, захвативший мировые сверхдержавы и их союзников, служил столь же надежным фактором сдерживания, что и ядерное оружие.

В СССР после 1945 г. лимит на войны был исчерпан. Психологически, культурно, демографически (войне отдали все – погибло целое поколение, не оставив после себя потомства; воевать было попросту некем) – всячески. Это, конечно, не исключало возможности участия в локальных конфликтах и гонке вооружений. Однако само это участие окончательно подрывало советские основы. Тотальность «оборонки» (во всех смыслах, но прежде всего в материально-финансовом) не давала развернуться гражданскому «сектору», в полной мере состояться гражданской жизни. Зацикленность власти на «ВПК» (военном производстве, интересах «военщины») тормозила развитие позднесоветского общества как потребительского и гражданского. А оно желало быть таковым. Поэтому все меньше связывало свои перспективы с торжествующим милитаризмом, перестало ощущать себя «военнообязанным».

Показательна общественная реакция на афганскую войну. – Никакая: страна не желала ее замечать. И советское руководство весьма ограничено использовало ее для пропаганды своих успехов / успешности. Понимало: война – это не тема; об этом нельзя говорить – пропаганда войны опасна. Да она и не прошла бы. Той стране, из памяти о которой мы сейчас конструируем свое будущее, соответствовала идея мира – разрядки, мирного сосуществования.

В позднем СССР произошла культурно-ментальная революция, нами не осознанная и не оцененная. Демилитаризация сознания советского человека, его прощание с войной в голове – поразительный факт победы истории над идеологией, традиционными комплексами и фобиями, одно из лучших подтверждений того, что исторический прогресс – не пустые слова, но реальность, данная нам в ощущениях. В этом смысле перестройка в СССР вовсе не была случайной. И не случайно ее поддерживали наши партнеры по холодной войне. – Накопленный антивоенный потенциал и там требовал реализации.

И вдруг – такое падение, полная девальвация капитала разрядки / сотрудничества, накопленного в поздне- и постсоветские времена. Повторим, не только у нас. Мы не одиноки в заигрывании с войной. К несчастью, не

одинок. Цивилизованное человечество открыло для этой темы свое сознание. Лидеры ведущих держав допустили возможность войны. Более того, уже идут разговоры о едва ли ни неизбежности ее. С нашей сегодняшней позиции эпоха после 1945 г. кажется уже не послевоенной, а передышкой между войнами.

На вопрос: почему? – можно дать лишь самый общий ответ. Вероятнее всего, нас – Россию и «Запад» (очень разный, конфликтующий и сотрудничающий евроатлантический мир) – подвела привычка жить без войны, уверенность в том, что после XX в. мировые трагедии невозможны. Кроме того (как бы дико это ни звучало), и «элиты», и массы ведущих мировых держав давно не воевали (я имею ввиду «большие», «исторические» войны). За 70 лет они не только излечились от страха, но и устали от мира. Стали искать резоны для войны. А это не сложно. Вспомним хотя бы: «Не мир, но меч принес...» В такой ситуации все меньше «работают» рассуждения о пагубности войн, об их катастрофических последствиях как для воюющих народов, так и для воюющих режимов. Забылся главный урок XX в. (да и вообще человеческой истории): ответственность за скатывание мира к военной катастрофе всегда несут все.

В России война из идеи, образа, возможности превратилась в реальность; с помощью СМИ вошла в каждый дом, сопровождает повседневную жизнь миллионов людей. Украина, информационное и экономическое противостояние с Западом, Сирия, публичные разговоры о «новой холодной» и «третьей мировой». Война у нас стала восприниматься как что-то нестрашное, лишь отчасти связанное с реальностью и едва ли не нормальное. Да и придуманные для нее пропагандой названия успокаивали, уводя от сути предмета: гибридная / информационная / психологическая – как бы и не война вовсе. Так, игра, развлечение, разрядка / оттяжка от многотрудной нашей обыденности.

Об униженном национальном чувстве и оскорбленной памяти

Такой внезапный поворот от мира к войне, изменивший страну, вызван многими обстоятельствами: внутренними и внешними. Скажем сначала о последних.

События конца 1980-х – начала 1990-х годов (символы которых – падение Берлинской стены и распад СССР) разрушили тот устойчивый миропорядок, который сформировался после 1945 г. (Приходится – с прискорбием – констатировать, что более или менее устойчивый и долгий порядок вырастает из мировых войн.) Новая ситуация парадоксальным образом сложилась не в нашу пользу. Парадоксальным – потому, что мы-то ее в значительной степени и складывали.

Следствием перестройки стали максимально возможные (и даже сверх меры – если исходить из требований безопасности) разоружение и открытость миру. СССР закончил холодную войну, во второй раз освободил Европу – на этот раз от себя. (Сказав это, я нисколько не хочу свести всю сложную историю отношений СССР и «стран социализма» к оккупации и репрессии¹⁶ или умалить достижения освободительных, антикоммунистических движений в Восточной Европе.)

Страна после долгого периода изоляции пошла на сближение с Западом, перестала видеть в нем врага. Новая Россия продолжила это движение, сделав ставку на интеграцию. При этом ожидала, что займет достойное место в освобожденной Европе, в мире, который избавила от военной угрозы. Что разделит преимущества нового послевоенного (после холодной войны) мироустройства. Что человечество не забудет об исторической роли СССР–России в XX в. – победителя и миротворца и о той цене, которой оплачены победа и миротворчество.

Однако в 1990-е и 2000-е годы Россия все больше чувствовала себя исключенной из сообщества ведущих мировых держав – пораженцем, проигравшим. Это было несправедливо и оттого особенно унижительно. В стране, помнившей себя победителем, привыкшей мыслить мировыми масштабами и в этих мыслях находить лекарство от внутренних нестроений, такие переживания должны были дать опасные всходы.

Г.Г. Дилигенский писал еще в начале 2000-х годов: «Эмоции многих россиян сегодня связаны... с униженным национальным чувством... Российское общество в силу <этих> особенностей своего психологического состояния в высшей степени чувствительно (можно даже сказать, ранимо) в отношении всех “сигналов”, посылаемых ему с Запада. Любой признак враждебности, отчужденности, пренебрежительного отношения к российским проблемам и интересам, тем более явное стремление ущемить их способны вызвать очередной негативный перелом в восприятии Запада и снизить влияние его примера, повысить престиж консервативных и националистических политических сил. И напротив, признаки доброжелательности, сочувствия, уважения, понимания по отношению к России могут усилить прозападные тенденции,

16. В современных оценках этой истории доминирует «принцип войны»: или / или. Социалистический блок называют или «социалистическим лагерем» (оценивая в «парадигме» войны), или «социалистическим содружеством» (трактую в «парадигме» мира / разрядки). В реальности восточноевропейский социалистический мир был и тем, и другим. Поначалу больше «лагерем», в постсталинские времена тяготел к «содружеству». Хотя и «лагерное» в его природе сохранялось, о чем свидетельствуют 1956 и 1968 гг., польские события 80-х и др.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

повысить престиж западных ценностей, экономических и политических институтов в российском обществе»¹⁷.

России (лидерам, политикам, обществу) хотелось, чтобы западные страны относились к ней как к равному. Но после краха СССР у Запада, по существу, не было никакой политики в отношении нашей страны: нас оценивали так низко, что попросту вычеркнули из большой мировой игры. Россия перестала быть интересной Западу, не учитывалась в геополитических расчетах западных стран. Понимая условность и даже опасность исторических аналогий, скажу: это напоминает отношение Европы к Германии после 1918 г. Оно стало едва ли не решающим фактором поражения «веймарской демократии» и скатывания к новой мировой войне.

Один из главных уроков мировых войн XX в. состоит в том, что победители не должны допускать унижения и экономической дестабилизации держав, потерпевших поражение, или принявших на себя всю тяжесть последствий послевоенного устройства. Это, как говорят в науке, методологическая ошибка. Так создаются потенциальные угрозы для мира, почва для возрождения зла. И по окончании Второй мировой побежденная Германия была интегрирована в Европу, евроатлантический мир. Этот ценный урок войны 1939–1945 гг. к концу XX в. оказался забыт.

Новый миропорядок созидался без его учета. Действия ведущих игроков определяли резоны и опыт холодной войны, а также упорное высокомерие победителей. И то и другое «работало» на милитаризацию: политики, жизни, сознания, на возрождение идеи войны.

У нас этот «ренессанс» был обусловлен не только настоящим, в котором страна оказалась на обочине мировой политики, но и прошлым. Точнее, памятью о нем. В 1990–2000-е годы под сомнение были поставлены наши лучшие воспоминания о главном источнике национальной идентичности: о Великой Отечественной войне.

После 1945 г. в Европе безусловно доминировала «память победителей»: в Восточной – СССР, в Западной – западных союзников. Распад Восточного блока и падение СССР дестабилизировали европейскую память о Второй мировой, придав ей новый актуальный смысл – политический и культурный. В Европе началась борьба за ту войну – за то, как должна использоваться память о ней.

Восточноевропейские нации «разморозили» свои «старые» (имперские, националистические) воспоминания. Будучи приспособлены («привязаны») к ситуации после 1991 г., национальные памяти восточноевропейцев оказа-

17. Дилигенский Г.Г. *Запад в российском общественном сознании // Общественные науки и современность*. – М., 2000. – № 5. – С. 18.

лись политически взрывоопасны. Потому что технологией такой «привязки» стала память о советской оккупации Восточной Европы и о СССР как об оккупанте. Таким образом, в сознании восточноевропейцев 1945 г. все больше связывался не с освобождением от фашизма, а с утратой национальной государственности. Символом же освобождения и государственного возрождения стала эпоха рубежа 1980–1990-х годов.

Это можно понять: чтобы состояться, новые нации должны были использовать историю. А выбор здесь невелик. Если бы не было «вражеского» СССР с его «экспортом советизма», его стоило бы придумать. Эти воспоминания лучше других послужили национальной консолидации в постсоциалистической Европе. Однако в результате была упущена возможность сделать память об освобождении от фашизма одним из позитивных оснований новой общей Европы, где нашлось бы место и для России.

Для нас такое «переформатирование» прошлого оказалось столь же болезненно, сколь и падение международного престижа. Потому что это и есть главное. Победа 1945 г. для нашего человека – не просто одна из русских побед. Это свидетельство успешности нации в истории – еще более убедительное и бесспорное, чем великая русская культура (ею тоже гордятся – но на «вторых местах»). Не прошлое даже, а обещание будущего – основание для каких-то надежд, Наша Победа на все времена.

Попытки *это* оспорить вызвали такой же надлом национального сознания (и бессознательного), как утрата имперского (великодержавного) величия. Не случайно «унижение» (умаление) Победы «за рубежом» приравнено у нас к историческому поражению страны в 1991 г. Более того, само это поражение воспринимается как отложенный негативный ответ на историческую русскую Победу.

За короткий срок мир вокруг как бы вынес России двойной приговор: вон из мировой политики! вон из мировой истории! Это даже не удар – это нокаут.

Можно, конечно, сказать, что это ошибка восприятия, что на деле все сложнее, что «пораженческий» взгляд на себя, вызывая социальные недовольство и агрессию, не дает возможности развиваться. Все это так. Но мы тем не менее смотрели на себя именно с этой позиции. Точнее, это точка зрения у нас возобладала.

Поэтому, чуть оправившись от «смены режима», страна вполне предсказуемо возжелала реванша. Напомнить миру о себе как о победителях – вот важная потребность массового сознания и одна из главных политических задач России 2010-х. Им в жертву и приносятся сейчас иные жизненно важные потребности (даже в безопасности) и задачи (модернизации / развития).

Поиски справедливости: От национального – к интернациональному

Но, конечно, все решилось внутри. Бывшие империи могут десятилетиями жить, испытывая «фантомные боли». Способны даже их пережить. История знает множество таких примеров. Если настоящее постоянно обустроивается, прирастает перспективами и устраивает (экономически, социально, психологически) большинство народонаселения, то прошлое можно оставить в прошлом.

Массовая ностальгия: на рубеже 1980–1990-х искусственная (о том, что исчезло, что убили в себе, – о дореволюционной России), а в 1990–2000-е – уже неподдельная (об СССР, который мы потеряли) – показатель общей неудовлетворенности своим настоящим. Милитаризация общественного сознания, мнения и политики в России 2010-х – это, прежде всего, реакция на внутренние проблемы. Точнее, это перенос их вовне – по двум линиям: властной и общественной.

Военно-наступательные действия власти в значительной степени определила «проблема-2012» (она же: «проблема-2008»; она же: «проблема-2018»). Внутренние риски для ее успешного решения, видимо, расценивались «наверху» как чрезвычайно высокие. Поэтому пришлось прибегнуть к сильнейшему средству: беспрецедентной активизации внешней политики – вплоть до Крыма. Тем более что международная ситуация благоприятствовала: Украина решила пойти на Запад через Майдан. Иначе говоря, «новый курс» предполагал возможность конфликта на постсоветском пространстве. Он строился с учетом сложностей нашей недавней истории и традиционных склонностей народа. И не случайно эта перспектива страной была принята, стала почти национальной.

Для основной части населения милитаризм / реваншизм тоже оказался выходом из тупика своих проблем. Нулевые годы, конечно, не были «тучными» (это эксклюзив для «элит»), но прошли под знаком благополучия и подъема: люди зарабатывали и потребляли, потребляли и зарабатывали. Социальный организм восстанавливался после сильнейшего потрясения. Правда, при всем различии 1990-х и 2000-х постсоветский порядок не изменился в главном. Испытывая острейший дефицит разумности и справедливости, не мог обеспечить стабильный рост и поравнение массовых потребительских возможностей. И, как свидетельствуют социологические опросы, массы это хорошо понимали¹⁸.

18. В рамках этого порядка практически все общественные блага и возможности сосредоточены «наверху». Конечно, можно сказать: это русская традиция. Что во многом верно. Однако в разные исторические времена для этой традиции находились

Если на рубеже 1990–2000-х годов народ, по существу, «расписался» в неверии в возможность строительства более справедливого порядка в рамках и на основе свободы, то к началу «десятих» утратил веру в его осуществимость вообще. Страна окончательно потеряла ориентир – ощущение общих задач, перспективы. И пошла за ними вовне. Заграница стала местом поиска справедливости: ведь в России это понятие не только социальное, но и пространственное¹⁹.

В ситуации с Крымом потребность в справедливости оказалась удовлетворена (отчасти, конечно) вовне: Крым – наш (исторически, человечески – всячески). Пусть нет справедливости для каждого, но она возможна для всех: возвращаются «наши земли» – восстанавливаются влияние страны в мире и достоинство ее людей. Взятие Крыма – символический реванш за 1991-й: не только «геополитический», но и социальный (по мнению большинства населения, выйдя из СССР, мы и попрощались со справедливостью). Здесь звучит эхо победного 45-го.

Крым – это символ и, если угодно, идеологическое обоснование нового общественного договора, в основе которого уже не демилитаризация и потребительская стабильность (застой по-постсоветски), но идеи милитаризации и великодержавного реваншизма. Не мир (пусть и плохонький), но война. Причем война справедливая: не случайно информация о ней втискивается нашей пропагандой в сценарий Отечественной – патристической, победоносной, священной. Дела в высоком смысле народного.

Для власти смысл этого договора – в том, чтобы увести население от социальных проблем, вынести вовне потенциал социального протеста, конвертировать его в «капитал не-свободы». А также получить подтверждение

компенсации и ограничения. Сейчас социальному эгоизму «верхов» нет пределов. В массовом, потребительском, глобализирующемся мире этот дефект нашей социальности приобретает качество взрывного механизма. Не случайно переживания по поводу несправедливости нашего жизнеустройства социологи называют главным социальным неврозом.

19. Сама Россия – явление не только социальное, но и в значительной степени пространственное. Помню этот тезис. Держава наша строилась вширь. Колонизация территории была историческим делом не только власти, но и «мира» («мир» – основная социально-территориальная единица; главная форма, в которую отлилась русская социальность; наш аналог европейского общества). Тем самым проблемы «внутренней России» (социальное напряжение, нехватка пашенных земель и пр.) выносились в «Россию внешнюю». Занятые в ходе государственной и народной колонизации земли понимались как свои – и государством, и народом. С утратой пространств, сужением территории всегда терялись исторические резоны существования страны. Поэтому их возвращение полагалось (и полагается сейчас) спасительным и справедливым. В России 2010-х это лучшая технология «нациостроительства» и разрядки социальной напряженности.

собственной силы (ее ощущение «там» высоко как никогда) вовне, демонстрацией мощи и влияния доказать стране свои эффективность и безальтернативность. Для населения это своего рода разрядка: конвертация всего негатива, накопившегося в 1990–2000-е по поводу внутренних бед и неустойчивости, невнимания и равнодушия внешнего мира в отчаянный жест: «умыть» «укробандеровцев», «дать по жопе америкашкам». Да и прочим нашим партнерам.

О последствиях «нового курса» и национальных интересах

Российским ответом на всякого рода национальные унижения (внутренние и внешние) переломных времен стала милитаризация – поначалу сознания (и «элит», и народа). В 1990-е все более широкие круги населения охватывало мнение: мир вокруг России – это угроза; ей нужно противостоять, т.е. вооружаться. Сейчас оно стало едва ли не всеобщим.

Разоружение для нашего массового человека больше не является синонимом безопасности, ее залогом. Безопасный мир, с точки зрения наших людей, это мир вооружающийся. В рамках этого «нового» мировоззрения возродились все советские установки: мы – в своем окопе, кругом враги, займем круговую оборону, по возможности будем переходить в наступление²⁰. И: пусть знают! пусть боятся! Эти угрозы адресуем западному – нас отрицавшему и унизившему – миру²¹. При этом «воображаем» его внутренне слабым, надломленным (как учили раньше, «загнивающим») – так полное ощущение собственной силы.

Любые «гуманитарно» обусловленные действия, сам путь демилитаризации (иначе говоря, компромиссов, договоренностей, т.е. дипломатии, политики) понимаются теперь в России как ошибка. Более того. Только встав на другой путь – конфликтов, угроз, противостояния, мы вновь ощутили себя и в мировой политике, и в истории. Крым стал историческим подтверждением правильности и «победности» реваншистского мировоззрения.

С Крымом к нам вернулось подзабытое историческое чувство: «Мы – русские, какой восторг!». Правда, за восторг приходится платить. И цена

20. Подчеркнем: и в этом случае «новому курсу» потребовалась предельная апелляция – к Сталину как подлинному создателю советского «проекта», к сталинским временам, когда милитаристско-изоляционистские установки были чем-то вроде символа веры.

21. Помещая именно туда источник угрозы, мы тем самым косвенным образом подтверждаем: значимый для нас мир (наш внешний мир) – это Запад. В других мирах российский обыватель мало что понимает; к ним он равнодушно-снисходителен, не чувствителен. Об этом надо помнить – особенно теперь, когда мы скатились в очередной приступ антизападничества.

растет – об этом напоминает устойчиво падающая национальная валюта. Но мы «не постоим» – у нас ведь, «по-истории», и благополучие временно, и сытость случайна. Да и с «субъектностью» получается в основном на внешних фронтах. А за «временные трудности» ответит «внутренний враг» – тут у нас накоплен богатый опыт...

Все, кажется, наконец, правильно. Мы вновь осознаем себя общностью, и «наше дело правое». Но сейчас особенно понятно: курс на несвободу / изоляцию / милитаризацию – это ошибка. Во всех отношениях.

Мы не удержались в рамках демократической: плюралистической, открытой, «возможностной» – перспективы. И шарахнулись назад, возрождая и воспевая как «органично-традиционное» («нашу норму») полицейско-запретительные, агрессивные, архаические социальные потенциалы. Не видя будущего²², сделали ностальгические воспоминания о советизме / советском едва ли не единственным резонансом собственного существования. Но СССР ведь нет, он в прошлом. – Получается, мы пережили свои перспективы.

События последних двух лет лишь создали иллюзию, что формула «назад, в будущее» работает. Что только здесь и возможны согласие, порядок, национальное самоутверждение. Это не так. И то, что «нация» консолидируется против врагов, внешних и внутренних, а не вокруг позитивной программы, нацеливается не столько на развитие, сколько на противостояние, – лучшее тому подтверждение.

В России внутренняя и внешняя политика традиционно тесно связаны, как бы взаимно перетекают друг в друга. Следствием внутренней слабости, надломленности и ошибочной политики «исключения», которую вел в отношении нас мировой гегемон²³, стала уязвимость страны для всякого рода опасных заблуждений. Многолетние публичные разговоры об «особом пути», акцентировка нашего антиевропеизма / антиамериканизма, попытки представить себя «хорошей» альтернативой «плохому» Западу ведут к теме войны.

22. Современная Россия пребывает в уникальной ситуации «после»: «после социализма» и «после капитализма». В ней нет «потом». «Проигрывание» же настоящего по сценарию прошлого, каждодневное ностальгическое переживание «хорошего советизма» как утраты (во многом с помощью ТВ) консервируют ситуацию «без будущего». А значит, множат потенциалы «не-развития». Не случайно в реальной жизни в геометрической прогрессии нарастают «пережитки» «плохого советского» (разного рода проявления «совковости») – в магазинах, на дорогах и т.п.

23. Для сегодняшней России Америка – источник мирового зла, антироссийской агрессии. Это не так. США – великая страна и великая демократия. Но как мировой гегемон, действующий в отсутствии каких-либо ограничений, склонны зарываться. И в случае с Россией Америка переходит грань. История и культура нашей страны таковы, что с ней нельзя говорить как с Верхней Вольтой. Такой разговор должен был привести к противостоянию.

А это тупик. Все ситуации «мировойны» краткосрочны. В конце концов они разрешаются в пользу или мира, или войны. И чем больше разворачивается военная тема, тем ближе мир к катастрофе. Даже ядерное оружие не кажется теперь надежной преградой для мирового конфликта. Да и история XX в. утверждает: наличие оружия массового уничтожения – вовсе не гарантия мира. Оно шло в ход, обновлялось и совершенствовалось в обеих мировых войнах. Иначе говоря, война – это не способ «вернуться в историю», «восстановить достоинство» и т.п. В боях за субъектность современной России может быть уничтожен сам субъект.

Заигрывание с темой войны плодит не только внешние риски и угрозы. Война, какой бы она ни была, всегда ведет к внутреннему упадку. Насилие неизбежно проецируется во внутрь. В условиях войны укрепляется режим изоляции, совершенно не адекватный современной, чрезвычайно интенсивной, «экспансионистской» жизни. Снижается социальная эффективность государства, и без того у нас, мягко говоря, недостаточная. Политика и общественные отношения все больше определяются формулой: кто не с нами – тот против нас. Создается атмосфера, в которой возможно все.

Движение «новым курсом» грозит тем, что страна может оказаться на каких-то уж совсем последних рубежах. Там речь пойдет не о вечной и высокой цели: как нам обустроить Россию, а о том, как вернуться к обычной, нормальной жизни. Отрезвляющий инстинкт выживания рано или поздно вернет нас из миражей прошлого в настоящее, из изоляции – в мир, в современность. Заставит осознать: наш национальный интерес состоит в том, чтобы примириться вокруг ценностей человеческой жизни, равенства возможностей и верховенства закона.

Но здесь возникает главный русский (третий – после «что делать?» и «кто виноват?») вопрос – о цене: какой ценой будет оплачен такой поворот?

Л.Н. Верчёнов

«ЧЕЛОВЕК РУССКИЙ», ГОД 2014: КТО МЫ, КУДА ИДЕМ

Верчёнов Лев Николаевич – кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Известный бард и поэт (доктор геолого-минералогических наук, профессор) Александр Городницкий отмечает у себя непонятную ему самому способность к поэтическим пророчествам – в 2007 г., например, написались строчки: «И слышу снова сорок сороков я. / Московия, лишённая морей, / Стремительно летит в Средневековье. / ...Клубится дым у Терека-реки, / Ждет беглецов литовская граница – / ... Лихие наступают времена, / Русь, как пружина, сжата до отказа – / Все будет вновь – Ливонская война / И покорение Крыма и Кавказа» [Городницкий, 2015].

Не все из «предсказанного» воплотилось в жизнь, но «ощущение абсурдности происходящего» (Л. Гудков), психоз иррациональности (А. Ципко), начиная с марта 2014 г., «политические безумства России в последнее время» (Владислав Иноземцев) свидетельствуют, что на самом деле, слегка перефразируя, «лихие наступили времена».

* * *

Несколько дат в 2014 г. радикально трансформировали политическую повестку дня в РФ: 23 февраля – праздничное закрытие триумфальной для России Олимпиады в Сочи; 27 февраля – объявление референдума на Крымском полуострове (назначение даты референдума происходило в условиях «крымского кризиса»); 16 марта – проведение референдума, на котором 96% принявших участие в голосовании жителей Крыма, «опасаясь за сохранение собственной идентичности и русского языка», высказались за вхождение в состав России; 18 марта – внеочередное послание президента РФ к Федеральному Собранию и подписание договора о присоединении к России Автономной Республики Крым и города Севастополя.

Эмоциональное состояние российского населения в эти дни (воодушевление, восторг, всплеск патриотизма) вполне соответствует словам, написанным задолго до этого (в связи с возвращением из Франции русской армии, победоносно закончившей в Париже Отечественную войну 1812 г.): «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество!» Хотя на этот раз победа – «Крымнаш» – гораздо скромнее, но как сильно и сладко забилося огромное количество русских сердец.

Буквально в мгновения население страны, в массе своей достаточно равнодушное к политике и озабоченное до этого проблемами повседневного быта, обернулось не просто большинством, а практически «сверхбольшинством» (К. Рогов). Оказалось, что его волнуют и политические пути движения страны, и, более того, даже «метафизические» проблемы русского Бытия. Обычно Пушкина цитируют, ограничиваясь приведенными выше фразами, но у Александра Сергеевича есть и продолжение. Прочитируем еще раз: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество! С каким единодушием мы соединяли чувство народной гордости и любви к государю. А для него какая была минута!» Нынешнее наше «чувство народной гордости и любви к государю», по мнению аналитиков, политологов, социологов и комментаторов, едва ли не беспрецедентно. Между вождем и народом возникает загадочная связь – не столько эмпатия (сопереживание), сколько симпсихоз (душевный симбиоз), скажет по этому поводу М. Эпштейн.

Представляя в конце декабря номер «Независимой газеты», в которой подведены «итоги 2015 года», главный редактор К.В. Ремчуков замечает: «Уровень реальных доходов граждан продолжал снижаться. Рейтинг Владимира Путина продолжал расти...¹ Приходится додумываться... что бы это значило. Либо уровень падения доходов незначителен, либо сами средние доходы невелики и их реальное измерение не отражается на типовой структуре потребления, либо психологическая удовлетворенность от демонстрации военной силы затмевает неудобства текущего момента, либо просто любовь к Путину – онтологическая и одновременно метафизическая реальность сегоднешней России» [Ремчуков, с. 1].

1. В январе 2015 г., по подсчетам Фонда «Общественное мнение», президенту доверяли 83% россиян, к ноябрю 2015 г. доверие президенту, согласно ФОМ, составило 85% [ФОМ: работу... 2015].

Информация к размышлению. Выкладки научного руководителя Института экономики РАН Р. Гринберга: сегодня в России 5% граждан владеют 70% богатств России, 15% живут более или менее по-человечески (что-то вроде среднего класса, по крайней мере, это обладатели загранпаспортов), а остальные 80% ходят на работу, чтобы выжить (работают «за еду», живут от зарплаты до зарплаты) [Гринберг, Скворцова, 2015, с. 4].

«Такого уровня консолидации вокруг первого лица не было никогда. Никогда не было такого уровня поддержки военных действий и одновременно совершенно иррационального озлобления против всего мира. Не хочу быть пророком, но, может быть, Россия в лице ее сверхбольшинства приняла сегодня историческое решение, которого в истории страны никогда не было», – констатировал Б. Дубин в интервью Марии Шубиной весной 2014 г. (При жизни Дубина это интервью не было опубликовано, оно было вывешено на сайте после его кончины) [Дубин, Шубина, 2014]. Характеризуя политические настроения (что-то вроде «политического опьянения») и социально-психологическое состояние российского общества весной 2014 г. Б. Дубин говорил: «Происходит процесс разложения социума... сегодня я думаю, что нет угла, не затронутого этим распадом. Здоровые, казалось бы, люди готовы верить совершенно немыслимым глупостям, отстаивать мнение, которое никогда в жизни они не считали своим, впадать в раж, терять голову и способность к критическому мышлению. Не говоря уже о человеческой солидарности» [там же].

«Крымнаш», по-видимому, стал ответом на национальное чувство ущербности, комплекс неполноценности и одновременное ощущение изолированности в мире, чувство утраты того, что мы великая страна и нас боятся.

Можно напомнить, что были «90-е годы», в которые произошла варварская и бесчеловечная, поддержанная Западом приватизация, случился развал экономики и правовых институтов, разгром систем образования и здравоохранения – и все это на фоне криминализации общественной и государственной жизни. В течение нескольких лет две трети населения страны выезжает, по выражению социолога Левада-центра А. Левинсона, «мордой в стену» – и это коснулось всех: и тех, кто обольщался демократией, и тех, кто не верил в демократию, и тех, кто вообще не имел никакого мнения.

Как отметила «Независимая газета» в последнем за позапрошлый год номере, посвященном «итогам 2014 года», президент РФ, по-видимому, хорошо понимает массовые настроения населения страны, понимает психологию масс и часто ориентируется на эти настроения в своей деятельности. Дело в том, что «на уровне массовой психологии запрос на демонстрацию державности, суверенности, противоположности Западу существовал давно» [Новое покорение Крыма, 2014]. «Давно» в краткой истории современной истории России – это, наверное, имеется в виду, а на самом деле давно и в русской истории.

Западные наблюдатели политической истории Российской Федерации, трезво оценивающие текущую политическую ситуацию в России, склонны

разделять подобные взгляды. Вот мнение Ангуса Роксборо – автора книги «Железный Путин: Взгляд Запада»² [Роксборо, 2012].

«Мои репортажи для BBC запечатлели десятилетие позора и унижения, пережитого жителями некогда могучего государства, – пишет А. Роксборо. – ...Российское общество оказалось поистине раздавлено резким отходом от коммунизма. Люди потеряли свою страну... Западные лидеры были не в состоянии оценить психологическую травму, которая была нанесена россиянам как нации. Владимир Путин же видел это прекрасно. Большинство россиян с легкостью отказались от коммунистической идеологии. Но они не избавились от образа мышления, сформированного еще в докоммунистический период и лежащего глубоко в душе русского человека. Именно самая мрачная сторона жизни 1990-х годов, которую Запад попросту просмотрел, и подготовила плодородную почву, в которую Путин начнет сажать свои идеи» [Роксборо, 2012, с. 21, 24, 27–28].

Социологи еще ВЦИОМа, ныне Аналитического центра Юрия Левады (Левада-центра), в первую очередь сам Ю.А. Левада, уже с середины 90-х годов – на основе репрезентативных социологических исследований – стали отмечать нарастание авторитарных ожиданий в российском обществе, усиление консервативных тенденций.

После попытки путча в октябре 1993 г., танкового обстрела Белого дома, развязывания Чеченской войны в 1994 г., т.е. после событий, продемонстрировавших, по мнению Б. Дубина, слабость власти, ее нерешительность, отсутствие ясных видов на будущее, в российском социуме начали нарастать ожидания единоличного лидерства, «твердой руки» и «жесткого порядка».

В исследовании 1994 г. на вопрос «Что в большей мере отвечало бы сейчас интересам России?», продолжает Б. Дубин, 57% опрошенных согласились

2. В 2006 г. Администрация президента РФ заключила контракт с базирующимся в Нью-Йорке PR-агентством Ketchum и его брюссельским партнером CjPlus. В функции Ketchum входила задача рекламировать Россию за рубежом, формировать новый ее облик.

В марте 2015 г. Кремль прекратил сотрудничество с Ketchum: фактически уже с сентября 2014 г. никаких работ по контракту с американскими пиарщиками не велось, теперь от их услуг отказались юридически. Сложившаяся обстановка в мире сейчас не благоприятна для «восприятия истины» – так прокомментировал пресс-секретарь президента РФ Дм. Песков отказ от услуг Ketchum.

Ангусу Роксборо – сотруднику Ketchum, специалисту, хорошо осведомленному о России, была в 2006 г. предложена работа, он принял это предложение и стал кремлевским консультантом по СМИ, жил в Брюсселе, но часто наведывался в Москву. Будучи иностранцем, он тем не менее стал человеком, максимально приближенным к коридорам российской власти.

Книга – личные наблюдения о периоде с 2006 по 2009 г.

с вариантом ответа «Концентрация власти в руках сильного и авторитетного лидера» [Дубин, 2011, с. 78]. «Из-под временных и нестойких наслоений стали проступать гораздо более долговременные, привычные представления и ориентиры. Прежде всего это... выразилось в концентрации коллективных ожиданий на воображаемой фигуре “вождя” и проблемах “стабилизации, порядка”... К этим сдвигам в коллективных ориентациях присоединились в описываемый период укренившиеся настроения массового изоляционизма – бытовой агрессивной ксенофобии, символического отчуждения от Запада, демонстративного антиамериканизма, риторики “своего”, “особого” пути. Так сложился своеобразный “квадрат” воображаемых коллективных ориентиров, страхов и надежд россиян второй половины 1990-х гг.: советский неотрадиционализм – советская великодержавность – изоляционизм и ксенофобия – вождизм» [там же, с. 79–80].

Запрос на «неоконсервативный синтез» (термин Л. Бызова), легший в основу нынешнего «путинского большинства», проявился еще до Путина. Удачное попадание нужного человека в нужное место и в нужное время – большая историческая редкость, и Путин оказался абсолютно адекватен ситуации. Содержание «неоконсервативного синтеза» – порядок, социальная справедливость и патриотизм. Они и оказались скрепами, объединяющими «путинское большинство» поверх социальных, идеологических и электро-альных различий.

20 с лишним лет на фоне жизни с повсеместным «ожесточением долгой бедности», «непониманием, как жить в условиях, зная, как “делили”, как поделили Россию, ощущением “нас обокрали”, стало понятно: вокруг враги, нас унизили и унижают, с нами не считаются» (Св. Алексеевич).

На Западе, прежде всего в США, и в Европе, недооценили социальные, политические и *ментальные* (курсив мой. – Л. В.) последствия краха Советского Союза (Вл. Иноземцев).

«Превратившись в фокус массовых чаяний справедливости, порядка и патриотизма, Путин тем самым оказался в глазах общества и главным патриотом / националистом», – напишут Татьяна и Валерий Соловей в книге, вышедшей вторым изданием в 2011 г. (впервые издана в 2009 г.) [Соловей Т.Д., Соловей В.Д., 2011, с. 452].

«Струнка, которую Путин задевает в сердцах миллионов россиян, – ностальгия, тоска по “равенству”, товариществу, единству, боевому духу, которые просуществовали в России дольше, чем где-либо. Все это действительно реальность. Возможно, чуждая большинству людей на Западе, но реальность» [Роксборо, 2012, с. 344–345].

Реальностью является и «особый путь». По мнению директора Левада-центра Л. Гудкова, особый путь – это, ко всему прочему, своего рода психологический защитный барьер против нежелательного сопоставления

некомфортного обустройства жизни в России и «нормальных» западных странах, это комплекс «не хочу даже сравнивать», это закрытие от всего внешнего. Единственная возможность уйти от болезненного сравнения с развитыми странами – но зато «мы великая держава». «Настроения типа “Верните нам статус великой державы!”» начали проявляться еще до прихода к власти Путина» [Гудков, 2015, с. 9]. Чувство причастности к великой державе компенсировало убожество повседневной российской жизни, согласие на бедность, покорность и подчинение.

Писатель Виктор Ерофеев, либерал и «западник» в интервью корреспонденту украинского еженедельника Наталии Двали отмечает: 2014 год стал годом-рентгеном – оказалось, что подавляющая часть населения исповедует абсолютно антизападные, антидемократические и антилиберальные ценности. И телепропаганда тут ни при чем, речь идет о архаических российских понятиях: к радости огромного количества россиян Путин, наконец, стал артикулировать то, в чем убеждены многие в России.

Доля населения, исповедовавшего западные ценности в России, составляла всего 15%. После перестройки и распада СССР никто не принимал во внимание сознание 85% россиян, не разделявших европейские ценности. Это большая ошибка либералов и демократов, пришедших во власть после 1991 г. [Ерофеев, Двали, 2014].

Еще в 1991 г. венгерский исследователь Акош Силади писал: поскольку победа демократии в России в 1991 г. произошла вопреки обществу или во всяком случае без его широкой поддержки, эта победа окажется серьезным испытанием для демократов, таким испытанием, которое они вряд ли выдержат.

Мнение А. Силади было изложено в обзоре, опубликованном в первом выпуске сборника «Политическая наука в России», подготовленном Отделом государства и права ИНИОНа [Верчёнов, Шлемин, 1993]. Перечитал – и поразился предвидениям А. Силади и некоторых тогдашних российских политологов и политических публицистов.

Вот точка зрения А. Васильева из этого же обзора: для все увеличивающейся части населения демократические лозунги и сами демократы все больше сливаются с фактами массового обнищания, возрастающей безработицы, вымыванием интеллигенции из общества. Все сильнее ностальгия по сильной руке, по сильной власти. Поэтому не исключен просвещенный авторитаризм, скажем, национально-демократическая диктатура, которая, ограничив разнузданные свободы, обеспечит политическую стабильность. В противном случае сложится диктатура тоталитарная, опирающаяся на люмпенов. Оптимистического сценария, по мнению А. Васильева, не предвидится. Приходится надеяться на лучший из плохих сценариев [Васильев, 1992, с. 4].

Возвращаемся в наши дни: возможное нежелательное развитие событий, по мнению А. Роксборо, может стать следствием как непонимания Западом, его лидерами психологической травмы от унижения, пережитого жителями Советского Союза, так и позиции Путина, учитывающего эту травму.

* * *

После 18 марта 2014 г. Россия «вышла на площадь». И хотя эмоциональный всплеск подавляющего большинства российского населения – «Крым-наш» – стал, скорее всего, компенсацией за годы унижительного состояния после распада Советского Союза, но невиданное в последние десятилетия эмоциональное единение большинства населения не явилось ли актом пробуждающегося гражданства в отсутствующем пока гражданством обществе и, более того, шагом на пути становления политической нации? Не являемся ли мы свидетелями рождения в России политической и гражданской нации?

Акош Силади писал, и в немногочисленных беседах с ним мы тоже говорили о том, что русские еще не стали нацией, во всяком случае политической гражданской нацией. Когда-то это, конечно, произойдет, и не исключено, что путь к этому может оказаться кровавым и уж, конечно, не будет усыян розами.

Проблема национального государства, нации в современной России действительно актуальна. Вот что думают (и пишут) по этому поводу представители академической политической науки.

Из европейской Тридцатилетней войны (1618–1648) вышел новый порядок, основой которого стало национальное государство. «В Европе совершился переход от религиозной идентичности к государственно-политической» [Глебова, 2014, с. 102]. Образование национальных государств современного типа состоялось в Западной Европе и Северной Америке в XVIII–XIX вв. и было тесно связано с распространением национализма. Национализм на этом этапе представлял собой светскую идеологию, основывающуюся на вере в общность судьбы, целей и ответственности всех граждан конкретного национального государства; ключевыми ценностями этой идеологии были суверенитет народа и патриотизм. Изначально национализм выражал настроение масс, был связан с борьбой народа за право самому определять свою судьбу в рамках своего национального государства и воспринимался как прогрессивная идеология, способствующая социальному и индивидуальному освобождению.

Размышляя о национализме в диссертации, защищенной в 2009 г., Т.Л. Полянников, молодой ученый, к сожалению, рано ушедший из жизни, полагает, что в соответствии с логикой догоняющей, «запаздывающей» модернизации на повестке дня в нынешней России стоит необходимость

формирования гражданской идентичности и политической нации [Поляников, 2009, с. 25].

«Россия беременна нацией, подспудно ее большинство хочет стать нацией, но только не знает какой – этнической или гражданской», – считает Э. Паин [цит. по: Политическая ситуация... 2013].

Взволнованно размышляет В.А. Ковалёв о нормальном национализме. Сегодня, считает он, «русские – это спящая идентичность» [Ковалёв, 2011, с. 27].

Нормальный национализм «предполагает **формирование нации** (выделено нами. – Л. В.) как сообщества политически равных, социально солидарных людей, принадлежащих к одной культуре» [там же, с. 27].

Население страны должно стать «политической нацией» [там же, с. 28]. «Политическая нация – это основа, “субстрат” для демократического государства» [там же, с. 42].

Нормальный русский национализм – это соединение национализма с демократией. Демократия без опоры на национальное чувство и патриотизм не смогла прочно укорениться нигде. В 2013 г. вышел в свет сборник статей «Государство. Общество. Управление», составителями и редакторами которого стали М.Б. Ходорковский (в то время еще находившийся в заключении) и С.А. Никольский (заместитель директора Института философии, доктор философских наук) [Государство. Общество. Управление, 2013]. Книга посвящена проблематике взаимоотношений российского государства и общества. В рецензии на эту книгу Ст. Львовский подчеркивает: по мнению некоторых ее авторов, «гражданской нации в России еще только предстоит возникнуть, исторический этап национального государства в России неизбежен» [Львовский, 2014, с. 134].

«Реальное становление гражданской нации в России... если и возможно, то в неблизкой перспективе» [Паин, 2014, с. 51].

Под специфическим углом зрения о несформированности русской / российской нации писал в 2007 г. А.И. Миллер: нестабильность на Украине и другие возможные обострения ситуации у границ России являются для страны не только внешнеполитическими проблемами, «но становятся серьезным вызовом для становления нации в нашей стране» [Миллер, 2007, с. 14].

Непросто идет становление политической нации в России (если считать, что начало этому процессу положил март 2014 г.). Активные антилибералы и национал-социалисты, считал еще в 1991 г. А. Силади [Силади, 1991], которые клеймят происходящее в России как «либеральный трюк», «жидомасонские махинации» и «западный заговор», предприняв соответствующие практические начинания, пообещают населению хлеб и порядок, и, главное, выпустят на свободу фурию оскорбленного национального самолюбия, национального унижения. В конце концов в лагерь сторонников фанатичного

государственного национализма массы всегда гнали разочарование и отчаяние.

* * *

Русские в Советском Союзе всегда были «неудобной» нацией. Русских в СССР некому было защищать: союзное руководство занималось другими проблемами, а руководство национальных республик о русских и слышать не хотело.

Не напоминает ли это современную Россию, ведь фундамент нынешней РФ был заложен именно советской властью.

Об этом размышляет известный российский автор. «Октябрь 1917 г. – это катастрофический срыв русского нациостроительства³», – полагает историк, публицист, научный редактор журнала «Вопросы национализма» С.М. Сергеев [Сергеев, 2011, с. 93].

Революция и Гражданская война раскололи русский этнос (вообще-то давно уже расколотый): на одной стороне оказалась социальная, политическая и культурная элита, для Сергеева это и была «нация» (всего несколько процентов – 5–10, не более), которая и аккумулировала в себе национальную идею, на другой – огромное море только-только начавших вовлекаться в нациестроительство социальных низов («народ» – условно определяет Сергеев), стихийный бунт которых сумела оседлать интеллигентская секта радикальных марксистов-большевиков с сильным инородным компонентом и отчетливым русофобским дискурсом.

«Коммунисты, одной рукой создавая очень важные предпосылки русской нации, другой – под корень ее подрывали... Большевицкая политика самым радикальным образом лишила русских *собственности и политической субъектности*, без чего политической нации не может быть по определению» [там же, с. 96].

В свое время С. Сергеев сформулировал: Гражданская война в России – это война нации и народа. В результате победы «народа» и целенаправленной репрессивной политики большевиков «нация» была либо уничтожена, либо эмигрировала, либо вынужденно мимикрировала при новом строе. «В 20-х – первой половине 30-х годов в СССР из русских точно делали не нацию, а некое безнациональное орудие, специально предназначенное для создания и обслуживания совершенно нового мира... в котором предполагалось “без России, без Латвии жить единым человеческим общежитием” (эта политика касалась только русских)...» [Сергеев, 2011, с. 94].

3. Так у автора. – Прим. Л. В.

Кстати, в имени государства – «Союз Советских Социалистических Республик» – Жак Деррида подметит примечательную особенность: «Само название СССР является единственным в мире названием государства, не содержащим в себе никакой отсылки к местности или нации, единственным именем собственным государства, в котором нет имени собственного в обычном смысле слова» [Жак Деррида в Москве, 1993].

Отрицательные коннотации термина «русский национализм», относящиеся к периоду существования Советского Союза, а большевики здесь очень потрудились, в современной российской политической практике и современном российском политическом дискурсе являются преобладающими. Хотя не подлежит сомнению, что во многих странах национализм являлся и является сильнейшим стимулом экономической и политической модернизации.

Серьезной проблемой в России является подмена нормального национализма (без которого у нации не будет энергии для возрождения, для модернизации) державническим патриотизмом. Хороши же «русские националисты», «готовые принести русскую нацию на алтарь нового глобального проекта, только бы он был антизападным» [Ковалёв, 2011, с. 38].

Национализм – это нормально, это респектабельная идеология, а не прибежище для лузеров и людей с психическими сдвигами, он не должен ассоциироваться с военизированными организациями, ксенофобией, насилием, не должен загоняться в подполье.

Нормальный русский национализм не может иметь ничего общего с дискриминацией других народов. «Русские националисты должны согласиться и с нормальным национализмом других народов – для обеспечения свободно-го, цивилизованного диалога в целях решения общих проблем... Если народам разных национальностей будут предоставлены демократические права, то они смогут договориться об улучшении совместной жизни в подавляющем большинстве случаев. В пользу такой версии говорит опыт нескольких столетий совместной жизни» [Ковалёв, 2011, с. 43].

* * *

В России до 1917 г. государственная идентичность была имперской, монархической и православной, но никак не национальной. В СССР постепенно сложилось представление о советской наднациональной общности – «дружной семье народов». После распада Советского Союза, считает М. Липман, одни отстаивали идею необходимости построить в России гражданскую нацию, другие считали, что Россия не должна преодолевать свою имперскую сущность, третьи выступали с идеей национального государства, в котором будет закреплена главенствующая роль этнических русских. В нынешней

России гражданскому места нет, уничтожены и перспективы строительства гражданской нации. «Из оставшихся вариантов – имперской нации и национального государства на “этнической” основе – сам Путин отчетливо делал выбор в пользу первой, точнее, ее советского образца» [Липман, 2014]. До недавнего прошлого он настаивал, что превращение в национальное государство для России губительно, подчеркивал ее «цветущую сложность».

В январе 2012 г. в одной из предвыборных статей «Россия: национальный вопрос» премьер-министр В.В. Путин говорил о крайней опасности построения моноэтнического государства, «под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение», о «расовой чистоте», о необходимости «завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа».

Серией предвыборных статей Владимир Путин не только формирует политическую и информационную повестку, но и призывает к общественной дискуссии, полагал тогда В. Никонов и формулирует: «Нам нужно, как это сделали уже многие ведущие страны мира, выстраивать модель гражданской нации, которая построена не по этническому принципу, а по принципу сообщества людей, проживающих на общей территории, разделяющих общие ценности и осознающих себя единой общностью в пространстве и времени» [Никонов, 2012].

Можно привести и совсем раннее, но в высшей степени примечательное суждение Путина в конце 1999 г. На вопрос интервьюера «Вы ощущаете себя мессией?» он ответил: «Я ощущаю себя простым русским человеком, который испытывает такие же чувства, как и любой российский гражданин»⁴.

Алексей Миллер напоминает, что в конце 2005 г. В.В. Путин (во время газового кризиса с Украиной) не раз напоминал, как Западная Германия экономически поддерживала Восточную ради воссоединения – и получил вопрос от журналиста Дмитрия Киселева: не следует ли нам объявить русских разделенной нацией. Путин, продолжает А. Миллер, эту идею не поддержал.

Тогда не поддержал. А 18 марта 2014 г. Путин произнес речь по случаю присоединения Крыма, в которой прозвучали слова, относящиеся к драме всей постсоветской ситуации: «Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей... а русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим, разделенным народом в мире» [Путин, 2014].

4. «Так ответил на вопрос Владимир Путин, тогда еще начинающий премьер-министр, осенью прошлого года. Интервью так и не было опубликовано – имиджмейкеры премьера сочли его, видимо, излишне откровенным» [Трубачев, 2005].

* * *

Советская власть не ставила своей целью создание русской нации, но она создала очень важный элемент нациестроительства (С. Сергеев) – русско-советскую культурную идентичность (к этому не могли не привести усилия по ликвидации безграмотности, следствием чего стало всеобщее среднее образование, активная просвещенческая политика, чего стоило хотя бы все-союзное празднование 100-летия со дня гибели А.С. Пушкина, пропаганда классической литературы, классической музыки и т.п.). Кстати, элемент русско-советской культурной идентичности и сегодня еще не утерян, полагает С. Сергеев [Сергеев, 2011, с. 96].

Апелляция к советскому – это ностальгия не столько по советскому, сколько по ощущению, что у нас был общечеловеческий проект. Люди тоскуют по каким-то пространствам смысла. Об этом, например, книга живущего ныне в США антрополога Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось» (в минувшем году в издательстве НЛЮ вышла расширенная русская версия этой книги) [Юрчак, 2014].

Речь у А. Юрчака идет о том, что люди могли относиться к официальному социализму скептически, но у них было ощущение: строим будущее. И это будущее очень важно для огромного количества людей во всем мире, о нас знают. И вот исчезло ощущение этой значимости.

При обвале советской системы рухнуло не только государство со всем своим аппаратом, исчезла идея, что у всех (снизу доверху) есть привязка к некоему цивилизационному проекту. Советский проект был нацелен на будущее. Сегодняшний идеологический дискурс завязан на прошлом.

По-другому, наверное, и быть не могло. Как говорил в 1999 г. Ю.А. Левада: «Когда-то удивил нас легкий распад системы – потом оказалось, что это распад поверхностный... Нас удивило, откуда взялись новые совершенно раскованные люди – правда, со странной легковестностью, слабостью: откуда было им взяться? Потом оказалось, что это иллюзия, что никого там нет из новых людей: старые есть, но они старые, из них ничего не сделаешь, а нового поколения у нас нет. Это наша очень тяжелая беда. Поэтому все перемены, все приспособления делаются старыми руками» [Левада, 2011, с. 404]⁵. Одним словом, империя ушла, а «красный человек» остался, и, более того, он продолжается (Св. Алексиевич).

5. Цитата приводится по четвертой книге из серии, посвященной жизни и работе Ю.А. Левады: составителем всей серии стала вдова Т.В. Левада [Левада, 2011]. Цитируется текст беседы, записанной Ириной Прусс, опубликованный впервые в журнале «Знание – сила» в 1999 г. № 11–12.

* * *

Цесаревич Александр Александрович Романов (будущий Александр III) проявлял интерес к творчеству Достоевского. Федор Михайлович не раз бывал в Аничковом дворце, резиденции наследника престола.

Ниже приведены строки из письма, которыми сопроводил Достоевский свой роман «Бесы», передавая его наследнику престола: «Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее, что они совершенно правы: ибо раз с **гордостью** назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами в глубине и задачах русского духа заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного **высокомерия** о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нацией и оставить по себе хоть что-нибудь Самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так “высокомерны” в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными» [Достоевский, 1986, с. 260].

Этих слов Федора Михайловича с избытком хватает, чтобы понять, насколько сложной и проблематичной для русских были темы «Россия и Европа», неприятие ценностей западной, т.е. европейской, цивилизации, ее несовместимости с самобытностью цивилизации русской.

Собственно и «не-наши» специалисты, наблюдающие за современной Россией, склоняются к тому, что «россияне в массе своей, как правило, не такие, как “среднестатистические” жители стран Запада» [Роксборо, 2012, с. 345].

По замечанию Ю.С. Пивоварова, «европейская культура Нового времени с ее политическими институтами, организацией экономики... не имела в России достаточных шансов на укоренение, поскольку была “продуктом” другого типа исторического развития» [Пивоваров, 1994, с. 126–127].

Поэтому, это уже точка зрения В. Кантора, в канун 1917 г. слишком многие в России надеялись, что народный гнев снесет все, что «укоренилось в России с Петровских реформ, всю онемеченную власть, заимствования европейской цивилизации, чтобы на чистой почве возвращать самобытные всходы» [Кантор, 2007, с. 33].

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

К словам Ф.М. Достоевского с обвинением в адрес представителей «нашего псевдоевропейского развития» добавим еще два мнения, свидетельствующие о том, что проблема эта и тогда, и сейчас не ушла и не уходит с повестки дня российской общественно-политической жизни.

В мае 1909 г. А. Блок пишет матери из Венеции: «Всякий русский художник имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши ото всего русского и увидеть свою другую родину – Европу, и Италию особенно» [Блок, 1983].

В марте 2012 г. литературный критик Валентин Курбатов, размышляя о творчестве Валентина Распутина в связи с юбилеем, называет его последним великим русским писателем и говорит: «Мы вернемся к его книгам, когда ужаснемся и поблднеем» – от того, что – «проснулись европейцами» [цит. по: Баканов, 2012].

Между этими мнениями разница в 100 с лишним лет, но по-прежнему неевропейская / европейская судьба России – это предмет столь острых размежеваний, что раскалывает русских.

Конечно, не только это. Сегодня российское общество – это поистине «расколотое общество».

* * *

Начиная с церковного раскола XVII в., Россия разделилась внутри себя – «внутри одной страны возникли по существу два типа цивилизации» [Кантор, 2007, с. 130].

В начале 1990-х годов Ю.С. Пивоваров, напомнив о взглядах В.О. Ключевского, ввел в оборот современной политической мысли представление о двух «враждебных складах и направлениях» послепетровской русской истории и русской жизни [Пивоваров, 1994]. Практически одновременно об этом же писал А.С. Ахиезер, а еще раньше А.М. Панченко, В.С. Непомнящий.

А.С. Ахиезер, например, в качестве основной объясняющей модели развития любого общества использовал понятие «раскол», понимая его как «конфликт особого рода, пронизывающий общества и не имеющий в данный исторический момент адекватного механизма преодоления» [см.: Заринская, Фирсанова, 2013, с. 476]. Проблема, однако, в том, что в России «данный исторический момент» растянулся более чем на три столетия и пока не видно конца этому «конфликту особого рода».

Из петровских преобразований, расколовших Московскую Русь на два мира, вышли, считает Ю.С. Пивоваров, цитируя В.О. Ключевского, «два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заста-

вить их дружно бороться с трудностями своего положения» [Ключевский, 1983, с. 363].

Собственно в разделе о церковном расколе два непримиримых направления русской жизни, два враждебных российских социума были достаточно подробно описаны.

Тем не менее конкретизация представлений о двух «складах», представленная Ю.С. Пивоваровым, будет не лишней.

Первый «склад» – это многомиллионная, в основном крестьянская, масса, ее жизнь прочно укоренена в культуре средневековой Московской Руси. Отношение к жизни и смерти, морали и праву, власти и собственности, труду и досугу, любви и семье отличает этот «склад» от другого основного «склада» русской истории XVIII в. Именно этот «склад», конечно, видоизменяясь через эпохи (и крестьянство становилось другим, особенно после отмены крепостного права; появился рабочий класс), определил национальный характер, менталитет, архетип русского народа.

Вторым «складом» русской жизни стало насильственное внедрение Петром I в русскую жизнь европейской культуры в русскую почву. Этот «склад» включал в себя все европеизированные верхи России: аристократию, дворянство, чиновничество, а позднее разночинную интеллигенцию и зарождающуюся буржуазию. Отличительной чертой здесь стала относительная неукорененность в национальных традициях, поверхностность и искусственность этого «склада».

Трагедия и специфика русского раскола заключена в «технологии» – насильственной – его осуществления властью и, как следствие этого, – непримиримом, антагонистическом характере взаимоотношений двух основных субкультур. То место, которое в истории Европы занимают социальные конфликты, считает В. Пастухов, в русской истории отведено столкновению культур, войне «менталитетов» [Пастухов, 2012, с. 176].

Конечно, с ходом истории ситуация столкновения двух субкультур менялась: во-первых, появившийся рабочий класс не вписывался ни в одну из субкультур; во-вторых, обе субкультуры не были замкнутыми: европейский «склад» пополнялся представителями «традиционного» склада; на противостояние двух субкультур, в-третьих, наложились классовые конфликты, но в России противостояние двух «складов» в значительной степени определяло и подчиняло себе все конфликты и противоречия.

Раскол на две субкультуры характерен не только для России, так, например, во Франции после Великой французской революции, пишет Ю.С. Пивоваров, ссылаясь на наблюдения А.М. Салмина, противопоставят друг другу исторические общности: «католицизм» и «антиклерикализм». Но обе французские субкультуры имеют общий исторический корень, в то время как в России европейский «склад» взращает на другом историческом корне.

Когда автору этих строк приходилось говорить о расколе как феномене русской жизни с английскими и венгерскими коллегами, то они пожимали плечами – типа, ну и что, всегда и везде есть простонародье и просвещенная часть населения. Но в том-то и дело, и это убедительно показал Ю.С. Пивоваров, что в России это выглядело (и выглядит, добавлю от себя) по-другому: так и не получившее «разрешения» непримиримое до сих пор противоречие.

И. Заринская и Е. Фирсанова отмечают современный проект «Евразийский монитор» (одним из инициаторов и активных участников проекта «Евразийский монитор» была исследовательская группа ЦИРКОН). Цель проекта – мониторинг социальных настроений жителей стран постсоветского пространства. Периодичность опросов – раз в полгода. Основной инструментарий: социологический опрос взрослого населения в 14 странах (с выборкой от 1100 до 2000 респондентов в каждой стране). Проект существует с 2004 г. и к настоящему моменту проведено 14 исследовательских волн.

Как показывает исследование 2009 г., мнения относительно тех или иных исторических событий и персонажей чрезвычайно разнятся, более того, дифференциация оценок наблюдается не только между населением различных стран, но и внутри одной страны. Оказалось, что «из 14 стран Россия по-прежнему является самым расколотым обществом, что свидетельствует о том, что процессы идентификации не только не завершены, но особенно обострены» [Заринская, Фирсанова, 2013, с. 497].

Итак, сегодняшнее российское общество практически через 300 лет после реформ Петра I остается страной с расколотым обществом. Более того, это страна двух народов или «двух народов в одном» (формула В. Ковалёва): огромное большинство, ощутившее себя русскими и, соответственно, реагирующее на происходящие события по модели Московской и, в какой-то мере, старообрядческой Руси, и меньшинство (в лучшем случае 12–15%), каковым является европейски ориентированная часть российского населения.

Парадоксальны наблюдения над нынешним российским «сверхбольшинством». В современном российском обществе, подчеркивают Татьяна и Валерий Соловей, не актуализирована ни одна из традиционных христианских ценностей – отзывчивость, «милость к падшим», «нищелюбие», братский дух и т.п., которые русские обычно приписывают себе, не обнаруживая этих качеств в других народах. «Согласно масштабным сравнительным социологическим исследованиям, современная Россия – наиболее индивидуалистическая, социально жестокая и постхристианская страна Европы» [Соловей Т.Д., Соловей В.Д., 2011, с. 454].

По мнению С. Баранова и Д. Конова, социально-экономические отношения 1990-х годов не могли не отразиться на «человеке русском». «Жесткая социальная дифференциация и борьба за блага сделала русских менее отзывчивыми и менее склонными к близким отношениям. Сложившиеся диффуз-

ные системы сообществ стали рушиться из-за расслоения прежних друзей и родственников. Преуспевание и вообще самосохранение стало в большей степени рассматриваться как личностная заслуга» [Баранов, Конов, 2009, с. 432].

Сформировался, продолжают эти авторы, послушный социальный эгоист с подвижными межличностными границами, чередующий вынужденную социальную активность с глубокой пассивностью, социальную чуткость с анти-социальными порывами, жертвенность с индивидуализмом.

К тому же в нынешнем социокультурном и ценностном пространстве русских в массе своей трудно обнаружить базовые ценности, связывающие их с предыдущими поколениями и вообще с русской почвой. «Великая русская культура существует исключительно как парадная ценность: оставаясь частью исторического багажа, она не актуальна для современников, т.е. не задает им ориентиры, не стимулирует модели их поведения, не говоря уже о том, что она ими (особенно молодыми людьми) попросту не освоена, а знакома лишь понаслышке» [Соловей Т.Д., Соловей В.Д., 2011, с. 453].

А современная урбанистическая культура, в которой живет подавляющее большинство населения России, представляет собой вариант обобщенного стандарта городской общеевропейской культуры, продолжают Т. и В. Соловей. В ней нет ничего собственно русского этнического, за исключением языка коммуникации.

На специфический аспект этой обезличенной урбанистической культуры на примере «спальных» районов Москвы обращает внимание журналист и архитектор Г. Ревзин. Спальные районы Москвы, по его мнению, – это какая-то «нигдея»: это районы, в которых люди незнакомы друг с другом, не способны ни к какому коллективному действию, не ассоциируют себя со своим районом, ничем не гордятся, не могут вспомнить ничего интересного рядом с собой. Это совершенно безликие образования, но никто не хотел бы здесь что-нибудь изменить. И все довольны [Ревзин, 2014].

Ко всему прочему некоторые из основных демократических ценностей в той или иной мере адаптированы русским сознанием и прижились на русской почве, например ценности личной свободы, стремление к личному преуспеванию составляют сегодня движущий мотив подавляющего большинства отечественного общества. «В этом смысле русские даже больше западники, чем население Запада» [Соловей Т.Д., Соловей В.Д., 2011, с. 456].

И это действительно так, притом вековые стереотипы – мы самые особенные, все зло от заграницы, кругом враги – не только никуда не исчезли, наоборот, приобрели и приобретают масштаб уже не только помутнения массового сознания, а обскурантистского невежества и мракобесия.

Итак, одна страна – два народа.

Все, что говорилось выше о враждебности двух российских послепетровских укладов, цивилизаций, может показаться всего лишь упрощенной схемой (ну да, было, ну да, наложило какой-то отпечаток на ход русской истории, но какое это имеет отношение к сегодняшней России).

Как раз отношение самое прямое: развитие событий с весны 2014 г. столь круто изменило «стабильную» в нулевые годы и нынешнюю российскую жизнь (практики внешнеполитических разворотов страны, внутривнутриполитический всплеск национального сознания и небывалого национального единения), и при этом «расколотость» общества (на сегодняшнее сверхбольшинство и сегодняшнее скромное меньшинство) не только подтвердилась, но стала заметно обостренной.

Для европейски ориентированного меньшинства настали мрачные и трудные времена (клише, конечно, но именно эти слова первыми приходят на ум).

Возможно, утешением для нынешнего европейски ориентированного меньшинства будет довод о том, что все проходит (правда, в России для этого иногда нужно жить долго). Конечно, не перевелись еще и настоящие русские европейцы, но в данном случае имеется в виду европейски ориентированная часть современного российского общества. Автор относит себя к европейски ориентированному меньшинству – так сложилась жизнь, но целью обзора было намерение объективно представить мнение о сегодняшнем российском «большинстве», о возможном процессе формирования русской гражданской политической нации. Другое дело, что картина состояния современного российского общества, эмоциональных настроений русских людей выглядит неприглядно. Такова уж сегодня политическая и психологическая атмосфера, а в состоянии психологического стресса у людей стираются многие человеческие и личностные черты.

Вот как оценивает директор региональной программы Независимого института социальной политики Наталья Зубаревич сегодняшнее ментальное состояние российского общества: общество (а сегодня это путинское сверхбольшинство, добавлю от себя) само создает ту матрицу ценностей, норм и правил, в которой все мы и живем. Когда вся страна мирно, тихо, покорно приспосабливается к худшим и ухудшающимся условиям жизни, не пытаясь понять, почему они ухудшаются и что надо сделать, чтобы переломить такое развитие событий, – это, по ее мнению, почти приговор.

Привыкание к худшему, впрочем, может длиться долго, можно еще 10–20 лет жить так, как сейчас [Зубаревич, Озерова, 2015].

Примерно так же описывал состояние российского социума еще в «нулевые» годы Б. Дубин, особенно отмечая «дефицит воли к устройству собственной жизни собственными силами, дефицит конструктивного и критичного

понимания того, что происходит, и еще горше того, дефицит воли к такому пониманию» [цит. по: Балла, 2011].

Владимир Пастухов по-своему видит эту проблему: сегодня в России на место циников, ставших символом как бандитских «девяностых», так и чекистских «нулевых», приходят люди с горящим взглядом и неистребимой верой в химеры, они с легкостью находят объяснение всему необъяснимому и оправдывают все, чему, казалось бы, нет оправдания. В результате надежно блокируется возможность делать адекватные выводы из наблюдаемых фактов, а выносимые суждения становятся неуязвимыми для критики [Пастухов, 2015].

Не могу не признаться: очень хотелось бы ошибиться, что ситуация в России не столь драматична, не так тревожна, что раскол на два «склада» — это лишь умозрительная конструкция. Тем более что до нынешнего крутого «разворота» российской внутренней и внешней политики темы и проблемы «раскола» если и присутствовали в политическом дискурсе, то где-то далеко на периферии.

Подросли и «успокаивающие» соображения: в последнюю декаду июля читаю в интервью: «Все зарастет... зарастут нынешние расколы внутри общества: они искусственные, их культивировали, никакой гражданской войны на самом деле нет. Думаю, если не раздувать эти конфликты искусственно — через три года никто и не вспомнит всю эту непримиримость» [Ходорковский, Быков, 2015].

Дай Бог, чтобы так. В принципе в России все можно поменять — развернуть на 180°, тем более что правительство в России всегда было единственным европейцем (в большей или меньшей степени оно остается им до сих пор).

Предположим, все меняется: президент, правительство, состав Федерального Собрания, руководство федеральных каналов, одиозные телеведущие и т.д. Но нынешнее путинское большинство, а это и есть сейчас русский народ (еще не политическая нация) с его провинциальными страхами (все зло от заграницы, кругом враги), нарастающей агрессией, убеждениями, что мы особенные, болезненными воспоминаниями о тяжелой ситуации 1990-х, — прежде всего ощущениями исторического поражения (Веймарским синдромом, хотя, по мнению А. Зубова, правильнее было бы говорить о Беловежском синдроме). Сейчас Россия демонстрирует те «пугающие модели поведения масс, которые словно выпрыгивают из забытой эпохи или иного культурного измерения» [Булдаков, 2010, с. 3].

Нельзя забывать, раз уж упомянуты болезненные воспоминания 1990-х, и о «проклятом» (термин М. Доброго) вопросе современной России — итогах приватизации. Народ, ограбленный в ходе бесчеловечной приватизации, вряд ли забудет о своих «потерях», о том, как это было сделано. И в этом ненор-

мальность нынешнего положения, его «потрясающая непрочность» (В. Ковалёв). Вглубь загнана «холодная» гражданская война и не дай Бог, оказаться ей бикфордовым шнуром.

В России никто и никогда до конца не понимает, какой будет реакция населения (общества, народа), считает Н. Зубаревич. Никто из аналитиков не может точно сказать, где рванет. Долго-долго все идет по инерции и «вдруг происходит какой-то щелчок ментальный, который создает энергетику протеста там, где никто не ждал. Я... не понимаю, какое у нас общество» [Зубаревич, 2015, с. 5].

Приходится согласиться с мнением Н. Зубаревич.

Рецензируя книгу (под редакцией С. Никольского и М. Ходорковского), С. Львовский сформулировал точно: «Ощущение тревоги перед неразличимыми контурами будущего» [Львовский, 2014, с. 138].

Впрочем, можно сказать еще определеннее – В.А. Ковалёв в недавно вышедшей книге формулирует жестко: «То, что мы идем ко дну, понятно и без всякой социальной науки... Выхода из нашей ямы никакая наука сейчас показать не может, только понимание того, что современное устройство обречено и развитие начнется по новой схеме (если начнется). Потом» [Ковалёв, 2015, с. 124].

Закончить же все эти размышления, экскурсы и извлечения хочется горестными и печальными словами русского писателя Виктора Астафьева (1924–2001). Весной 2009 г. вышел в свет том его писем [Астафьев, 2009]. В письме от 01.03.1995 г. В. Астафьев упоминает будущую книгу «о народе нашем, великом и многотерпеливом, который, жертвуя собой и даже будущим своим, слезами, кровью, костями своими и муками спас всю землю от поругания, а себя и Россию насадил, обескровил».

И строчками выше: «Сильно мы Господа прогневили, много и страшно нагрешили, надо всем молиться, а это значит – вести себя достойно на земле, и, может быть, Он простит нас и не отвернет своего милосердного лика от нас, расхристанных, злобных, неспособных к покаянию» [цит. по: Тарасов, 2015].

Литература

1. Астафьев В. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник, 1952–2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.
2. Баканов К. Распутин не приехал на свой юбилей // Собеседник. – М., 2012. – 21–27 марта, № 11. – С. 22.
3. Балла О. Синдром выживания: Катастрофа, которую научились не видеть // НГ – Ex libris. – М., 2011. – 22 окт. – С. 6.
4. Баранов С.Д., Конов Д.В. Русская нация: Современный портрет. – М.: Миттель Пресс, 2009. – 534 с.

5. Блок А. Письмо матери. 7.05.1909 (нов. ст.), Венеция // Собр. соч.: В 6 т. – Т. 6 / Сост. В. Орехов. – Л.: Худож. лит., 1983. – С. 166.
6. Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – М.: Новый хронограф, 2010. – 1096 с.
7. Васильев А. Обреченная демократия // Куранты. – М., 1992. – 2 апреля, № 64. – С. 4.
8. Верчёнов Л.Н., Шлемин П.И. Какой будет новая Россия? // Политическая наука в России: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 71–92.
9. Глебова И.И. В поисках утраченной войны: Первая мировая в российской истории и памяти // Россия и современный мир / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 2. – С. 93–103.
10. Городницкий А., Семенова Е. Интервью // НГ-Ех libris. – М., 2015. – 17 сент. – С. 2.
11. Государство. Общество. Управление: Сб. ст. / Под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 511 с.
12. Гринберг Р., Скворцова Е. Интервью // Собеседник. – М., 2015. – 23–29 дек., № 49. – С. 8.
13. Гудков Л. Тоталитарный дрейф // Новая газета. – М., 2015. – 31 авг. – С. 7–9.
14. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1986. – Т. 29, кн. 1. – 546 с.
15. Дубин Б., Шубина М. Борис Дубин: «Нам нести всю тяжесть расплаты»: Неопубликованные интервью // Colta. – М., 2014. – 21 августа. – Режим доступа: <http://colta.ru/articles/society/4319> (Дата обращения: 24.08.2014.)
16. Дубин Б.В. Россия нулевых: Политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. – М.: РОССПЭН, 2011. – 391 с.
17. Ерофеев В., Двали Н. Интервью // Бульвар Гордона. – Киев, 2014. – № 42, октябрь. – С. 2, 9.
18. Жак Деррида в Москве / Пер. с фр. и англ.; предисл. М.К. Рыклина. – М.: РИК «Культура», 1993. – С. 15.
19. Заринская И.В., Фирсанова Е.В. Государство и общество в российских социологических исследованиях 1991–2011 годов // Государство. Общество. Управление: Сб. ст. / Под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – С. 467–500.
20. Зубаревич Н., Озерова М. Коридор возможностей роста сузился до предела: Интервью // Московский комсомолец. – М., 2015. – 16 июля. – С. 5.
21. Кантор В.К. Между произволом и свободой: К вопросу о русской ментальности. – М.: РОССПЭН, 2007. – 272 с.
22. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / Отв. ред. Нечкина М.В.; Сост. Зимин А.А., Киреева Р.А. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
23. Ковалёв В.А. Нормальный русский национализм: (К вопросу об идеологии демократического государства в России) // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 3. – С. 27–45.
24. Ковалёв В.А. Свободные темы: Эссе – Заметки – Дневник читателя. – Сыктывкар: изд-во СТУ им. П. Сорокина, 2015. – 302 с.
25. Левада Ю.А. Сочинения / Сост. Т.В. Левада. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. – 415 с.
26. Липман М. От редактора // Pro et contra. – М., 2014. – № 1–2 (62). – С. 2.
27. Львовский Ст. Рецензия на кн.: Государство. Общество. Управление: Сб. ст. / Под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 511 с. // Pro et contra. – М., 2014. – № 1–2. – С. 133–138.
28. Миллер А.И. Нация как рамка политической жизни // Pro et contra. – М., 2007. – Т. 11, № 3. – С. 6–20.

29. Никонов В.А. Тонкая материя // Независимая газета. – М., 2012. – 26 января, № 10. – С. 2.
30. Новое покорение Крыма // Независимая газета. – М., 2014. – 30 декабря, № 285. – С. 2.
31. Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et contra. – М., 2014. – № 1–2. – С. 34–53.
32. Пастухов В.Б. Синдром измененного сознания // BBC. – М., 2015. – 5 мая. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/blogs/2015/05/150505_blog_pastoukhov_syndrome_changed_consciousness (Дата посещения: 06.05.2015.)
33. Пастухов В.Б. Сценарии Апокалипсиса: Судьба российской государственности в XX веке // Труды по руссиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр руссиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. – М., 2012. – Вып. 4. – С. 144–180.
34. Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России / РАН. ИНИОН. – М., 1994. – 217 с.
35. Политическая ситуация и общественные настроения в России: Год после выборов: Начало застоя или временное затишье? // Фонд «Либеральная миссия»: [Сайт]. – М., 2013. – 19 июня. – Режим доступа: <http://liberal.ru/articles/6169> (Дата обращения: 19.06.2013.)
36. Поляников Т.Л. Неклассический национализм в современной мировой политике: Социально-политический и культурный контекст: Автореф. дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / ГУ – ВШЭ. – М., 2009. – 29 с.
37. Путин В.В. Обращение президента Российской Федерации // Российская газета. – М., 2014. – 19 марта, № 63. – С. 2.
38. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. – М.: Древнехранилище, 2013. – 646 с.
39. Ревзин Г. Безнадежно забытое старое // Коммерсантъ Weekend. – М., 2014. – 18 июля, № 27. – С. 21.
40. Ремчуков К. От редактора // Независимая газета. – М., 2015. – 30 декабря. – С. 1.
41. Роксборо А. Железный Путин: Взгляд с Запада / Пер. с англ. С. Бавина и У. Сапциной. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 360 с.
42. Сергеев С. Русское и русско-советское: Заметки ангажированного историка // Вопросы национализма. – М., 2011. – № 12. – С. 93–101.
43. Силади А. Украденный путч, или Какой будет четвертая Россия? // Венгерский меридиан. – Budapest, 1991. – № 4. – С. 88–104.
44. Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 542 с.
45. Тарасов А. «Надо становиться на колени посреди России и просить у своего народа прощение»: Письма Виктора Астафьева – о войне, правде о ней и цене Победы // Новая газета. – М., 2015. – 27 марта, № 30–31. – С. 17.
46. ФОМ: работу Владимира Путина положительно оценивают 85% россиян // Коммерсантъ. – М., 2015. – 3 ноября. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2846498> (Дата посещения: 16.01.2016.)
47. Ходорковский М., Быков Д. Михаил Ходорковский: Путин победит на выборах и уйдет: Интервью // Собеседник. – М., 2015. – 22–28 июля, № 27. – С. 12–13.
48. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: НЛО, 2014. – 604 с.

И.А. Помигуев

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ:
ОТСУТСТВИЕ РЕШЕНИЯ – ТОЖЕ РЕШЕНИЕ?**

Помигуев Илья Александрович – аспирант
Отдела политической науки ИНИОН РАН.

Главной целью законодательного процесса является принятие законодательного решения (акта) [7]. В российской юридической литературе нормативной стороне этого вопроса уделено достаточное внимание [см.: напр., 2; 3]. В рамках политической науки, впрочем, также исследуется законодательный процесс, и основное внимание здесь фокусируется на взаимоотношениях ветвей власти, различных политических групп, партий, участвующих в нем [см.: напр., 5; 11].

Конечный результат законодательного процесса – это конкретное решение по законодательной инициативе. Оно может быть положительным или отрицательным, приниматься различными субъектами на разных этапах рассмотрения, их обсуждение занимает как считанные часы, так и многие годы. Как охарактеризовать такие «многолетние» законопроекты, находящиеся в парламенте Российской Федерации? По ним не принимается никаких публичных политических решений – считается ли это само по себе решением? Кто и как может быть задействован в этом процессе?

Попытаемся ответить на поставленные вопросы. Во-первых, кратко будет рассмотрена теория вето-игроков. Во-вторых, будут описаны технические структуры, которые могут воздействовать на скорость прохождения законопроектов, их полномочия. В-третьих, приведем статистические данные и случаи, показывающий, каким образом может протекать процесс «непринятия» политического решения.

Теоретические основания изучения субъектов законодательного процесса

При рассмотрении роли субъектов, так или иначе оказывающих влияние на законодательный процесс, используются концептуальные основы, предложенный Джорджем Цебелисом, неинституциональной теории вето-игроков. Последняя позволяет изучать политическую систему государства с помощью единого универсального критерия – взаимодействия между вето-игроками, каковыми являются коллективные и индивидуальные акторы, согласие которых необходимо для изменения статус-кво, т.е. существующей на данный момент политики (законодательства) [14, с. 36].

Вето-игроки могут быть институциональными (они определяются конституцией страны – президент, правительство, парламент) и партийными (они возникают и действуют в конкретной политической системе – партии, коалиции партий; возможно, правильнее было бы назвать их реальными, ситуационными). Чаще всего изучаемыми вето-игроками становятся парламенты (в частности, отдельные партии), главы государств, правительства стран, суды и другие структуры [6, с. 203]. У каждого из них есть свой уникальный объем полномочий и возможностей влияния на конечное законодательное решение, которые и определяют их роль в политической системе государства. Одни могут только установить политическую повестку дня, инициировав решение той или иной проблемы, другие могут влиять на прохождение такой инициативы на определенном этапе ее рассмотрения, но в целом законодательное решение представляет собой компромисс вето-игроков.

Предложенная концепция позволяет уточнить *«политологическое» определение законодательного процесса – это политико-правовой процесс, включающий в себя поэтапную деятельность вето-игроков по согласованию интересов в целях принятия законодательного решения.*

Данная концепция уделяет внимание субъектам, которые своим решением могут изменить законодательный статус-кво или, наоборот, его сохранить. Как показывает практика, существуют такие механизмы, которые позволяют институциональным вето-игрокам отсрочить принятие политического решения на неопределенный срок. Самым ярким примером может служить так называемое «карманное вето» президента США. По закону, если президент в течение десяти дней не накладывает вето и не подписывает принятый парламентом законопроект, тот автоматически считается законом. Однако есть исключение – когда билль поступил к президенту менее чем за десять дней до окончания парламентской сессии: в данной ситуации срок, отведенный президенту для подписания билля, не успеет истечь к концу сессии и по праву дисконтируемого считается отклоненным. Президент как бы кладет

билль в «карман», при этом он может впоследствии все же подписать его и ввести в действие [4, с. 59]. Такое решение – затянуть процесс принятия закона на неопределенный срок и не допустить его принятия – является осознанным.

В российском законодательном процессе подобной практики нет, поэтому глава государства в любом случае «результативно» реагирует на законопроект. Каким же образом можно «не решать» у нас?

Для этого стоит учесть фактор, кажущийся, на первый взгляд, второстепенным – полномочие по определению повестки дня. Это понятие используют в политическом смысле как конституционную возможность актуализации какой-либо проблемы, инициирование ее обсуждения в публично-политическом поле с целью изменения статус-кво [13, с. 273].

Повестка дня не может трактоваться узко – только как политическая возможность инициировать рассмотрение вопроса. Процессуальная составляющая институциональной повестки дня имеет не меньшее значение, чем политическая, поскольку здесь становится видна роль бюрократии / технических исполнителей, правительств, которые могут повлиять на сроки, время обсуждения инициативы, утверждать приоритетные вопросы, откладывать рассмотрение проектов на неопределенное время [12]. Подобная интерпретация дает возможность оценивать не только и не столько политических акторов (депутатов, президента и др.), сколько различного вида технические или даже бюрократические структуры, которые могут повлиять как минимум на скорость прохождения инициатив. Считается, что одним из показателей успешного влияния исполнительной власти на законодательную может являться скорость принятия законодательного решения. Причем отметим, что определяется это не только по ускорению данного процесса [9, с. 121], но и по его замедлению.

Для регулирования скорости прохождения законопроекта устанавливаются определенные нормы со сроками, позволяющими не допустить задержки решения. Уточним, чьи полномочия позволяют это делать.

Совет и комитеты Государственной думы как субъекты законодательного процесса

В законодательном процессе присутствуют такие структуры, которые формально не влияют на принимаемое политическое решение, а оказывают организационную поддержку. Здесь стоит выделить две структуры – Совет и комитеты Государственной думы.

Совет Государственной думы является органом нижней палаты парламента, создаваемым для подготовки и рассмотрения вопросов деятельности палаты. В состав его членов *с правом решающего голоса* входят исключи-

тельно депутаты нижней палаты парламента, занимающие должности председателя, его заместителей, руководителей фракций и не более двух руководителей внутрифракционных групп от фракции (8, ст. 13, ч. 2; ст. 16, ч. 4). Правом совещательного голоса наделяются председатели комитетов или их представители. В заседаниях также разрешено участвовать полномочным представителям Президента и Правительства РФ, депутатам и другим субъектам права законодательной инициативы в случае рассмотрения их вопросов (8, гл. 2).

Таким образом, решающий голос имеет руководство Государственной думы и фракций (внутрифракционных групп). Первые из них избираются на заседании нижней палаты простым большинством голосов (8, гл. 1), т.е. полностью зависимы от расстановки политических сил в парламенте, вторые же зависят только от своих фракций. Расстановка руководящих мест в парламенте – предмет торга политических партий.

В целом Совет создан для того, чтобы принимать технические, организационные решения, а Государственная дума – политические.

Рассмотрим некоторые функции Совета подробнее на основании действующей редакции Регламента нижней палаты парламента (последние изменения внесены 2 июля 2014 г.).

Основная «законодательная» деятельность Совета заключается в следующем (см. 8, ст. 14):

1. Формирует программы законопроектной деятельности на различные сроки, принимает решения о назначении дополнительных заседаний палаты¹.

2. Назначает комитеты, ответственные за подготовку внесенных в Думу законопроектов, направляет материалы по ним в комитеты палаты, во фракции, субъектам права законодательной инициативы с указанием срока подготовки отзывов, предложений и замечаний (поправок) к законопроекту.

3. По предложению комитетов Государственной думы принимает решение о возвращении законопроекта субъекту права законодательной инициативы, если им не выполнены требования Конституции или Регламента Госдумы:

- а) предоставлены не все необходимые при внесении документы или документы оформлены неправильно, т.е. не соответствуют требованиям ст. 104 Конституции и ст. 105 Регламента (заметим, что после изменений Регламента Госдумы от 02.07.2014 г. появилось новое требование – поясни-

1. Именно такая деятельность может считаться технической установкой повестки дня.

тельная записка должна содержать мотивированное обоснование необходимости принятия или одобрения законопроекта (8, ст. 105))²;

б) отсутствует заключение Правительства на законопроекты, предусматривающие бюджетные траты³;

в) если вносятся изменения в законы, срок действия которых истек (8, ст. 108, ст. 114).

4. Принимает решение о продлении срока представления поправок к законопроекту (положение появилось только в шестом созыве).

Итак, Совет Государственной думы формально не может оказывать влияние на решения ответственных комитетов, которые представляют группу депутатов разных фракций. При этом стоит признать, что затягивание или ускорение рассмотрения законопроектов практически не зависит от позиции комитета, поскольку даже его председатель имеет право только совещательного голоса. К тому же Совет руководствуется мнением Президента и Правительства РФ, выражаемого через своих постоянных представителей, а также инициаторов законопроекта, которым разрешено участие в заседаниях.

Заметим, что деятельность Совета напрямую связана с работой комитетов, которые в свою очередь имеют следующие «законодательные» полномочия:

1. Вносят предложения по формированию проекта примерной программы законодательной деятельности и календаря рассмотрения вопросов Госдумой на текущую и очередные сессии (или месяцы), а также на очередное заседание.

2. Осуществляют предварительное рассмотрение законопроектов и их подготовку к рассмотрению Государственной думой.

3. Готовят заключения по законопроектам.

4. Рассматривают и исполняют поручения Совета Государственной думы (8, ст. 19).

Комитеты непосредственно взаимодействуют с Советом в процессе рассмотрения законопроектов, особенно на первых стадиях, но это взаимодействие не носит политический характер. При этом комитеты могут существенно влиять на повестку дня, убирая из нее законопроекты, которые, по их мнению, не имеют перспектив быть принятыми [11, с. 17]. Однако сделаем важное замечание – заключения по законопроектам с предложениями по их отклонению или принятию принимаются голосованием с учетом расстановки

2. Такое нововведение дает формальное право отклонить любой законопроект, основываясь лишь на субъективном мнении депутатов ответственного комитета.

3. В данном случае возможности Совета Госдумы ограничены, поскольку инициатору достаточно иметь на руках любое заключение Правительства, чтобы исключить возможность возврата законопроекта по этому основанию.

политических сил в комитете и, как правило, совпадают с общей позицией фракций, представленных затем на пленарном заседании Государственной думы. Такая связь взаимна – фракция при голосовании учитывает мнение депутатов из профильного комитета, при этом такие депутаты учитывают общее мнение фракции.

Таким образом, мнение комитета (в большей степени экспертное) не может считаться решающим при принятии решения по законопроекту Советом или Государственной думой. В свою очередь мнение профильных депутатов (т.е. экспертов в соответствии с додепутатской профессией) учитывается при формировании позиции фракций или даже всего парламента как вето-игрока.

Полномочия Совета и комитетов Госдумы показывают, что фактически эти структуры являются непосредственными субъектами законодательного процесса, в котором они играют ведущую роль на этапе технической уставки повестки дня в рамках пленарных заседаний Госдумы.

Влияние Совета и комитетов Государственной думы на законодательный процесс: Статистика и показательные случаи

Чтобы убедиться насколько вопрос «непринятия» законопроектов актуален, рассмотрим статистику, представленную в Автоматизированной системе обеспечения законодательной деятельности (АСОЗД)⁴. Однако подобные данные там «обезличены», поэтому мы не сможем определить политическую составляющую каждой инициативы, а также понять причины задержки. Прояснить ситуацию постараемся с помощью рассмотрения интересного случая – прохождения законопроекта, который поддерживают депутаты из всех фракций, но при этом принять даже его концепцию в первом чтении – крайне сложная задача.

Законопроект поступает на рассмотрение Государственной думы в первом чтении только после большой предварительной работы. Сначала его изучают и дают отзывы все субъекты права законодательной инициативы, дважды рассматривают Совет Государственной думы и депутаты профильных комитетов. В этой связи отсутствие движущей законопроект силы (обычно это авторы инициативы) отрицательно сказывается на скорости принятия решения по нему. Для того чтобы увидеть как влияет Совет нижней палаты и комитеты на законопроект в количественном выражении, рассмотрим статистику шестого созыва Государственной думы по этапам законодательного процесса, в которых напрямую задействованы данные структуры.

4. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru> (Дата обращения: 25.12.2014.)

Данные были обобщены в сводной таблице 1, где показаны решения Совета Госдумы по инициативам, которые не внесены на «политическое» рассмотрение в первом чтении Госдумы, а также их процент от общего количества рассматриваемых и рассмотренных в нижней палате парламента.

Таблица 1

**РЕШЕНИЯ СОВЕТА ГОСДУМЫ
НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ ЗАКОНОПРОЕКТА
(ДО ВЫНЕСЕНИЯ НА ПЕРВОЕ ЧТЕНИЕ)**

<i>Решения⁵</i>	<i>Кол-во законопроектов</i>	<i>%</i>
Иное решение	53	3,65
Перенести рассмотрение	160	11,02
Предложено инициатору изменить текст законопроекта	50	3,44
В ответственном комитете	1189	81,89
Всего законопроектов, предварительно рассмотренных Советом, но еще не вынесенных на первое чтение	1452	100
Итого:		
Доля законопроектов, предварительно рассмотренных Советом, но еще не вынесенных на первое чтение от количества находящихся на рассмотрении, %	72,02	
Доля законопроектов, предварительно рассмотренных Советом, но еще не вынесенных на первое чтение от общего количества законопроектов в шестом созыве, %	25,1	

Наибольшее влияние Совет Госдумы может оказывать на законопроекты, которые еще не вынесены на публичное политическое обсуждение нижней палаты в целом, т.е. до первого чтения. А таких более 70% от общего количества находящихся на рассмотрении законопроектов. Комитеты выступают в качестве такой структуры, которая может хранить и помогать «забывать» инициативы годами. Решение поставить их в повестку дня принимает Совет, но «напоминает» именно комитет. Конечно, Регламентом Госдумы предусмотрена возможность авторов инициировать рассмотрение законопроекта на Совете или пленарном заседании палаты, но как показывает практика, комитеты в любом случае принимают непосредственное участие в этом процессе (рассмотренный ниже случай в этом плане будет показательным).

Конечно, можно подвергнуть сомнению представленные данные, сославшись на высокую загруженность указанных структур, которые просто не успевают рассматривать все инициативы. Для того чтобы разобраться,

5. Выделены, согласно положениям Регламента Государственной думы.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

насколько правдоподобно это выглядит, в таблице 2 предлагается увидеть сам процесс, сравнив дату внесения и дату последнего события, произошедшего в процессе рассмотрения законопроекта (т.е. дату, когда к внесенному законопроекту обращались в последний раз).

Таблица 2

ЗАКОНОПРОЕКТЫ, НЕ РАССМОТРЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ В ПЕРВОМ ЧТЕНИИ

Год	Дата внесения		Дата последнего события по внесенным законопроектам	
	Кол-во	%	Кол-во	%
До 2012*	269	18,53	6	0,41
2012	148	10,19	315	21,69
2013	320	22,04	248	17,08
2014	715	49,24	883	60,81
Всего	1452	100	1452	100

* Предыдущие созывы Госдумы.

Источник: Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru> (Дата обращения: 25.12.2014.)

Как мы видим, 40% инициатив, внесенных до 2012 г., в 2012 и в 2013 гг. не выносятся на рассмотрение Госдумы в первом чтении больше года, что показывает высокую роль «технического» торможения законопроектов при их движении в рамках Госдумы.

Когда же используют подобный механизм? Можно предположить, что задерживают рассмотрение законопроекта по двум наиболее явным причинам:

- отсрочка принятия решения из-за политической несогласованности различных заинтересованных сил;
- «замыливание» инициатив, неудобных или неугодных участникам, влияющих на принятие законодательных политических решений (это в большей мере дополнительная причина).

Если исходить из этих причин, можно заметить, что некоторые вопросы участники законодательного процесса предпочитают решать или не решать, не вынося в публично-политическое поле, а если этого не получается, применять механизмы задержки рассмотрения законопроектов либо для снижения уровня публичного интереса к инициативе, либо для того чтобы не допустить повышения.

Рассмотрим показательный для нынешней политической системы России случай, который показывает, как может выглядеть подобный процесс: позиция депутатов правящей партии (партийного вето-игрока) на уровне комитета

Государственной думы расходится с позицией институциональных вето-игроков – Президента РФ и Правительства РФ.

В Государственную думу депутатом от «оппозиционной» Либерально-демократической партии России в июне 2013 г. был внесен законопроект, который вроде бы сложно назвать политическим⁶. Главная цель внесенного законопроекта – дать собственникам в многоквартирных домах больше возможностей для защиты их общей собственности без необходимости обращения в суд. Данная инициатива нашла отклик у депутатов всех фракций Государственной думы в ответственном за законопроект комитете, что выразилось в их желании войти в состав инициаторов⁷.

Законопроект был принят к рассмотрению. Совет Госдумы в рамках подготовки к первому чтению назначил срок предоставления отзывов, предложений и замечаний субъектов права законодательной инициативы. Данный срок закончился в октябре 2013 г., ответственный комитет рассмотрел законопроект с четырехмесячным запозданием. Причиной послужило долгое ожидание отзыва Правительства РФ, который в данном случае не является обязательным, поскольку проект не предусматривает бюджетных трат.

По просьбе авторов законопроекта ответственный комитет все-таки рассмотрел его в январе 2014 г. без отзыва Правительства (он поступил в Госдуму спустя год после внесения инициативы, кабинет министров высказался «против»), члены комитета (представители всех фракций) *единогласно* приняли решение: предложить принять законопроект в первом чтении.

Совет Государственной думы в свою очередь отложил рассмотрение инициативы на неопределенный срок⁸. Законопроект «повис в воздухе», как и другие почти 1500 инициатив. В чем причина? Ведь формально поддержали его все фракции парламента? Как было отмечено, явных причин может быть две, но попробуем проанализировать имеющиеся факты.

6. Законопроект № 298242-6 о внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=298242-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=298242-6) (Дата обращения: 24.04.2015.)

7. У каждого субъекта права законодательной инициативы после внесения ее в Госдуму есть право поддержать законопроект, войдя в состав инициаторов до рассмотрения и принятия его в первом чтении. В дальнейшем считается, что законопроект становится общим, а авторство не имеет значения – право изменять его принадлежит всем субъектам права законодательной инициативы.

8. Протокол № 142 заседания Совета Государственной думы от 24 февраля 2014 г. // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru> (Дата обращения: 19.04.2015.)

Из протокола № 142 заседания Совета⁹, который имеется в открытом доступе на сайте Автоматизированной системы законодательной деятельности, следует, что после обсуждения, на котором высказался представитель президента, было принято решение временно отложить рассмотрение. Президент РФ – сильный вето-игрок, мнение которого, конечно, учитывается уже на начальном этапе законодательного процесса, но не является обязательным, как и в случае со всеми другими субъектами права законодательной инициативы, которые могут участвовать в заседании Совета с правом совещательного голоса. В таких ситуациях сложно отыскать политические мотивы, а причин для подобного переноса может быть сколько угодно.

Однако фактически возникло противоречие во мнениях между представителями пропрезидентской партии большинства в парламенте и главой государства. Если вынести законопроект на публичные слушания в рамках первого чтения, могли бы возникнуть вопросы о роли «партии власти» в поддержке позиции главы государства. Если отклонят инициативу – это скажется на репутации тех депутатов, которые высказались за принятие, если примут – пойдут против позиции сильных вето-игроков – Президента и Правительства, – которые в дальнейшем заблокируют решение на других этапах прохождения законопроекта.

Сложилась ситуация, когда «нерешение» вопроса вполне может стать для сторон его решением, поскольку тогда не будет проигравших сторон (кроме, может быть, тех самых собственников домов, ради которых и был придуман законопроект). Возможность такая, как мы видим, есть, но только в том случае, если нет участников законодательного процесса, заинтересованных в принятии публичного политического решения.

Заинтересованной стороной выступают авторы инициативы, которые могут как отозвать законопроект (это может сказываться на их политической репутации как оппозиционных сил), так и настоять на рассмотрении, чтобы затем обвинить сильных вето-игроков в том, что не прислушиваются к мнению меньшинства. Спустя год после решения Совета отложить законопроект (февраль 2015 г.), по просьбе авторов проведено повторное заседание комитета по вопросу внесения в повестку рассмотрения Советом палаты. Его члены (большинство в комитете принадлежит партии власти) предложили авторам отозвать инициативу и повторно внести ее с учетом позиции Правительства РФ и Президента РФ, которые, как было указано выше, высказались за отказ от самой концепции, предложенной в законопроекте.

Пользуясь своим правом предлагать вопросы для рассмотрения на Совете Госдумы, авторы написали письмо руководству Госдумы с той же самой

9. Стенограмма и видеосъемка заседания отсутствуют в открытом доступе.

просьбой, которое поручило ответственному комитету подготовить законопроект к рассмотрению в Совете. В апреле 2015 г. из состава авторов законопроекта вышли представители партии власти, а затем на очередном заседании комитета было принято решение о замене положительного заключения комитета, за которое проголосовали в свое время единогласно, отрицательным. Таким образом, позиция Президента РФ, Правительства РФ и партии власти совпали, коллизия была преодолена, а законопроект идет на отклонение для рассмотрения в первом чтении. Публичное решение по этому вопросу, если опираться на протокол Совета Государственной думы, вновь было отложено на неопределенный срок¹⁰. Запланированное рассмотрение законопроекта так и не состоялось.

Данный случай показывает, как несогласованность партийных или институциональных вето-игроков, которые могут оказывать влияние на решение, выражается в затягивании процесса принятия публичного политического решения, что сказывается на самом процессе прохождения законопроекта. Заметим, однако, что законопроект рассматривался два года, и этот срок был вызван несогласованностью позиций институционального и партийного вето-игрока, который в свою очередь является проводником позиции органов исполнительной власти, и в первую очередь Президента РФ. Лучшим вариантом решения проблемы было его «нерешение». Это и было сделано, чтобы не выносить в публичную плоскость выявленные противоречия. Партии, имеющие меньшинство в парламенте, хоть и не могут влиять на конечное решение, но в состоянии актуализировать проблемы и поставить вопрос об их решении.

Статистика и рассмотренный случай показывают, что структурные единицы, создаваемые в рамках деятельности самого вето-игрока (в данном случае парламента), не имея прямого влияния на результат законодательного процесса, как минимум оказывают воздействие на его скорость. Могут быть использованы различные механизмы для того, чтобы отсрочить принятие политического решения. Причинами этого могут служить изначальная несогласованность позиций различных участников законодательного процесса и/или желание «забыть» определенную тему, ожидая потери «движущих сил» инициативы (чаще всего, ее авторов, которые могут не оказаться в следующем составе Государственной думы) или ее актуальности.

10. Протокол № 240 заседания Совета Государственной думы от 21 мая 2015 г. // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru> (Дата обращения: 28.05.2015.)

Заключение

Итак, выше была предпринята попытка понять, может ли законодательный процесс заканчиваться каким-либо «нерезультативным» решением и как такую ситуацию оценивать.

В Госдуме находится много «забытых» законопроектов. Как было показано, *заблокировать принятие законопроекта можно уже на начальном этапе его рассмотрения до принятия публичных политических решений*. Субъектами, которые в состоянии запустить подобный механизм, могут являться Совет Госдумы и комитеты – структуры бюрократические по природе, но политические по структуре, которые влияют на техническую сторону установки повестки дня. Формально они не имеют и не должны иметь какого-либо определяющего влияния на законодательный процесс.

Главной причиной «блокировки» являются несогласованность позиций участников законодательного процесса – институциональных и партийных вето-игроков, которые могут повлиять на конечный результат. Естественное их желание в таком случае – не выносить в публичное политическое поле возможные противоречия и постараться «забыть» тему.

Таким образом, отсутствие принятия решения по законопроекту может являться сознательным, хоть и не публично-политическим, шагом.

Литература

1. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru> (Дата обращения: 25.01.2015.)
2. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: Научно-практическое пособие / Отв. ред. доктор юридических наук, проф. Р.Ф. Васильев. – М.: Юриспруденция, 2000. – 320 с.
3. Законотворчество в Российской Федерации / Авт. колл.: А.И. Абрамова, Т.В. Голубева, А.В. Мицкевич и др.; Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Формула права, 2008. – 608 с.
4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник: В 4 т. Т. 3 / Отв. ред. Б.А. Страшун. – М.: Издательство БЕК, 1997. – 764 с.
5. Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. – 544 с.
6. Помигуев И.А. Концепция вето-игроков: Новый подход в изучении форм правления // Политическая наука. – М., 2014. – № 1. – С. 199–210.
7. Постановление Конституционного суда РФ от 22.04.1996 N 10-П «По делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации». – «Российская газета». – № 83. – 05.05.1996.
8. Регламент Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации: Принят постановлением Государственной думы от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД (ред. от 25.02.2015) // СЗ РФ. – 1998. – № 7.
9. Чейсти П. Воздействие партийных рычагов власти Президента на законодательный процесс в посткоммунистической России // Политическая конкуренция и партии в государст-

вах постсоветского пространства / Ред.-сост. Е.Ю. Мелешкина, Г.М. Михалева. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 95–127.

10. Чейсти П. «За» и «против» мажоритаризма для российских законодателей // Сравнительное конституционное обозрение. – М., 2006. – № 4 (57). – С. 13–20.

11. Шохин А.Н. Взаимодействие властей в законодательном процессе. – М.: Изд-во «Наш дом – L' Age d' Homme», 1997. – 192 с.

12. Doering H. Parliamentary agenda control and legislative outcomes in Western Europe // Legislative Studies quarterly. – New Jersey, 2001. – N 26. – P. 145–165.

13. The role of Government in legislative agenda setting / G. Tsebelis, B.E. Rasch (eds). – L.; N.Y.: Routledge, 2011. – 273 p.

14. Tsebelis G. Veto players: how political institution work. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2002. – 440 p.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.Н. Чернега

РОССИЯ В МНОГОПОЛЮСНОМ МИРЕ

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, консультант Совета Европы, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Тема перехода современного мироустройства от однополюсного к многополюсному порядку уже длительное время обсуждается как в России, так и за ее пределами. Это, естественно, кризис однополюсного порядка, возникшего после крушения СССР в 1991 г., очевиден. Но в России тезис о многополюсности стал своего рода мантрой, подразумевающей если не приход «светлого будущего», то, по меньшей мере, формирование значительно более благоприятных условий для упрочения международных позиций страны. Российская дипломатия уже в 90-е годы отвергала однополюсную структуру, противопоставляя ей многополюсность как неизбежную и желательную альтернативу. Сегодня эта тенденция не просто набрала силу, некоторые эксперты и практики считают, что мы уже живем в эпоху многополюсности (хотя есть и те, кто говорит о «бесполюсности» или «нулевой полюсности»).

При этом попытки серьезного анализа того, что может принести миру и особенно России многополюсный порядок, пока еще очень редки. Не очень ясно даже, когда реально наступит этот порядок, ведь вопреки тому, что отмечено выше, мы скорее всего вступили в некий промежуточный этап, когда однополюсность утрачивает свой прежний жесткий характер, но окончательно не исчезает. Стоит напомнить, что как в двухполюсной, так и в однополюсной системах статус «полюса» подразумевал очень высокий уровень экономической и военной мощи (в последнем случае как ядерной, так и неядерной компоненты), способность проецировать эту мощь далеко за свои пределы, наличие системы союзов и в целом обширной сферы влияния на международной арене, обеспечиваемой в том числе и так называемой «мягкой силой».

С учетом этих параметров единственным полноценным «полюсом» все еще остаются США. Они по-прежнему обладают самой мощной и гибкой экономикой, способной достаточно быстро преодолевать даже глубокие кризисы и обновляться (как это произошло после 2008 г.). Огромную роль в этом играет предпринимательская инициатива, которой здесь обеспечены самые благоприятные политико-правовые условия. Это привлекает также иностранных предпринимателей и инвесторов.

Конечно, в экономической позиции США есть слабое место – огромный государственный долг (около 18 трлн долл., или 96% ВВП). Америка тратит больше, чем зарабатывает, и в будущем это может привести к надлому ее финансовой и социально-экономической систем. Но, по мнению большинства экспертов, до тех пор пока США доминируют в бреттон-вудской системе международных финансовых институтов, американский доллар останется глобальной резервной валютой, а сама страна будет рассматриваться как привлекательное и надежное место для вложения капиталов.

США обладают самыми мощными Вооруженными силами, тратят больше всех в мире на военные цели, а также на научные исследования и опытно-конструкторские разработки и производят больше всех новых технологий. Они не просто имеют разветвленную сеть союзнических отношений в разных регионах мира, но и доминируют в ней (самый яркий пример – НАТО) и «подпирают» ее не менее разветвленной сетью военных баз.

Пока никто не может сравниться с США и в возможностях применения так называемой «мягкой силы», т.е. использования несиловых инструментов воздействия на другие страны. В связи с этим важно, что США контролируют основные информационные ресурсы планеты и сохраняют лидирующую роль в области информационных технологий. Вкупе с господствующими позициями американского кино это позволяет Америке не только продвигать вовне свое влияние, но и при необходимости организовывать информационно-пропагандистские войны против неугодных режимов в тех или иных странах. США финансируют огромное количество НПО, работающих за рубежом, которые также так или иначе способствуют продвижению американских интересов.

При всем этом США уже не в состоянии пытаться диктовать свою волю всему миру или единолично решать основные мировые проблемы. Впрочем, такие попытки изначально были нереалистичными. Триумфализм, порожденный исчезновением основного противника – СССР, сыграл с США злую шутку: вместо того чтобы адаптироваться к новой ситуации, они попробовали адаптировать мир к себе. Но это оказалось не под силу даже единственной сверхдержаве.

Сказанное не меняет того факта, что США по-прежнему являются бесспорным мировым лидером. Кризис однополюсной системы объясняется

не тем, что США ослабели. С одной стороны, усилились другие державы, особенно в АТР, куда постепенно смещается центр мировой экономической активности. С другой стороны, сами США начали осознавать, что взвалили на себя неподъемный груз. Олицетворением этой тенденции является прежде всего президент Барак Обама – пожалуй, самый осмотрительный глава американского государства за последние десятилетия.

Правда, в США есть влиятельные круги, особенно те, что связаны с Республиканской партией, которые все еще верят, что ослабление международных позиций Америки объясняется не объективным положением дел, а недостатком политической воли у демократа Обамы. С их точки зрения, США и дальше должны пытаться играть роль мирового гегемона. Проведение направленной на это политики не исключено, особенно если республиканцы победят на предстоящих в 2016 г. президентских выборах, тем более что, вопреки распространенным в России представлениям, в мире (прежде всего в Восточной Европе, Юго-Восточной Азии) есть немало стран, которые по тем или иным причинам не желают уменьшения международной роли США. Но даже в этом случае вряд ли можно ожидать возвращения Америки к активному гегемонизму периода президента Джорджа Буша-младшего, поскольку это будет наталкиваться на все более сильное противодействие других держав. Да и печальный опыт интервенций, совершенных США в Ираке и Афганистане, ошибок, допущенных в Сирии и Ливии, вряд ли будет скоро забыт.

Иными словами, тенденция к отходу от жесткой однополюсной системы, скорее всего, приобретает необратимый характер. Однако вопрос о том, придет ли на смену ей реальная многополюсная система, где «полюса» были бы более или менее эквивалентны друг другу, и сколько времени это займет, остается открытым. Ответ на него зависит от того, превратятся ли в полноценные новые «полюса» имеющиеся кандидаты на этот статус.

Большинство экспертов называют в качестве таких реальных или потенциальных кандидатов Китай, Индию и Европейский союз. Некоторые из них включают в список кандидатов и Россию, другие, однако, оспаривают это, считая ее «угасающей державой».

На сегодняшний день наибольшие шансы стать реальным соперником США имеет Китай. В номинальном выражении его ВВП еще отстает от американского (по версии МВФ, 12 трлн долл. по сравнению с более чем 18 трлн долл. у США), но по паритетной покупательной способности, по некоторым оценкам, он догоняет или даже перегнал его. В октябре 2016 г. ожидается включение юаня в корзину мировых резервных валют, что явится признанием его экономической мощи. При этом, однако, Китай, ставший в предыдущие десятилетия своего рода «мастерской мира», в основном использует чужие технологии. Иными словами, китайский экономический рост до сих пор был

скорее количественным, чем качественным. Конечно, китайское руководство уделяет все больше внимания этой проблеме, но, как свидетельствует история, для перехода на качественный рост, помимо достаточно длительного времени и больших ресурсов, нужны глубокие реформы (причем не только в экономике).

Многие эксперты в самом Китае и за его пределами считают, что экономическая модель, основанная прежде всего на дешевой рабочей силе и на экспорте большей части произведенной продукции, которая обеспечила ему беспрецедентный экономический рывок, исчерпала себя. И дело не только в снижении темпов роста, которые по сравнению с другими странами остаются достаточно высокими. Специалисты указывают на накопившиеся «токсичные» активы в ряде банковских и других финансовых учреждений, на увеличивающиеся государственный долг и внешнюю задолженность. По их оценкам, только китайские корпорации задолжали внешним кредиторам более 2 трлн долл. Внезапная девальвация юаня в январе 2016 г., потрясения на китайских биржах, отзывавшиеся эхом по всему миру, подтвердили наличие этих и других трудностей в китайской экономике.

Острой проблемой Китая становится старение населения, означающее, что уменьшающееся число экономически активных людей должны кормить все большее число неактивных. Провозглашенный недавно отход от политики «одна семья – один ребенок», если и даст эффект, то нескоро. Демографические тенденции вообще не поддаются быстрой значительной корреляции. По прогнозам демографов, к 2030 г. по числу населения Китай опередит Индия.

Судя по всему, китайское руководство сознает наличие этих проблем и пытается выработать такую социально-экономическую стратегию, которая позволила бы более или менее плавно перейти к новой модели роста, больше ориентированной на внутреннее потребление. Удастся ли это сделать, покажет время. Стоит, однако, заметить, что подобная стратегия, предполагающая повышение уровня жизни населения, обычно ведет к росту среднего класса, более открытого к внешним влияниям, чем сельские жители, все еще составляющие большинство в стране. В китайской печати уже появлялись тревожные статьи по поводу происходящей «вестернизации» этого социального слоя и опасности распространения в нем «гонконгского вируса», т.е. демократических идей, малосовместимых с нынешним политическим устройством Китая.

Между тем переход к качественному росту на каком-то этапе потребует реформирования этого устройства в целях придания ей большей гибкости. Исторический опыт, в первую очередь СССР, показывает, что жесткая политическая система, сковывающая живые силы общества, рано или поздно становится препятствием на этом пути. Авторитарный строй может, сконцентрировав ресурсы на отдельных направлениях, добиться на них

«прорывных» успехов. Но он не способен обеспечить устойчивое, поступательное движение научно-технического прогресса в масштабах всей экономики на постоянной основе. Пойдет ли Пекин на проведение соответствующих реформ и если да, сможет ли он сделать это без потрясений – на этот вопрос ответа пока нет. Это, пожалуй, главный вызов, стоящий перед Китаем, который может помешать ему выиграть конкурентную гонку с США.

Стоит упомянуть и военный аспект. Китай прилагает все большие усилия для наращивания и модернизации своей военной мощи. Пока, однако, в этом отношении он еще значительно отстает не только от США, но и от России. Ядерный арсенал Китая в разы меньше, чем у этих двух держав.

Еще меньше Китай может опираться на «мягкую силу». Поддержание связей с китайскими общинами за рубежом вряд ли может восполнить ее недостаток. Более того, именно цивилизационный аспект является естественным ограничителем его идейно-культурного влияния. В отличие от США он не может претендовать на универсальность своей культурно-ценностной модели.

В целом, несмотря на то что Китай активно проникает в экономики других регионов, например Средней Азии и Африки, и является фактическим лидером таких образований как БРИКС или ШОС, его вряд ли можно назвать глобальным игроком. Впрочем, Китай, судя по всему, пока и не претендует на эту роль, предпочитая сохранять максимальную осторожность применительно к тем проблемам, которые непосредственно его не затрагивают. Об этом говорит, в частности, его голосование в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН. Не был пока замечен Китай и в попытках создания военно-политических союзов. БРИКС и ШОС, очевидно, таковыми являться не могут.

Еще меньше может претендовать на роль глобального игрока Индия, хотя по численности населения, а также в экономическом и военном отношении она все больше приближается к статусу бесспорной великой державы. Как отмечают специалисты, экономическая стратегия этой страны, считающейся самой большой в мире демократией, до сих пор характеризовалась поддержанием достаточно высоких темпов роста с акцентом на его качественную сторону, в частности на развитие инновационного сектора. Однако помимо значительно меньшей по размерам, чем у Китая, экономики над ней еще больше довлечет груз социальных проблем, в частности бедности, социальных, социально-кастовых и религиозных противоречий. Наблюдающийся в Индии быстрый рост населения скорее помеха для решения этих проблем.

Индия еще только борется за место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Она входит в «клуб ядерных держав», но по размеру своего ядерного арсенала она, как и Китай, относится ко второму их эшелону. Индия

участвует в Движении неприсоединения и, соответственно, не вступает в военно-политические союзы.

Европейский союз по размерам совокупного ВВП в зависимости от меняющегося курса евро по отношению к доллару занимает первое место в мире или делит его с США. В России, да и не только в России, в связи с нынешними трудностями ЕС, его принялись преждевременно хоронить. В действительности, в длительной перспективе это объединение имеет шансы превратиться в конфедеративно-федеративное образование со всеми вытекающими последствиями в сфере внешней политики и, возможно, даже обороны. Упомянутые трудности ЕС рано или поздно преодолееет, поскольку, во-первых, заинтересованность в этом государств-членов значительно сильнее их разногласий, а во-вторых, сложность механизмов согласования и «притирок» решений в ЕС имеет оборотной стороной гибкость, позволяющей находить необходимые компромиссы.

Следует обратить внимание и на то, что под шумок разговоров о «конце европейского проекта», в структурах ЕС идет малозаметная работа по «гармонизации» законодательства и политики государств-членов в бюджетно-финансовой и налоговой сферах. По мнению большинства экспертов, отсутствие такой «гармонизации» явилось главной причиной возникновения дисбалансов в «еврозоне» и трудностей при попытках их урегулирования. Именно перспектива появления у ЕС бюджетно-финансовой и налоговой скреп тревожит больше всего противников его федерализации, в частности в Великобритании, где опасаются, что, помимо прочего, это нанесет ущерб позициям Лондона в его качестве крупнейшего финансового центра. Но даже если Великобритания выпадет из «поезда интеграции», это вряд ли уже его остановит. Политика, как когда-то было сказано, есть концентрированное выражение экономики, а она требует продолжения интеграционного процесса.

ЕС располагает также большим потенциалом «мягкой силы». Главный ее фактор – привлекательность социально-экономической модели, утвердившейся в развитых странах этого объединения и обеспечивающей несравнимый даже с США уровень социальной защиты индивида, а также уязвимых категорий населения. Переживаемый сейчас ЕС миграционный кризис является прямым следствием этой привлекательности. Нельзя, разумеется, забывать и о том, что «европейская модель» включает в себя эффективно действующую демократию, правовое государство и развитые институты защиты прав человека.

Вместе с тем очевидно, что ЕС понадобится много времени, чтобы урегулировать глубокие внутренние противоречия, обнажившиеся в последние годы. На горизонтальном уровне речь идет в первую очередь о противоречиях между «Севером» и «Югом» ЕС, по-разному видящими способы борьбы

с экономическими трудностями и в целом проведение общей экономической политики. Есть проблемы и на «Востоке» ЕС, где такие страны как Венгрия и Польша противопоставляют национальные интересы линии Брюсселя. ЕС в целом оказался неготовым к нашествию мигрантов и пока разрывается между «европейскими ценностями» (прежде всего, правами человека) и инстинктом самосохранения.

Увеличивается разрыв между «евро-бюрократией» в Брюсселе, выражающей главным образом интересы мультинационального капитала и превратившейся в практически никем не контролируемую самодовлеющую силу, с одной стороны, и огромной массой мелких и средних предпринимателей, фермеров, не имеющих возможности «достучаться» до Брюсселя в целях защиты своих интересов, – с другой. Несмотря на существование Европейского парламента, полномочия которого неоднократно усиливались, механизмы обратной связи, более или менее эффективно обеспечиваемые демократическими системами в государствах-членах, на уровне ЕС явно недорабатывают. В более широком плане очевидно, что космополитизированные европейские элиты, форсируя интеграцию, слишком оторвались от своих народов, не желающих такими темпами растворяться в «европейской общности».

Всё это означает, что несмотря на введение в ЕС в 2009 г. постов «президента» (председатель Европейского совета) и «министра иностранных дел» (верховный представитель ЕС по иностранным делам), в обозримом будущем он не будет иметь той политико-организационной сплоченности, которая позволила бы ему играть роль полноценного мирового «полюса».

Что касается России, ее шансы стать реальным «полюсом» выглядят наиболее противоречиво, особенно в перспективе. С одной стороны, существуют очевидные факторы, которые подтверждают ее притязания на этот статус. Речь идет, прежде всего, о самой большой в мире территории и ключевом геостратегическом положении на евразийском пространстве, огромных запасах природных ископаемых (более 30% всех запасов планеты), сопоставимом с США ракетно-ядерном арсенале, месте постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Осуществляемая ныне модернизация Вооруженных сил РФ, результаты которой проявились, в частности, в Сирии, также усиливает международные позиции страны.

В положительное «сальдо» России следует занести и активную внешнюю политику, осуществляемую посредством квалифицированной дипломатии. Тот факт, что без участия России не решается ни одна из актуальных международных проблем, в значительной мере является результатом этой политики. Увеличивают геополитический вес России продвигаемое ею интеграционное объединение ЕАЭС, лидерство в ОДКБ, ее активность в БРИКС и ШОС.

Стоит упомянуть и то, что Россия является вторым по важности игроком, после США, на международном рынке вооружений.

С другой стороны, эти преимущества тем дальше, чем больше будут нивелироваться «факторами слабости» России. На первое место среди них следует поставить тревожную демографическую ситуацию. В докризисный период российской власти удалось несколько повысить рождаемость и уменьшить смертность, что привело к определенному росту продолжительности жизни. При этом, однако, рождаемость так и не удалось довести даже до уровня, с которого начинается простое воспроизводство населения, не говоря уже о росте, а средняя продолжительность жизни, особенно среди мужчин, по-прежнему значительно отстает от аналогичных показателей развитых стран.

К тому же в последнее время ситуация вновь стала ухудшаться. Небольшое превышение рождаемости над смертностью, наблюдавшееся еще в 2014 г., в 2015 г. начало сокращаться (в январе–октябре, по данным Госстата, оно составило 21 тыс. человек по сравнению с 37 тыс. человек за тот же период 2014 г.). Вновь возросло число бедных. Это – естественный результат экономических трудностей, которые переживает сейчас Россия. Они привели также к снижению реальных государственных расходов на здравоохранение и образование, что неминуемо будет сказываться и на качестве так называемого «человеческого капитала» страны.

Следует отметить также, что Россия подходит сейчас к так называемой «демографической яме», связанной с тем, что в репродуктивный возраст входят малочисленные поколения, родившиеся в 90-е годы. Демографы предсказывают, что уже к 2030 г. российское население, даже с учетом присоединения Крыма, может сократиться до 130 млн человек. Примерно на такую же оценку опирается Концепция государственной миграционной политики до 2025 г., утвержденная Президентом РФ в 2012 г. В ней прогнозируется уменьшение к 2025 г. трудовых ресурсов страны на 10 млн человек и предусматривается восполнять их главным образом за счет приема иностранной рабочей силы.

Сокращение населения России, в географическом плане «зажатой» между ЕС (более 500 млн человек) и Китаем (1,3 млрд), грозит не только сокращением ее шансов остаться великой державой, но и ослаблением контроля над собственной огромной территорией. Стоит отметить, что уже сейчас в рамках БРИКС Россия по численности населения находится на предпоследнем месте – после Китая, Индии (1,2 млрд) и Бразилии (202 млн). Вне БРИКС из быстро развивающихся стран ее превосходят Индонезия (220 млн) и догоняет Мексика (125 млн).

О другом «факторе слабости» России – ее экономике, говорится и пишется достаточно много. Действительно, размеры ВВП России для великой

державы незначительны – 71,4 млрд руб. (или более 2 трлн долл. в неизменных ценах) в 2014 г., причем в 2015 г. он уменьшился почти на 4%. Он несоизмеримо низок по сравнению с ЕС, США и Китаем и существенно ниже, чем у Японии. В 2015 г., по оценке МВФ, Россию должны были обогнать Индия и Бразилия.

Стало общим местом отмечать и низкое качество, в частности слабую диверсификацию российской экономики, слишком большую зависимость от экспорта энергоносителей, недостаточное развитие реального сектора, общую технологическую отсталость. Несмотря на все заверения властей об улучшении условий для мелкого и среднего бизнеса, число предпринимателей в стране сокращается. Между тем именно они обеспечивают необходимые экономике гибкость и динамизм. Именно эта категория составляет костяк среднего класса, который в свою очередь обеспечивает социальную стабильность общества.

Еще более тревожным является тот факт, что Россия даже в докризисные годы, характеризовавшиеся общим ростом затрат на социально значимые отрасли, по сравнению с передовыми странами инвестировала недостаточно средств в развитие науки, которая определяет конкурентоспособность страны на длительную перспективу. Нынешние экономические трудности вынуждают российскую власть еще и сокращать эти расходы. Помимо прочего, закономерным результатом этой ситуации вновь стал рост «утечки умов». Многие ученые мотивируют свой отъезд не только недофинансированием, но и участвовавшим некомпетентным вмешательством в их работу правоохранительных органов.

Всё вместе это неизбежно ведет к углублению технологического отставания страны от основных конкурентов и в конечном счете к ослаблению ее обороноспособности. В истории России такое уже было, достаточно вспомнить ее техническое отставание от противника в Крымской войне 1853–1856 гг. или в Первой мировой войне.

В более широком плане, сегодня уже нет сомнений, что принятая де-факто российской властью в 2004–2005 гг. стратегия «энергетической супердержавы», основывавшаяся на развитии главным образом нефтегазового сектора и связанных с ним отраслей, оказалась несостоятельной. По подсчетам российских специалистов, в 2000–2015 гг. этот сектор принес России около 3 трлн долл. Однако для того чтобы только поддержать добычу нефти и газа на нынешнем уровне, стране нужно будет вложить в него в 2015–2030 гг. около 2 трлн долл. И это несмотря на «сланцевую революцию», а также на быстрое развитие сектора возобновляемых источников энергии (мировой лидер – Китай), делающие перспективу рентабельности таких вложений весьма туманной.

Нынешняя политика «импортозамещения» (которую, на самом деле, нужно назвать попыткой повернуться наконец к производственному сектору экономики) может принести ощутимые результаты лишь через какое-то время, да и то при условии правильной экономической стратегии, включающей в себя, помимо прочего, реальную, а не лозунговую поддержку предпринимательского слоя, и привлечение необходимых инвестиционных ресурсов.

Стоит заметить, что в связи с «импортозамещением» вскрылась огромная зависимость большинства российских производств от импортных составляющих, материалов, металлов, в том числе в оборонной сфере. Конечно, во всей более глобализированной мировой экономике кооперация является нормальным явлением, но в российском случае эта зависимость объясняется прежде всего последствиями господствовавшего до сих пор в среде российских элит «рентно-паразитического синдрома»: «зачем производить, если можно все купить».

К «факторам слабости» России следует также отнести бедность значительной части населения (около 40%, по критериям ЕС, причем, как отмечено выше, число бедных сейчас увеличивается¹), а также колоссальный и все возрастающий разрыв между малоимущими и богатыми. Они подрывают социальную сплоченность российского общества, которая рассматривается в развитых странах как неперемное условие устойчивого экономического роста. Конечно, сегодня власть по максимуму использует патриотическое единение общества в связи с украинским кризисом и западными санкциями, но, как показал советский опыт, этот резерв сплочения не безграничен.

Нельзя не упомянуть и проблему коррупции государственного аппарата, правоохранительных структур и органов местного управления, достигшей таких масштабов и глубины, что даже высшие руководители государства неоднократно называли ее «угрозой национальной безопасности». Стоит напомнить данные, приведенные Президентом В.В. Путиным на своей традиционной пресс-конференции в декабре в 2105 г.: 83% заведенных уголовных дел на предпринимателей не получили продолжения, но при этом их фигуранты лишились своей собственности (как выразился президент, «попрессовали, обобрали и отпустили»).

Во внешнем плане среди «факторов слабости» следует назвать, прежде всего, отсутствие у России союзников, достойных этого имени. Ни один из членов ЕАЭС и ОДКБ не поддержал Россию в вопросах Южной Осетии, Абхазии и Крыма, исключения Украины из зоны свободой торговли СНГ, более того, некоторые из них в связи с украинским кризисом поспешили восполь-

1. В России критерий бедности – доход на члена семьи ниже так называемого прожиточного минимума (около 7 тыс. руб.), в ЕС – доход на члена семьи ниже 60% среднедушевого дохода по стране.

зоваться ситуацией, чтобы улучшить свои отношения с Западом. Не поддержали Россию и участники ШОС.

Китай вроде бы близкий партнер России (в том числе в рамках БРИКС и ШОС), на которого она возлагала большие надежды в плане противодействия попыткам Запада отрезать ее от кредитно-инвестиционных ресурсов, официально не одобрил западные антироссийские санкции. Однако, как указывают российские эксперты в области финансов, многие китайские банки, «завязанные» на американский рынок, фактически в них участвуют.

Внезапная девальвация юаня в январе 2016 г., ударившая и по российской экономике, и по геоэкономическим планам Кремля, связанным с продвижением расчетов в национальных валютах в двусторонней торговле и внутри БРИКС (в противовес американскому доллару), показала, что Пекин в тех случаях, когда речь идет о его важных интересах, с Россией считается не будет.

Китай активно проникает в экономики стран среднеазиатских стран ЕАЭС, де-факто оставляя за Россией в этом регионе лишь функцию «охранника» (обеспечение безопасности), он укрепляет экономические связи с Украиной, пользуясь ослаблением там российских позиций.

В геополитическом плане Китаю крайне выгодна конфронтация России с Западом, позволяющая ему, с одной стороны, усилить ее зависимость от своей экономики, с другой – отвлекать внимание мирового сообщества от собственных острых проблем (права человека внутри страны, усиливающаяся экспансия Китая в ряде регионов вовне).

Еще один «фактор слабости» России на международной арене, который стоит упомянуть, – ее весьма ограниченные возможности применения «мягкой силы». Среди причин этого на первое место нужно, конечно, поставить непривлекательность ее политической и социально-экономической систем. В ряде других – стоит выделить политику Кремля в отношении НПО, фактически блокирующую их развитие. Из-за отсутствия НПО, работающих за рубежом, очень слабо используется, например, довольно значительный потенциал российских диаспор в различных странах. Разумеется, такие структуры, как Россотрудничество и Фонд поддержки и защиты прав соотечественников за рубежом, делают свое дело, но их казенно-бюрократический характер не позволяет им действовать с той гибкостью, которой отличаются НПО.

Возвращаясь к теме многополюсной системы, можно, таким образом, утверждать, что, в силу отмеченной неравноценности имеющихся «полюсов», она еще будет долго представлять асимметричную и, по определению, нестабильную конструкцию. По сравнению с двухполюсным и жестким однополюсным порядками она предоставляет государствам больше автономии, больше возможностей для маневра, но одновременно таит больше опасностей. Ситуация усугубляется тем, что в последние два десятилетия были

нанесены чувствительные удары по международному праву, ослаблена роль ООН. Приостановление, по инициативе Запада, участия России в «группе восьми», несомненно, уменьшило возможности этой структуры по координации подходов к новым вызовам в международной экономике и политике. Недавно созданная, более широкая структура по согласованию таких подходов – «группа двадцати», только начинает себя проявлять.

Главная проблема России, связанная со становлением нового мирового порядка, состоит в том, что из-за указанных выше «факторов слабости» с течением времени ей будет все труднее, с одной стороны, пользоваться возможностями, с другой – противостоять вызовам этого порядка. Соответственно, будут подрываться ее претензии на роль «полюса». Более того, при сохранении, тем более углублении этих факторов, все реальнее становится перспектива превращения ее во второстепенное государство.

Между тем для России, уже в силу ее территории и географического положения, статус великой державы, участие в мировых делах являются условием выживания. В противном случае важные решения, затрагивающие ее жизненные интересы, будут приниматься без нее, за нее и не в ее пользу.

Пока этот статус удастся поддерживать с помощью, главным образом, активной внешней политики и военной силы. Но так не может продолжаться бесконечно. Сегодня все очевиднее, что, для того чтобы сохраниться в качестве великой державы, России нужно поменять порядок приоритетов и сосредоточиться, наконец, не на словах, а на деле на диверсификации и модернизации своей экономики, на создании в стране современной инфраструктуры, на борьбе с бедностью и сокращении разрыва между малоимущими и богатыми хотя бы до показателей среднеразвитых стран.

Но ясно и то, что сделать это без глубоких реформ, не меняя существующую сейчас в стране систему политических, экономических и социальных координат, уже вряд ли возможно. Эта система сводит на нет все попытки оживить предпринимательскую инициативу, поднять на нужный уровень развитие науки, адаптировать к современным вызовам и требованиям сферу образования.

Общие параметры реформ, необходимых для модернизации страны, давно известны, их неоднократно озвучивал, например, Д.А. Медведев в бытность его президентом: реальное обеспечение политической и экономической конкуренции; неукоснительное соблюдение законов всеми, в первую очередь властями всех уровней и правоохранительными органами (главное условие защиты индивида, предпринимателя, ученого от государственного произвола); неприкосновенность частной собственности, действительная, а не показная, борьба с коррупцией. Нужно также тесно увязать экономическую и социальную политику в целях борьбы с бедностью, нацелить налоговую систему на сокращение разрыва между малоимущими и богатыми и т.п.

Главный вопрос в том, способен ли нынешний правящий класс России осуществить необходимые перемены, которые потребуют от него существенных самоограничений, ради своих же долгосрочных интересов. В российской истории примеров такого рода, к сожалению, очень мало. В любом случае судьба России как великой державы решится в зависимости от того, какой ответ будет дан на этот вопрос.

Л.С. Косикова

РОССИЙСКО-УКРАИНСКАЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

Косикова Лидия Серафимовна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики Института экономики РАН.

Экономическое взаимодействие России с Украиной за последние два года (после «евромайдана») вошло в кризисную фазу, охватывающую все основные сферы двустороннего сотрудничества: торговлю, взаимные инвестиции, транзитные услуги, приграничный обмен, кредитные отношения. Этот кризис не временный, он имеет тенденцию к дальнейшему обострению и ведет к полной дезинтеграции экономик обеих стран, к разрушению остаточных советских и постсоветских взаимосвязей, без ясной пока перспективы их восстановления.

Деградация взаимной торговли

Неблагоприятная макроэкономическая ситуация в России и на Украине, общая нестабильность в регионе и военно-политическая конфронтация между Москвой и Киевом, а также долгосрочная внешнеэкономическая переориентация Украины на рынки ЕС отрицательно сказываются в первую очередь на двусторонней торговле. Взаимный товарооборот между Украиной и РФ стремительно сокращается в объемах и заметно деградирует в структурном отношении. По данным Госстата Украины, товарооборот между двумя странами упал по стоимости на 39% – с 38,2 млрд долл. в 2013 г. до 22 млрд долл. в 2014 г.¹ Эти данные, однако, учитывают только торговлю товарами, без обмена услугами, в том числе транспортно-транзитными, важными для обеих сторон. По российской статистике, двусторонняя торговля с Украиной оценивалась в 39,6 млрд долл. в 2013 г. и в 27,9 млрд долл.

1. Данные Госслужбы статистики Украины (Госстат). Официальный сайт – www.ukrstat.org/

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

в 2014 г. Прогноз на конец 2015 г., сделанный Министерством экономического развития РФ, дает цифру двустороннего товарооборота в пределах 12–14 млрд долл. [4]. При таких темпах торговли ее объем в 2016 г. между РФ и Украиной составит не более 10 млрд долл., с учетом изменившегося режима торговли. Речь идет о том, что с 1 января 2016 г. Россия отказалась от преференциальной торговли с Украиной в рамках зоны свободной торговли стран СНГ и перешла к обычному режиму наибольшего благоприятствования (РНБ) в рамках ВТО, поскольку не удалось достигнуть компромисса в торговой сфере на трехсторонних переговорах по ассоциации Киева и ЕС с участием российской делегации.

Более подробные данные об экспорте и импорте приводятся в годовом отчете торгово-экономического отдела Посольства Украины в России (см. табл. 1).

Таблица 1

**ПОКАЗАТЕЛИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТОВАРАМИ И УСЛУГАМИ
МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И УКРАИНОЙ
ЗА ПЕРИОД 2011–2014 гг. (млн долл. США)**

Годы	Весь товарооборот	Экспорт	Импорт
2011	55 523,8	25 444,9	30 078,9
2011 в % к 2010	133,5	136,9	130,8
2012	51 402,1	22 997,2	28 404,9
2012 в % к 2011	92,6	90,4	94,4
2013	44 960,0	20 489,9	24 470,1
2013 в % к 2012	87,4	89,1	86,1
2014	26 872,8	13 320,0	13 552,8
2014 в % к 2013	59,8	65,0	55,4

Источник: [5].

Исходя из этих данных, двусторонний товарооборот по товарам и услугам между РФ и Украиной в 2014 г. составил 26,9 млрд долл. (что ближе к российской оценке в 27,9 млрд долл.). Спад по сравнению с 2013 г. был более 18 млрд долл., или 40,2%. Двусторонний обмен товарами в 2014 г. составлял 22,48 млрд долл. (что соответствует данным Госстата РУ), но спад оценивается в 41,3%, поскольку уровень двустороннего товарооборота в 2013 г. этот источник дает более высокий – 38,3 млрд долл.

В 2014 г. весь украинский экспорт в Россию (с учетом услуг) составлял 13,3 млрд долл., а импорт – 13,6 млрд долл. Сократив общий объем торговли с Россией, Украина уменьшила свое отрицательное сальдо по двустороннему обороту: с 3,98 млрд долл. в 2013 г. до 232,8 млн долл. в 2014 г.

Товарный экспорт из Украины в Россию уменьшился за год на 5,9 млрд долл. и составлял в 2014 г. 9,8 млрд долл. Импорт товаров из РФ на Украину в тот же год был равен 12,68 млрд долл., что на 10,56 млрд долл. меньше, чем в 2013 г. Весь товарооборот (по товарам) между РФ и Украиной составил 22,48 млрд долл. [5]. Доля российского рынка в украинском экспорте товаров за 2011–2014 гг. уменьшилась с 29 до 18,2%. За этот период объем товарного экспорта по стоимости сократился вдвое.

Украинские аналитики из Национального экспертного института стратегических исследований (НИСИ, Киев) оценили недополученную выручку на российском рынке в 17 млрд долл. [3, с. 684]. По их мнению, главная причина заключается в ограничительной торговой политике России, которая, якобы, пыталась оказывать таким образом политическое давление на Украину, начиная с 2010 г., принуждая к вступлению сначала в Таможенный союз (вместе с Белоруссией и Казахстаном), а затем в Единое экономическое пространство и, наконец, в Евразийский экономический союз вместе с Россией и ее ближайшими партнерами. Но поскольку Украина последовательно стояла на позициях сближения с ЕС, вплоть до заключения Соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной (2014), то Россия все более ужесточала свою политику и расширяла круг ограничений для украинской продукции, осложнивших ее выход на рынки России. К этому следует добавить потери экспортных поставок Украины в другие страны СНГ, доля которых снизилась с 39,2 до 28,5% за 2011–2014 гг. [3, с. 684].

В результате утраты традиционных внешних рынков сбыта своей продукции в России и СНГ, на фоне внутренней стагнации в экономике Украины ведущие экспортно-ориентированные отрасли страны понесли значительные убытки, не сумев компенсировать их за счет рынков других стран. Расчеты на ЕС явно не оправдались.

Основу украинского экспорта в РФ многие годы составляли: продукция машиностроения, черные металлы, минеральные продукты, химические товары, электрические машины, железнодорожные локомотивы продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (см. табл. 2).

По итогам 2014 г., выручка от экспорта украинских товаров в РФ снизилась в 2,4 раза до 7 млрд долл. Сократился экспорт украинской высокотехнологичной продукции (в 2014 г. на рынок РФ приходилось 27,8%) и средне-высокотехнологичных товаров (зависимость от рынка РФ в отдельные годы достигала 50%). Рынок РФ оставался крупнейшим рынком сбыта товаров конечного потребления (в 2014 г. на РФ приходилось 30,3% экспорта таких

товаров из Украины)². Также в РФ продолжает экспортироваться наибольшая доля украинской продукции с высокой добавленной стоимостью, поэтому поиск альтернативных рынков сбыта, в условиях сворачивания российско-украинских связей, является приоритетной задачей.

Таблица 2

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА УКРАИНЫ В РОССИЮ, 2014 г.

Товарные позиции	Стоимость, млн долл.	%
Весь экспорт	13 320	100,0
В том числе:		
Услуги, работы	3520	26,4
Товары:	9799	73,6
84 – ядерные реакторы, котлы, машины	1678	17,1
72 – черные металлы	1441	14,7
28 – продукты неорганической химии	736	7,5
85 – электрические машины	672	6,9
73 – изделия из черных металлов	617,5	6,3
86 – железнодорожные локомотивы	601	6,1
48 – бумага и картон	584,5	6,0
25 – соль; сера, камень строительный	366	3,7
39 – пластмассы, полимерные материалы	232	2,4
94 – мебель	219	2,2
27 – топливо; нефть и нефтепродукты	152	1,5
Другие товары	2500	25,6

Источник: [5].

В последние годы Украина проводит полномасштабную диверсификацию импорта энергетических товаров, снижая зависимость от России, прежде всего по поставкам газа, но также и по нефти и нефтепродуктам. В результате доля РФ в украинском экспорте минеральных продуктов уменьшилась в 2014 г. до 39,2% (доля СНГ – 63,8%), тогда как еще в 2011 г. на РФ приходилось 70,9% таких поставок (на СНГ – 87%).

С начала 2015 г. сокращение взаимной торговли между РФ и Украиной приобрело обвальный характер. За первые четыре месяца 2015 г. (январь–апрель) товарооборот между Украиной и Россией составлял, по данным Госстата Украины, всего 3,41 млрд долл., что методом экстраполяции позволяет прогнозировать скромные годовые итоги – не более 11–12 млрд долл. двустороннего товарооборота к концу 2015 г. За первое полугодие 2015 г.

2. Торговый разрыв с Россией лишил Украину 17 млрд долл. (Официальный доклад). – <http://www.segodnya.ua/economics/enews/torgovyy-razryv-s-rossiye-lishil-ukrainu-17-mlrd-oficialnyy-doklad-621147.html>

Украина сократила экспорт своих товаров в Россию на 59,4%, а импорт – на 65%.

Тем не менее Россия пока продолжает оставаться самым крупным торговым партнером Украины как по суммарному объему торговли (в первой «тройке», кроме РФ, находились Китай и Германия), так и по объемам экспорта и импорта. Украинский экспорт товаров в Россию составил по итогам 2014 г. 9,8 млрд долл., а импорт из РФ – 12,68 млрд долл. Более быстрыми темпами сокращался импорт из России – падение составило 43% за год, или около 11 млрд долл., что объясняется в первую очередь снижением закупок природного газа и даже временным прекращением его поставок (с июня по декабрь) по причине неоплаченной задолженности «Газпрому». Украинский экспорт сократился чуть меньше, но и падение на 31% за год, или порядка 7 млрд долл., стало весьма ощутимым. Весь двусторонний товарооборот Украины – РФ снизился по стоимости на 39%.

За 9 месяцев 2015 г. импорт из Украины в Россию, по данным ФТС РФ, сократился в 2,1 раза к аналогичному периоду предыдущего года – до 4,2 млрд долл., а российский экспорт в Украину сократился в 2,2 раза – до 6,6 млрд долл.³

С момента подписания экономической части соглашения с ЕС торгово-экономические связи между Россией и Украиной не могут далее регулироваться исключительно на двусторонней основе, поскольку отныне режим внешней торговли Украины подчиняется директивам Брюсселя. В связи с этим российская сторона настойчиво пыталась еще на стадии подготовки СА донести свои «озабоченности» до украинской стороны и европейских партнеров, предупреждая о том, что может фактически отменить режим свободной торговли с Украиной, предусмотренный Договором о зоне свободной торговли в СНГ (2011), если после вступления в силу соглашения о ГВЗСТ между Украиной и ЕС условия торговли для российских экспортеров и импортеров ухудшатся. В итоге удалось сформировать трехсторонний формат консультаций по торговым вопросам на уровне министров экономики и торговли РФ – Украины – ЕС. На одной из встреч в таком формате, состоявшейся 12 сентября 2014 г., были приняты принципиальные решения, касающиеся торговых режимов Украины с ЕС и с РФ.

- Вступление в силу (имплементация) договора о ГВЗСТ между Украиной и ЕС было отложено до начала 2016 г.

3. *Коммерсантъ*, 19.11.2015.

- ЕС сохранил до конца 2014 г. и на весь 2015 г. режим автономных торговых преференций для украинских экспортеров, введенный в одностороннем порядке⁴.

- Россия утвердила за собою право отменить режим ЗСТ с Украиной и перейти к режиму наибольшего благоприятствования (РНБ), или к общим ставкам импортного тарифа для стран ВТО, если Украина начнет досрочную имплементацию положений торгового договора с ЕС, т.е. ранее 31 декабря 2015 г.

Достигнутые в формате «треугольника» договоренности юридически создали на два года (2014–2015) наилучшие условия для Украины в торговой сфере: ей одновременно был предоставлен и беспопытный доступ на рынок ЕС (без открытия до конца 2015 г. своего рынка для европейских экспортеров), и сохранялся режим зоны свободной торговли с Россией и другими странами СНГ. Это сделано с учетом сложнейшей экономической ситуации в стране. Таким образом, Украина получила дополнительное время, чтобы адаптироваться к новым условиям и требованиям торговли с Евросоюзом, а Россия – лучше подготовиться к защите собственного рынка от недобросовестного реэкспорта европейских товаров с территории Украины, имея уже достоверную информацию о содержании Соглашения об ассоциации и имея возможность отслеживать процесс имплементации.

Однако следует иметь в виду, что задолго до вышеупомянутых сентябрьских договоренностей, начиная с марта 2014 г., между Украиной и Россией развернулась настоящая торговая война, сопровождающаяся полным запретом на торговлю определенными товарами. Причинами стали санкции Украины в отношении России после «аннексии Крыма», особенно запрет на экспорт военно-технической продукции, в том числе в рамках двусторонней кооперации, а также ответные меры России. В течение года Россия вводила запреты на импорт молока и молочных продуктов (сыров), свинины, овощных и рыбных консервов, соков, картофеля, конфет с фабрик «Рошен», «Кнти», пива компании «Оболонь» и др., а также был запрещен транзит через территорию России для украинских авиалиний. В итоге только за первое полугодие 2014 г. потери экспортной выручки Украины на российском

4. По условиям двустороннего соглашения между ЕС и Украиной, вступившего в силу с 23 апреля 2015 г., украинские экспортеры освобождаются от уплаты пошлины при ввозе своей продукции в страны ЕС. Это условие распространяется на 94,7% промышленных, 83,4 – продовольственных и на 82,2% сельскохозяйственных товаров. Воспользоваться этими льготами в торговле смогут только поставщики, получившие европейские сертификаты на свою продукцию.

направлении составили 7 млрд долл. (по оценке премьер-министра А. Яценюка)⁵.

За весь 2014 г. различными ограничениями в доступе на российский рынок были затронуты 87% товарных позиций украинского экспорта⁶. Имея в виду негативный эффект таких ограничений, важно учитывать не только прямые потери на стоимостных объемах экспорта, но и сопутствующие им структурные сдвиги в экспортных отраслях украинской промышленности.

Украинский эксперт В. Сиденко (Центр имени А. Разумкова, Киев) подсчитал, что примерно треть – 32,3% товарных позиций в экспорте Украины в Россию испытали «существенное сокращение» (на 10–20%); еще 41,2% товарной продукции экспорта пережили в 2014 г. «сильный кризис» (падение экспорта на 20–40%); а 13,4% из экспортной номенклатуры попали под определение «деструкция рынка» (снижение экспорта на 40–70% за год)⁷. В последней группе товаров, фактически потерявших российский рынок, находятся сахар и кондитерские изделия, молоко и молочные продукты, мясо и мясные продукты, алкогольные и безалкогольные напитки, суда, железнодорожные локомотивы и мн. др. Существенное падение объемов поставок в РФ затронуло такие крупные статьи украинского экспорта, как ядерные реакторы и котлы для АЭС (17% в товарном экспорте в РФ за 2014 г.), продукция неорганической химии (7%), черные металлы и изделия из них (14,6 и 6,4% соответственно), электрические машины (6,7%), железнодорожные локомотивы (6,3%)⁸.

Необходимо учитывать чрезвычайно высокую, иногда доминирующую долю российского рынка в общем экспорте названных видов продукции и, следовательно, повышенные риски для соответствующих отраслей. Так, например, в Россию поступает около 58% экспорта продукции всего украинского машиностроения, а в российском машиностроительном импорте «украинская» доля составляет всего 3,8%. В экспортных поставках железнодорожного оборудования из Украины на российский рынок приходится более 70% (1,7 млрд долл. из 2,4), по продукции неорганической химии этот показатель составляет 53% (0,9 млрд долл. из 1,7)⁹. Данные отрасли еще сохраняют эле-

5. Торговые войны Украины. 29-07-2014 и 9-07-2014. – <http://nedelya-ua.com/media/torgovyie-voyny-ukrainy>

6. Национальная безопасность и оборона, № 5–6, 2014, с. 92 (на укр. языке).

7. Там же. – С. 93.

8. Рассчитано по: Государственная служба статистики Украины. Экспорт–импорт отдельных видов товаров по странам мира за январь–октябрь 2014 г. – <http://www.ukrstat.gov.ua>

9. Дмитрий Минин. В Киеве принят закон об экономическом самоубийстве Украины. – <http://www.fondsk.ru/news/2014/08/22/v-kieve-prinjat-zakon-ob-ekonomicheskom-samoubistve-ukrainy-29095.html>

менты высоких технологий, в них создается достаточно высокая добавленная стоимость. Из-за катастрофического падения внутреннего спроса и неостребованности продукции этих отраслей на других внешних рынках многие предприятия придется закрыть, а персонал уволить. Вместе с ними отпадет необходимость в конструкторах и ученых, в научных разработках и школах. Повернуть вспять этот процесс будет крайне сложно или вообще невозможно. Рассчитывать на сотрудничество с ЕС в высокотехнологичных отраслях также не приходится, что наглядно показал опыт адаптации к европейскому рынку новых членов ЕС (стран Центральной и Восточной Европы, Балтии).

Статистические итоги внешней торговли Украины за 2014 г. показали, что потери российского рынка для Украины не могут быть компенсированы либерализацией торговых отношений с ЕС. Все преференции украинским экспортерам позволили сэкономить около 500 млн евро, тогда как экспортные потери на рынке РФ оценивают в пределах 7–11 млрд долл. за год. В то же время внешнеторговая переориентация Украины в пользу Евросоюза становится все более заметной: товарооборот в 2014 г. составил 35 млрд долл. (против 22 млрд долл. с Россией), экспорт Украины в ЕС за год вырос на 7% и составил 16 млрд долл., на фоне стремительного сокращения экспорта в Россию. Правда, импорт из ЕС – 19 млрд долл. превышает экспорт и создает отрицательное торговое сальдо с этим регионом. Эксперты также отмечают, что товарная структура украинского экспорта в ЕС типична для аграрных стран, в ней преобладают сельскохозяйственные культуры и продовольствие. Впервые в 2014 г. Украина вывезла в ЕС больше сельскохозяйственной, чем металлургической продукции.

Взаимная кооперация и взаимные инвестиции

Российская сторона существенно обеспокоена снижением уровня военно-технической и промышленной кооперации с Украиной, хотя процессы импортозамещения в этой сфере начались задолго до 2014–2015 гг. По оценке специалистов Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института (ВНИКИ, Москва), производственно-технологическая кооперация между Россией и Украиной практически уже разрушена: оборот машино-технической продукцией упал на 42,4%¹⁰. В целом же «потеря Украины как торгового партнера остается главным риском России во внешней торговле»¹¹. Что же касается украинских оценок, то, по мнению военных экспертов

10. Доклад к экспертному совету Центра международной торговли. – М.: ВНИКИ МВЭС, май 2015. (руководитель – А.Н. Спартак). – Цит. no: <http://top.rbc.ru/economy/27/05/2015/5564987819a79408f007>

11. Там же.

Украины, свертывание военно-технического сотрудничества с Россией и вытекающие отсюда потери в области экспорта военной техники можно считать не критическими – это всего 300 млн. долл. в год, поскольку доля РФ в суммарном объеме экспорта вооружений и спецуслуг Украины не превышает 15%¹². Здесь в качестве компенсации Украина рассматривает возможность расширения военно-технического сотрудничества с США на двусторонней основе, содействие и взаимодействие с США и ЕС на рынках третьих стран. США также не исключают возможность передачи Украине военной техники стран НАТО, включая средства радиолокации и авиацию, в том числе для защиты границы. Еще одним направлением американской помощи может стать размещение на оборонных мощностях в Украине ремонтных заказов западных компаний.

Взаимное инвестиционное сотрудничество за последнее время также крайне «сжалось». Все предыдущие годы именно Российская Федерация, а не офшорный Кипр, как считала официальная статистика, была главным инвестором Украины. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из РФ в экономику Украины сократился при президенте П. Порошенко за один только год более чем в 1,5 раза: с 4,3 млрд долл. в 2013 г. (7,4% от общего объема ПИИ) до 2,7 млрд долл. в 2014 г. (5,9% от всех ПИИ)¹³. Прямые инвестиции Украины в российскую экономику и вовсе были малозаметны – 196,9 млн долл. (на 31.12.2014), только 3,1% от общего объема инвестиций РУ в страны мира¹⁴. В первом полугодии 2015 г. эта тенденция углубилась: объем прямых инвестиций в Украину из Российской Федерации по состоянию на 01.07.2015 г. составил 2685,6 млн долл. США, или 6,3% общего объема, который поступил в Украину.

Объем прямых инвестиций из Украины в Российскую Федерацию по состоянию на 01.07.2015 г. составлял 155,2 млн долл. США, или 2,5% от общего объема инвестиций Украины в экономики стран мира.

Отношения в сфере «газ-транзит»

Такая важная сфера двусторонних связей, как поставки и транзит природного газа из России на Украину и в Европу, через территорию РУ претерпела существенные изменения. Импорт газа из России для нужд собственного газового баланса Украины сократился с 25,8 млрд м³ в 2013 г. до 14,5 млрд м³ в 2014 г. Украина не выбирает импортный объем газа, зафиксированный в соглашении от 2009 г. – примерно 40 млрд м³, что создает финансовые

12. *glavred.info*, 23/06/2014

13. По данным Госстата РУ.

14. Данные Торгово-экономического отдела Посольства РУ в РФ.

проблемы российскому «Газпрому». Недополученная прибыль оценивается российской стороной в 27 млрд долл. и соответствующие иски поданы в Стокгольмский арбитражный суд.

Можно ли считать происходящий разрыв и деградацию двусторонних связей только следствием внешнеполитической и внешнеэкономической переориентации Украины на ЕС? – Конечно, нет. Политическая и военная конфронтация между Киевом и Москвой – главные факторы дезинтеграции. Поэтому перспективы улучшения отношений, отвечающие экономическим интересам обеих сторон, связаны с успехом политического урегулирования спорных вопросов при участии крупных геополитических игроков в регионе – США и Евросоюза.

О перспективах российско-украинских отношений в контексте взаимодействия ЕАЭС и ЕС

Сегодня еще не ясно, как будет урегулирована в двусторонних отношениях проблема Крыма, каков будет статус непризнанных Донецкой и Луганской республик (ДНР и ЛНР), в каких границах Украина будет выполнять подписанные с ЕС Соглашение об ассоциации и Договор об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли. Однако крупные потери от разрыва связей между Россией и Украиной, не компенсируемые ни политикой импортозамещения, ни выходом на новые рынки, заставляют задуматься о возможных вариантах будущего сотрудничества. Очевидно, что экономика взаимных связей в ближайшие годы теснейшим образом будет связана с геополитикой и способностью России, США и Евросоюза договориться по «украинскому вопросу».

На экспертном уровне обсуждаются следующие концептуальные подходы.

1. Идея выстраивания «треугольника» отношений: ЕС – страны «Восточного партнерства» (в том числе Украина) – ЕАЭС. Впервые подобная идея была высказана еще в 2005–2006 гг. после появления европейской политики соседства для стран СНГ, но тогда она подразумевала согласование интересов в треугольнике «Евросоюз – страны-соседи ЕС в СНГ – Россия» и во многом повторяла концепцию Общего европейского экономического пространства. Имелось в виду, что Россия заключит соглашение о зоне свободной торговли с Евросоюзом, а ее партнеры по СНГ будут инкорпорированы в эту зону.

Теперь же речь идет о скоординированном взаимодействии ЕС и Украины с государствами всего Евразийского экономического союза, а не только с Россией. Ситуация за 2005–2015 гг. в Восточной Европе и на постсоветском пространстве принципиально изменилась. Украина и некоторые другие «Восточные партнеры» ЕС (Молдова, Грузия) сегодня не просто «промежу-

точные страны» между ЕС и Россией, как это было на начальной стадии реализации европейской политики соседства, а являются ассоциированными с ЕС государствами, вовлеченными в процессы экономической интеграции с ЕС через договоры о зонах свободной торговли. Россия также действует не самостоятельно, а как участница международной организации – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданной для целей региональной интеграции. В рамках ЕАЭС Россия согласовывает свою внешнеэкономическую политику с другими партнерами – участниками нового экономического союза: с Беларуссией, Казахстаном, Арменией и Киргизией. В организации ЕАЭС создан Таможенный союз, формируется единое экономическое пространство, отраслевые товарные рынки и рынки услуг. Многие решения во внешних связях Россия отныне не вправе принимать без согласования в рамках наднационального органа ЕАЭС – Евразийской экономической комиссии.

С учетом новых условий нам представляются интересными предложения экспертов Комитета гражданских инициатив, высказанные в докладе «Тупик борьбы интеграций» [1]. Авторы доклада раскритиковали Евросоюз за предложенную им Украине модель интеграции в рамках «Восточного партнерства». По условиям экономической части Соглашения об ассоциации с ЕС Украина должна привести свое законодательство в полное соответствие с законодательством Евросоюза. В исследовании отмечается, что участие Киева в проекте «Восточное партнерство» неприемлемо, как и продолжение этого интеграционного проекта Евросоюзом, который в текущих условиях долгового кризиса не может себе позволить тратить значительные средства. В качестве альтернативы предлагается «выстраивание взаимосвязанного и совместимого пакета договоренностей в “треугольнике” ЕС – страны “Восточного партнерства” (прежде всего, Украина) – Евразийский экономический союз с перспективой выхода на глубокие и всеобъемлющие соглашения интеграционного характера... от Лиссабона до Владивостока».

2. Идея двухвекторной интеграции. «Второе дыхание» сейчас получила идея двухвекторной интеграции для так называемых промежуточных стран «Восточного партнерства», включая Украину. Речь идет о налаживании параллельного взаимодействия и с ЕС, и с СНГ преимущественно через механизмы свободной торговли. Любопытно, что в канун подписания соглашений об ассоциации Евросоюза с восточными партнерами в СНГ идея возможного одновременного участия Украины в двух союзах (на тот момент – в ЕС и Таможенном союзе) категорически отвергалась в Брюсселе. Тогда стояла задача, во что бы то ни стало перетянуть «геополитический канат» в сторону Запада, оторвав Украину от России и включив ее в систему евроатлантической безопасности (НАТО) и европейской интеграции (ЕС). Но сегодня всем стало очевидно, что такой вариант не проходит. Украина в глубоком кризисе,

а Запад, поддерживая политически украинскую власть, на деле не готов к масштабной экономической помощи.

Поэтому западные эксперты начали выдвигать «новые» предложения о необходимости сочетания во внешнеэкономической политике Украины европейского и евразийского направлений внешнеэкономических связей. Большой резонанс в экспертном сообществе получило заявление исполнительного секретаря Европейской экономической комиссии ООН Кристиана Фриис Баха. В статье для *Reuters* он отмечал: «Экономика Украины зависит от торговых отношений с Евразийским союзом (ЕАЭС) не меньше, чем от торговли с Евросоюзом, и любая попытка отказаться от одного из партнеров может привести к негативным последствиям для страны. ...Решение может быть найдено в сбалансированных нормах и правилах торговли. Именно они могут обеспечить доверие и открытость между Россией и Евросоюзом. Несмотря на всю сложность задачи, она вполне реализуема – множество государств являются членами более чем одного торгового соглашения»¹⁵. Представитель ООН пишет, что «если Украине удастся объединить соглашения о зонах свободной торговли с Таможенным союзом ЕАЭС и с ЕС, она получит значительные преимущества. Кроме того, в перспективе их получит и весь регион»¹⁶.

Таким образом, предложено дополнить соглашение о ЗСТ Украины с ЕС новым соглашением о ЗСТ между Украиной и ЕАЭС, но по «сбалансированным правилам» торговли. Очевидно, это означает, что в ходе переговоров о ЗСТ между Украиной и ЕАЭС необходимо будет учитывать «правила игры», установленные уже в рамках Евросоюза и его связей с «Восточными партнерами». При всей очевидной логике такого предложения, трудно предсказать, что в нынешних условиях Россия вместе с партнерами по ЕАЭС пойдут на согласование условий торговли с Украиной, оглядываясь на ЕС.

3. Идея использования «двойных» технических стандартов в производстве на Украине: Для кооперации с Россией и для экспорта в ЕС. Концепцию двухвекторного сотрудничества применительно не только к торговле, но и к производственной интеграции Украины развивают эксперты международного Венского института сравнительных исследований [6]. Они предлагают обеспечить функционирование в Украине «двойных» технических стандартов: для экспортеров в ЕС – стандарты CEN, CENELEC; а для экспортеров в СНГ и ЕАЭС – прежних ГОСТов. Тем самым можно не только обеспечить сохранение важных схем производственной кооперации, но и сэкономить на очень затратном процессе гармонизации технических норм и стандартов.

15. <http://blogsreuters.com/great-debate/2015/03/06/can-new-trad-deals-help-solve-the-ukrainien-conflikt>

16. Там же.

Эти предложения выглядят очень привлекательными, но процесс разрушения производственно-технологической кооперации зашел слишком далеко, а внедрение технических стандартов на Украине уже запущено. Очевидно, идея могла бы быть применима только к новым программам кооперации, если когда-нибудь российская и украинская стороны о них договорятся.

Итак, европейский выбор Украины ведет к разрушению ее прежних связей с Россией и другими участниками ЕАЭС. Внешнеэкономическая переориентация Украины на ЕС не компенсирует стране огромных потерь на российском направлении: прирост экспорта в ЕС менее 450 млн долл. против сокращения в Россию на 7–10 млрд долл. или даже на 17 млрд долл. (по разным оценкам). Украина стремительно теряет российский рынок сбыта средне- и высокотехнологичной продукции и соответствующий производственный потенциал. Россия также несет потери: они менее существенны по импорту машиностроительной, химической, пищевой и сельскохозяйственной продукции, но крайне болезненны в сфере военно-технической кооперации, в атомном машиностроении и атомной энергетике, в ракетно- и авиастроении, в поставках российского газа, в банковской сфере. Негативный прогноз касается также перспектив выплаты Украиной российского долга в объеме 3 млрд долл., номинированного в еврооблигациях. В самой ближайшей перспективе Россия столкнется с утратой крупного сегмента украинского рынка сбыта энергоресурсов, с необходимостью досрочного пересмотра (до 2019 г.) условий газового соглашения, потерей кооперационных возможностей и полного ограничения для российских инвесторов в сфере украинской приватизации.

Однако сближение Украины с ЕС не поставило окончательную точку в поиске оптимальных вариантов участия страны во внешних связях и в интеграционных процессах на пространстве новой Евразии. При более благоприятных политических условиях – внутренних и внешних – Украина может вновь развернуться в сторону евразийских интеграционных объединений, но в каком формате – пока неясно.

Евразийский вектор внешних связей Украины до последнего времени поддерживался участием страны в зоне свободной торговли – ЗСТ с СНГ (Договор 2011 г.). По заявлениям официальных лиц, в частности заместителя министра экономического развития и торговли Украины Н. Микольской, Республика Украина не собирается выходить из этого соглашения, считая его при всех «изъятиях» экономически выгодным¹⁷. Но этот формат с 1 января 2016 г. уже видоизменен: Россия в одностороннем порядке прекратила применять к Украине режим ЗСТ, а также ввела продовольственное эмбарго

17. Торговый представитель Украины о проблемах с Россией и ЕС и потерях из-за Донбасса. – <http://apostrophe.com.ua/article/economy/2015-08-11>

в ответ на присоединение Украины к санкциям Запада против РФ. Украинская сторона подсчитала возможные потери от этого шага для своей экономики: по данным правительства, экспорт в Россию сократится на 600 млн долл.¹⁸

В сложившейся ситуации критически важно поддерживать новый переговорный формат отношений в треугольнике: Украина – ЕС – Россия как постоянный процесс консультаций по ключевым проблемам взаимных интересов и «озабоченностей». Пока он задействован в виде периодически проходящих министерских встреч с целью урегулировании торговых отношений, а также взаимодействия в сфере энергообеспечения Евросоюза и Украины российским газом.

До кризиса в Украине Евросоюз наотрез отвергал предложения России рассматривать отношения с общими соседями в восточноевропейском секторе СНГ в формате «треугольника», считая это недопустимым вмешательством России в отношения Евросоюза со своими восточными соседями. Масштабный украинский кризис и начальный этап переориентации Украины на рынок ЕС показали, что зависимость Украины от России в экономической сфере очень велика, а либерализация торговли с ЕС не способна компенсировать украинские потери на российском направлении.

Интересам России, очевидно, отвечало бы более тесное взаимодействие Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Европейским союзом в духе концепции Общеввропейского экономического пространства, и формирование между этими региональными союзами зоны свободной торговли, в которую предстоит «вписать» и других восточноевропейских партнеров, в частности уже ассоциированных с ЕС Украину, Молдову и Грузию.

Литература

1. Винокуров Е.Ю., Кулик С.А., Спартак А.Н., Юргенс И.Ю. Экономические вопросы взаимодействия между Европейским союзом, Россией, Таможенным и Евразийским экономическим союзом // Аналитический доклад. – М., 2014.
2. Данные торгово-экономического отдела Посольства Республики Украина в Российской Федерации. – М.
3. О внутреннем и международном положении Украины в 2015 г. // Аналитический доклад к ежегодному Посланию Президента Верховной раде. – Киев, 2015.
4. Слепнев А. Прогноз Министерства экономического развития Российской Федерации. – Сентябрь, 2015.
5. Справка торгово-экономического отдела Посольства Республики Украина в Российской Федерации. – М., 2015. – январь.
6. The Vienna Institute for International Economic Studies «How to Stabilize the Economy of Ukraine» (Background Study, 15 April 2015).

¹⁸ *Коммерсантъ*, № 231, 19.11.2015.

В.Н. Бабенко

**ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО ВЫБОРА УКРАИНЫ**

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Проблема европейского выбора как одного из векторов политической и экономической интеграции Украины занимает особое место в средствах массовой информации. Различного рода эксперты и политологи участвуют в многочисленных телепрограммах, а также высказывают по этому вопросу свое мнение в интервью и публикациях. Однако в них сложно встретить глубокий анализ правовых и социальных последствий европейского выбора Украины.

Государственные и политические деятели также не прочь высказаться по этому поводу. Так, бывший помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, выступая 28 сентября 2005 г. на конференции в Вашингтоне, попытался увязать европейский выбор Украины с судьбой России. Он, в частности, сказал: «Мы в Америке симпатизируем Украине и продолжаем напряженно работать для того, чтобы все помнили, что будущее Украины важно для будущего Европы, что Украина, если она в действительности станет успешным членом европейского сообщества, – это залог успеха для будущего России, что Россия тогда не будет иметь иного выбора, как тоже стать членом этого сообщества» [3, с. 93–94]. Думается, что рекомендации России о необходимости брать пример с Украины, которые дал З. Бжезинский, в современных условиях являются призрачными.

В свою очередь нынешний президент Украины П. Порошенко своеобразно обосновал европейский выбор своей страны, опираясь на далекое историческое прошлое. Выступая 28 июля 2015 г. на Всеукраинском совете церквей по случаю Дня крещения Киевской Руси, он сказал: «В более чем тысячелетней истории украинской государственности никто не принимал и не примет

более судьбоносного и более ответственного решения, чем то, на которое Владимир, наш святой и равноапостольный князь, отважился свыше тысячи лет тому назад. Это был не только религиозный, не только политический или культурный выбор, а выбор цивилизационный, европейский» [6]. Вместо того чтобы решать сложнейшие социальные проблемы, возникшие в результате непродуманной политики киевских властей, П. Порошенко прибегает к демагогии, пытаясь доказать особую исключительность еще не существовавшей в период крещения Древней Руси Украины.

В действительности украинский народ, строивший в течение тысячелетия совместно с русским, белорусским и другими народами государственность, смог ее юридически оформить лишь в декабре 1991 г. Ставшая независимым государством Украина развивала свои отношения как с Российской Федерацией, так и со странами Европейского союза, исходя при этом, как полагала украинская элита, из национальных интересов. Основные принципы взаимоотношений Украины и Евросоюза нашли отражение в Указе президента Л. Кучмы от 11 июня 1998 г., а также в «Стратегии интеграции Украины в Европейский союз». В принятой 10 декабря 1999 г. на Хельсинкском саммите Европейского совета «Общей стратегии ЕС в отношении Украины» уже определялись основные приоритеты деятельности органов исполнительной власти на период до 2007 г. Первоначально в ней ставилась задача создать условия для включения страны в европейское правовое, политическое и экономическое пространство, а также получить статус ассоциированного члена ЕС.

Фактически параллельно с этим происходил и процесс установления и развития отношений Украины с НАТО. Так, 8 июня 1992 г. первый президент Украины Л. Кравчук предпринял визит в Брюссель, где встретился с руководителями НАТО. На этой встрече он высказался за активное участие Украины в различных программах НАТО.

После того как НАТО в январе 1994 г. была принята программа «Партнерство ради мира», Украина первой из стран СНГ подписала соответствующий рамочный документ [18]. 13 марта 1995 г. между Украиной и НАТО было заключено Соглашение о безопасности, в котором указывалось, что Украина должна будет руководствоваться в вопросах передачи и охраны информации соответствующими инструкциями НАТО.

9 июля 1997 г. в Мадриде президент Л. Кучма подписал Хартию об особом партнерстве между НАТО и Украиной, которая стала основой для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества. А 4 ноября 1998 г. Л. Кучма утвердил «Государственную программу сотрудничества Украины с НАТО на период до 2001 г.», в которой предусматривалась активизация взаимодействия украинских министерств и ведомств с соответствующими структу-

рами Североатлантического блока. В принятой 13 июня 2004 г. Военной доктрине Украины прямо указывалось на необходимость изменения нормативно-правовой базы Украины в соответствии со стандартами НАТО.

Таким образом, уже в 1990-е годы Украина в период президентства Л. Кравчука и Л. Кучмы избрала европейский вектор интеграции, не задумываясь о том, что это во многом противоречило основным положениям международных соглашений, регулировавших ее отношения с Россией и странами СНГ.

Следующий президент Украины В. Ющенко предпринимал еще большие усилия, направленные на вступление Украины в НАТО и Евросоюз. Тогдашнее руководство Украины проигнорировало массовые протесты населения и требования оппозиционных партий провести по данному вопросу референдум, не пожелало прислушаться к мнению населения страны, высказывавшегося против вступления Украины в НАТО. Несмотря на это, он пытался инициировать процедуру принятия Украины в Альянс. Так, в начале апреля 2008 г. в Бухаресте он добивался, чтобы официально оформили начало процедуры вступления Украины в НАТО. Однако против этого высказались представители Германии, Франции, Италии, Нидерландов, Люксембурга и Бельгии. После этого В. Ющенко в преддверии президентских выборов 2010 г. на Украине продолжал стремиться создавать условия для вступления страны в НАТО, чтобы уже с его помощью пытаться решить самые сложные энергетические, территориальные и другие проблемы. При этом он находился не только под влиянием руководства Евросоюза, но и США.

По мнению бывшего главы Администрации президента Украины Д. Табачника, внешнеполитический курс В. Ющенко был полностью подчинен «интересам США» и ничего общего не имел «ни с государственными интересами Украины, ни с волей и убеждениями большинства украинских избирателей», превратившись в политику «воинствующей русофобии и пещерного национализма» [20].

Президент В. Янукович стремился проводить политику балансирования между Россией и Евросоюзом, не акцентируя при этом внимание на необходимости вступления Украины в НАТО. Тем не менее такая политика не могла продолжаться долго, так как она существенно ущемляла интересы России и стран СНГ.

27 декабря 2012 г. во время интервью ведущим телеканалам Украины премьер-министр Н. Азаров вынужден был признать, что на страны Таможенного союза тогда приходилось 60 млрд долл. украинского экспорта, а на Евросоюз только 40 млрд долл. К тому же, подчеркнул он, продукция, экспортируемая на рынки Таможенного союза, не пользуется спросом на рынках Европейского союза [10].

Многие высокопоставленные чиновники Евросоюза и США (Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон, заместитель госсекретаря США В. Нуланд, сенатор США Дж. Маккейн, министр иностранных дел Польши Р. Сикорский и др.) присутствовали на майдане во время так называемой «революции достоинства» и непосредственно высказывали поддержку лидерам оппозиции А. Яценюку, В. Кличко и О. Тягнибоку, одновременно осуждая политику В. Януковича. Таким образом, нарушались нормы международного права и предпринималось прямое вмешательство официальных лиц зарубежных стран во внутренние дела суверенного украинского государства. Кроме того, они упрекали украинские власти в чрезмерном применении силы в отношении отдельных лиц, стремившихся захватить здания Администрации президента и Кабинета министров Украины. Чрезвычайно трудно представить себе, чтобы полиция США уговаривала американцев, намеревавшихся захватить Белый дом или другие правительственные учреждения, разойтись по домам и не применила бы в их отношении самые жесткие меры. В данном случае ярко проявились двойные стандарты, которые бесцеремонно применялись к странам, где США пытались навязать любыми способами и средствами западные ценности.

Американский политолог Д. Саймс считает, что исходя из опыта последнего 20-летия «слова поддержки со стороны политиков из США и ЕС вряд ли превратятся в конкретные действия – как минимум того уровня, который потребовался бы экономике Украины в отсутствие российских субсидий» [19].

К сожалению, победу в борьбе оппозиции с киевской властью при непосредственной помощи США и Евросоюза, а также благодаря безвольной политике президента В. Януковича одержали представители националистических партий и движений. 22 февраля 2014 г. на Украине при их активном участии произошел государственный переворот, в результате которого на юго-востоке страны началась гражданская война. Хотя в настоящее время и удалось добиться прекращения огня, Минские соглашения выполняются не в полной мере преимущественно украинской стороной. В то время как ДНР и ЛНР в целом их соблюдают.

Подписание в июне 2014 г. соглашения с Евросоюзом об ассоциации юридически оформило европейский выбор Украины. Однако оно «не содержит, – как отмечает премьер-министр РФ Д.А. Медведев, – не только обязательств, но и упоминания о перспективах членства Украины в ЕС» [14, с. 4].

Очевидно, прав российский политолог Ф. Лукьянов, утверждающий: «Драма Украины в том, что активная политика Европы отражает не желание западных столиц принять Киев в свою семью, а является производной от их отношения к России» [12].

После февральского 2014 г. государственного переворота новое украинское руководство взяло курс на вступление страны в Североатлантический альянс и разрыв складывавшегося в течение последних десятилетий военно-политического и экономического сотрудничества с Россией и другими странами СНГ.

Подписание Украиной Соглашения об ассоциации с Евросоюзом и стремление возобновить процедуру вступления в НАТО не только нанесло невосполнимый ущерб украинско-российским отношениям, но и в значительной мере лишило Украину государственного суверенитета и самостоятельности на международной арене.

В процессе борьбы политических элит Украины за реализацию европейского выбора была существенно разбалансирована национальная правовая система. Дошло до того, что в феврале 2014 г. в нарушение Конституции Украины и действовавшего законодательства состав правительства предварительно утверждали на майдане, а затем в Верховной раде. В течение нескольких месяцев действовал исполняющий обязанности президента Украины, что не предусмотрено ни Конституцией, ни каким-либо иным нормативным актом. Более того, он подписал Указ о проведении антитеррористической операции, в результате чего на юго-востоке Украины фактически началась гражданская война. Имеется также множество примеров, когда вооруженные представители националистических формирований непосредственно добивались смещения со своих постов некоторых министров и руководителей регионов. Кроме того, в случае обострения противоречий между президентом П. Порошенко и премьер-министром А. Яценюком в Киев обычно направлялся вице-президент Джо Байден. По его собственному признанию, в 2015 г. он 4 раза встречался с президентом Украины, а разговаривал с ним по телефону даже чаще, нежели со своей супругой.

7–8 декабря 2015 г. он вновь посетил Украину и встретился с ее руководством. Он выступил также на заседании Верховной рады, где предложил усилить борьбу с коррупцией, продолжить работу по выполнению Минских соглашений и федерализации Украины, а также обещал оказать ей финансовую помощь в размере 190 млн долл. [4, с. 8]. Во время встреч с П. Порошенко и А. Яценюком Джо Байден потребовал преодолеть возникшие между ними противоречия, которые могут существенно обострить внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Это в очередной раз свидетельствует о том, что нынешняя Украина находится под внешним, американским, управлением.

До настоящего времени не решен вопрос о федерализации Украины, на котором настаивают представители ДНР и ЛНР. Был принят лишь закон о централизации, действие которого ограничено различными оговорками и условиями. А для многонационального состава населения Украины он жизненно необходим и мог бы сыграть роль стабилизирующего фактора в усло-

виях острого политического и социально-экономического кризиса. Так, посетивший в марте 2015 г. Украину Генеральный секретарь Совета Европы Т. Ягланд высказал ряд важных замечаний и пожеланий киевским властям. Он отметил, что нельзя оправдывать нарушение прав человека на Украине и свертывание демократических процессов сложной обстановкой на юго-востоке страны. Он также высказался против нарушения на Украине принципа верховенства права, которое будет допущено в случае проведения люстрации судейского корпуса. По его мнению, предполагаемые изменения Конституции Украины должны коснуться не только системы правосудия, но и вопроса децентрализации страны.

Бывший глава Администрации президента и лидер общественного движения «Украинский выбор» В. Медведчук справедливо обратил внимание в связи с этим на то, что «стремление в Европу гарантирует такие европейские ценности, как уважение прав человека, формирование стабильной демократии и становление независимого суда». В то же время, по мнению В. Медведчука, Т. Ягланд упустил из виду то, что «насиленный разрыв веками складывавшихся связей, неоправданное изменение вектора интеграции привели Украину к гражданскому конфликту, а затем и к вооруженному противостоянию, лишь усилив и без того значительные политические, идеологические, региональные и религиозные разногласия, характерные для нашей страны» [15].

Правовая политика нынешнего украинского руководства направлена таким образом на скорейшее достижение ее важнейших целей – вступление Украины в Евросоюз и НАТО. В связи с этим киевские власти квалифицируют прошедший в марте 2014 г. референдум о независимости и особенно вхождение Крыма в состав РФ как агрессию и аннексию Россией части территории Украины. При этом они игнорируют тот факт, что свыше 90% населения Крыма высказалось за вхождение в состав России, а также отвергают нормы международного права, позволяющие реализовывать общепризнанный принцип права наций на самоопределение.

В конце декабря 2015 г. истек срок возврата Украиной России долга в 3 млрд долл. Хотя президент РФ В. Путин на саммите руководителей 20 государств в Анталии (Турция) предложил выгодный вариант его реструктуризации, но Украина отказалась его выплачивать. А это означает, что Россия объявляет ей дефолт и начинает процедуру взыскания долга через суд. В данном случае украинское руководство пошло на конфликт с Россией с молчаливого согласия МВФ, нарушив при этом его правила кредитной политики, складывавшиеся в течение прошедших десятилетий.

После вступления в силу с 1 января 2016 г. Соглашения о зоне свободной торговли между странами ЕС и Украиной Россия вынуждена была прекратить действие договора о свободной торговле с Украиной с тем, чтобы обезо-

пасить свой рынок от проникновения беспошлинных товаров из стран Евросоюза. А это будет способствовать существенному сокращению товарооборота между двумя странами. При этом следует отметить, что в структуре внешней торговли РФ украинские товары занимают лишь 2,8%, а российские поставки на Украину составляют около 11–12% [8, с. 4].

Бывший премьер-министр Украины Н. Азаров считает, что многие проблемы многонационального государства можно было бы решить путем принятия новой Конституции Украины, которая «должна закрепить федеративное устройство страны, права и обязанности ее земель (регионов)» [1, с. 503]. Ведь согласно Всеукраинской переписи населения 2001 г., на территории страны проживали представители более 130 национальностей и народностей [21]. Среди них: украинцы составляли 77,8%; русские – 17,3; белорусы – 0,6; молдаване – 0,5; крымские татары – 0,5; болгары – 0,4; венгры – 0,3; румыны – 0,3; поляки – 0,3% и др. [там же].

В целом за 24 года независимости численность населения Украины существенно сократилась. Так, по данным Министерства финансов Украины, на 1 января 1992 г. она составляла 52 056 600 человек, а на 1 января 2015 г. – лишь 42 928 900 человек [17]. Такое значительное сокращение украинского населения обусловлено не только добровольным вхождением в состав России Крыма, но и в первую очередь серьезными причинами демографического и социального характера. Кроме того, заметно изменился и этнический состав населения Украины. К причинам таких изменений можно отнести миграционное движение, этническую ассимиляцию, снижение рождаемости и рост уровня смертности и др. На них также оказали большое влияние демографические, политические и социально-экономические причины. К сожалению, о реальных изменениях в этнической структуре населения Украины в настоящее время узнать невозможно, так как Всеукраинская перепись населения в 2011 г. была отменена и в конечном итоге перенесена на 2016 г.

Следует отметить, что Украина получила богатое наследство после распада СССР. Украинская промышленность на начало 1992 г. насчитывала около 300 отраслей. Они включали крупнейшие предприятия бывшей советской индустрии: четыре АЭС, шесть ГЭС, Донецкий каменноугольный бассейн, Криворожский железорудный бассейн, 43 нефтяных, 114 газовых и 46 нефтегазовых месторождений, Киевский авиационный завод, Южный машиностроительный завод, заводы «Запорожсталь», «Азовсталь», «Криворожсталь» и др. Кроме того, на территории Украины располагались крупные предприятия военно-промышленного комплекса, многочисленные порты, курорты, 25% мирового чернозема [16].

К сожалению, независимая Украина не смогла эффективно воспользоваться доставшимся ей огромным экономическим потенциалом. Так, с 1990 по 2010 г. удельный вес обрабатывающей промышленности на Украине

сократился с 30 до 17%, доля строительной отрасли снизилась с 7,5 до 3,5%. Степень износа в добывающей промышленности достигла 47,8%, в обрабатывающей – 66,8, а в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды – 60,7%. В целом степень износа по промышленности составила 63%, а в сфере транспорта и связи – 94,4% [11].

Тяжелая ситуация сложилась и в сельском хозяйстве Украины. В 2010 г. его уровень достиг лишь 81% от уровня 1990 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 25,5 млн голов (начало 1980-х годов) до 4,47 млн голов в 2010 г. Более чем в 2 раза сократилось производство мяса и молока. Так, в 1990 г. Украина произвела 6,4 млн т мяса и 24,5 млн т молока, а в 2010 г. – соответственно 3 и 11,1 млн т [там же].

Падение темпов экономического развития Украины непосредственно отразилось и на снижении уровня жизни населения. В работе Института демографии и социальных исследований им. П.В. Птухи НАН Украины указывается, что среднестатистический показатель экономического благосостояния украинского населения в 5–6 раз отставал от аналогичных показателей ведущих развитых стран мира. Ежегодный отчет Global Wealth 2010 свидетельствует о том, что Украина по уровню благосостояния граждан стояла на предпоследнем месте среди 40 европейских стран, а среднее состояние ее граждан составляло 2,7 тыс. долл. В то же время состояние белорусов оценивалось в 6 тыс. долл., русских – 10 тыс. долл. и поляков – 28 600 долл. [13, с. 13]. К сожалению, исследований данного института, посвященных анализу периода 2014–2015 гг., обнаружить не удалось. Очевидно, его сотрудники в условиях резкого падения в последние два года социально-экономических показателей не рискнули сделать соответствующие выводы. В то же время бывший премьер-министр Украины Н. Азаров откровенно высказался по этому вопросу. Он считает, что Украина откатилась лет на десять назад по следующим параметрам: «по уровню покупательной способности, заработной платы и пенсий, который снизился примерно в 2,5 раза; по безопасности жизни – уровень преступности вырос в разы; по модернизации промышленности и приближения к европейским стандартам – страна ушла в далекое прошлое; по правам человека – пытки, убийства, похищения людей стали обычной практикой так называемых правоохранительных органов; по демократическим свободам – всех инакомыслящих в стране немедленно относят к агентам России, а неонацизм уверенно поднял голову и диктует обществу свои правила» [1, с. 500–501].

Социальные последствия евроинтеграции явились катастрофическими для Украины. Вместо обещанного украинским правительством роста качества жизни после подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом Украина получила «максимальный за последние 15 лет уровень безработицы и снижение заработной платы» [9]. При этом реальная заработная плата снизи-

лась в среднем на 12%, а инфляция составила 40%. В то же время ВВП за 2015 г. сократился на 15%, а цены выросли на 40% [там же].

Поражает то, что вместо существенного расширения сотрудничества со странами ЕС экспорт украинских товаров в Европу снизился на 25%. Сократился также и объем иностранных инвестиций на 25% от уровня 2013 г. [там же]. К тому же были резко повышены коммунальные тарифы. И в то же время с 1 января 2016 г. до минимума сокращаются отчисления в фонд социального страхования по болезни, что приведет фактически к ликвидации бесплатной системы здравоохранения и медицинского обслуживания. В связи с этим возникает вопрос: где же обещанные Евросоюзом преимущества и преференции?

Как видим, экономические итоги 2015 г. стали для Украины провальными. Темпы падения ее экономики в 2015 г. составили, как отмечает бывший вице-премьер Украины С. Арбузов, примерно 12–13%, а инфляция достигла 45%. «Обесцененная гривна и заоблачные цены на товары отразились, – указывает он, – на потребительских настроениях украинцев, которые уже не могут покупать товары в прошлогодних объемах» [2]. К основным причинам, приведшим к такой ситуации, С. Арбузов относит непрофессионализм киевских властей, отсутствие реформ и антироссийский политический курс Украины [там же].

В последние дни уходящего 2015 г. Верховная рада Украины по настоятельной рекомендации Международного валютного фонда (МВФ) приняла бюджет на 2016 г., в котором интересы ее граждан учитываются в последнюю очередь. Предусмотренный дефицит бюджета составит 3,7%, инфляция – 12%, а рост ВВП – 2%. Примерно такие же цифры содержал и бюджет Украины на 2015 г. Однако ВВП в конце 2015 г. сократился на 12%, а инфляция возросла до 50%. Следует отметить, что статьи бюджета Украины на 2016 г. болезненно затронули многие вопросы социальной сферы. Так, в нем «фактически отменяется “упрощенная система” налогообложения для малого бизнеса, повышается налог с доходов для физических лиц, лишаются бюджетного финансирования библиотеки и заведения культуры». Кроме того, в бюджете не нашлось места для обеспечения сельских школ, а также «урезается или прекращается выплата детских пособий» [5].

Таким образом, украинское руководство в постсоветский период проводило политику балансирования между Россией и Евросоюзом, не учитывая при этом сложившиеся особенности развития экономики и национальные интересы Украины. Можно вполне согласиться с российским политологом С. Жильцовым, отмечающим, что, начиная с «оранжевой революции» «каждая новая смена власти вела Украину к дальнейшему ухудшению экономической ситуации и правовому беспределу», а те экономические реформы, «о которых любили говорить украинские президенты, как правило, оказыва-

лись декларациями, прикрывая собой очередной передел собственности» [7]. Все это в конечном итоге привело страну к глубокому политическому и социально-экономическому кризису. Сможет ли европейский выбор Украины и провозглашенный нынешней киевской властью путь на вступление в НАТО спасти страну от дефолта и дальнейшего ее распада?

Обнищание населения и отказ украинского правительства от выполнения основных социальных программ уже привели к резкому обострению социально-политической ситуации в стране. Учитывая это, украинское руководство стремится предотвратить возникновение нового майдана в Киеве. А для этого ему придется вновь возобновить полномасштабную войну против ДНР и ЛНР и продолжать обвинять Россию в сложившейся ситуации. Вероятней всего, недовольство населения политикой киевских властей переместится в крупные областные центры и регионы, где проживают национальные меньшинства, а это может привести к дальнейшему распаду Украины.

Возможен и другой сценарий, по которому Украина сумеет в течение нескольких лет провести реформы и адаптировать свою национальную правовую систему к европейским стандартам, осуществить так называемую реструктуризацию экономики, превратив страну в сырьевой придаток ЕС и дешевый рынок рабочей силы. А процесс ее вступления в Евросоюз и НАТО может растянуться на несколько десятилетий. В таком случае население Украины ждут огромные тяготы и испытания. Готово ли оно в очередной раз их преодолевать?

Литература

1. Азаров Н.Я. Украина на перепутье. Записки премьер-министра. – М.: Вече, 2015. – 512 с.
2. Арбузов С. Большой украинский провал // Известия. – М., 2015. – № 245, 29 декабря. – С. 6.
3. Бжезінський З. Україна у геостратегічному контексті: перекл. з англ. – Київ: Вид. Дім «Києво-Могилянська академія», 2006. – 102 с.
4. Дульман П. Вот приехал Байден, Байден нас рассудит // Российская газета. – М., 2015. – № 278, 9 декабря. – С. 1, 8.
5. Дульман П. Культура стала лишней // Российская газета. – М., 2015. – № 294, 29 декабря. – С. 8.
6. Европейский выбор Украины сделан тысячу лет назад. – Режим доступа: [http:// korrespondent.net/ukraine/3544735-evropeyskiy-vybor-ukrayny-sdelan-tysiachu-let-nazad-poroshenko](http://korrespondent.net/ukraine/3544735-evropeyskiy-vybor-ukrayny-sdelan-tysiachu-let-nazad-poroshenko) (Дата обращения: 29.12.2015.)
7. Жильцов С. Украина: Затянувшийся эксперимент с независимостью // Независимая газета. – М., 2015. – № 269, 14 декабря. – С. 11.
8. Забелина Н. Российско-украинская торговля подпала под санкции // Независимая газета. – М., 2015. – № 276, 22 декабря. – С. 1, 4.
9. Итоги 2015 года для Украины / Геополитика и мировая политика. – Режим доступа: <http://mirpolitiki.net/politika/itogi-2015-goda-dlya-ukrainy.html> (Дата обращения: 29.12.2015.)

10. Итоговое интервью премьер-министра Украины Николая Азарова ведущим отечественным телеканалам, 27 декабря 2012 года // Правительственный портал. – Режим доступа: http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245920170 (Дата обращения: 12.12.2014.)
11. Королев Д. Экономика Украины: проблемы роста. – Режим доступа: <http://odnarodina.com.ua/content/ekonomika-ukrainy-problemy-rosta> (Дата обращения: 29.12.2015.)
12. Лукьянов Ф. Ассоциация наоборот // Российская газета. – М., 2014. – № 287, 17 декабря. – С. 8.
13. Людський розвиток в Україні: мінімізація соціальних ризиків / Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАН України; за ред. Е.М. Лібанової. – Київ: Держкомстат України, 2010. – 496 с.
14. Медведев Д. Россия и Украина: Жизнь по новым правилам // Независимая газета. – М., 2014. – № 272, 15 декабря. – С. 1, 4–5.
15. Медведчук В. Европейский выбор Украины: Две стороны медали. – Режим доступа: http://vybor.ua/article/vneshnjaja_politika/evropeyskie-vybor-ukrainy-dve-storony-medali.html (Дата обращения: 29.12.2015.)
16. Мелешенко Г. Умерла, не родившись: История европейской Украины. – Режим доступа: <http://livda.ru/news/politics/world/umerla-ne-rodishis-istoriya-evropeyskoj-ukrainy-02029> (Дата обращения: 29.12.2015.)
17. Население Украины / Финансовый портал МИНФИН. – Режим доступа: <http://index.minfin.com.ua/people/> (Дата обращения: 29.12.2015.)
18. Презентаційний документ щодо участі України в програмі «Партнерство заради миру». – Режим доступа: http://www.sta.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=64798&cat_id=45661 (Дата обращения: 29.12.2015.)
19. Саймс Д. Мнимое благополучие // Известия. – М., 2013. – № 234, 12 декабря. – С. 9.
20. Табачник Д. Украина: Политика упущенных возможностей // 2000: Еженедельник. – Киев, 2008. – № 42, 17–23 октября. – С. 5.
21. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года / Государственный комитет статистики Украины. – Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality> (Дата обращения: 29.12.2015.)

И.Ф. Селиванова

ПРИДНЕСТРОВСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА

Селиванова Ирина Фёдоровна – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института экономики РАН.

В последние годы отношения в треугольнике Молдавия – Украина – Румыния эволюционируют в направлении стратегического партнерства и во многом определяются общим внешнеполитическим вектором развития этих государств. Ни территориальное соседство, ни наличие нацменьшинств, общих для трех стран, ни историческое прошлое, ни экономические интересы не могли сблизить Кишинев, Киев и Бухарест больше, чем стремление создать в регионе гомогенное политическое пространство, свободное от влияния России. При этом интересы России в регионе расцениваются как имперские, угрожающие безопасности Молдавии, Украины и даже Румынии. Средством осуществления этих интересов считается непризнанная Приднестровская Молдавская Республика.

Проблема европейского выбора Молдавии теснейшим образом связана с разрешением приднестровского конфликта, который рассматривается на Западе, по выражению Ангелы Меркель, как «последний осколок холодной войны». Причем особые надежды Молдавия возлагает на Европу и Соединенные Штаты, поскольку без определения политико-правового статуса ПМР процесс ее сближения с Евросоюзом в значительной степени утратит смысл. Экс-министр иностранных дел Молдавии Юрий Лянкэ с удовлетворением отмечал, что кишиневским властям удалось «обратить внимание ряда западных столиц на необходимость сосредоточиться в их диалоге с Москвой и Киевом на этой проблематике»¹. По его мнению, приднестровский вопрос – «один из приоритетных в диалоге между Москвой и Вашингтоном, Москвой и Брюсселем и другими столицами». «Вашингтон сегодня продолжает оста-

1. Казахстану белорусский сценарий не грозит // Независимая газета, 14.02.2011.

ваться мировой супердержавой, а это значит, что неучастие США так или иначе ставит под вопрос устойчивость того или иного решения или, в лучшем случае, процесс может затянуться на гораздо более длительный период, чем это было бы при более конструктивном и активном подключении США», – полагает он². Молдавия настаивает на изменении статуса США в урегулировании приднестровского конфликта со статуса наблюдателя на посредника.

В 2003 г. у Кишинева был шанс решить проблему Приднестровья на условиях федерализации, однако «план Козака» не был подписан экс-президентом РМ В. Ворониным, который опасался негативной реакции ЕС в связи с положением о сохранении в Приднестровье в течение 20-летнего периода ограниченного воинского контингента России. Решение проблемы со временем осложнилось из-за радикализации позиций сторон конфликта. Тирасполь будущее Приднестровья видит только в качестве независимого государства. Кишинев согласен лишь на предоставление ПМР статуса административного региона. Переговоры, прерванные в 2006 г., возобновились лишь в 2010 г., однако остаются безрезультатными. Приднестровская сторона отказывается обсуждать на них вопросы политического статуса региона, ограничиваясь решением конкретных хозяйственных вопросов³. В течение 2014–2015 гг. переговоры в формате «5+2» (Молдавия, Приднестровье – участники конфликта, Россия, Украина, ОБСЕ – посредники, США, ЕС – наблюдатели) были опять заморожены.

Консолидированная позиция США, ЕС и Москвы по-прежнему заключается в рассмотрении будущего Приднестровья в рамках общего с Молдавией государства. Это было подтверждено вице-президентом США Дж. Байденом в марте 2011 г. в ходе первого визита американского политика такого уровня в Молдавию. Обещанная США поддержка интеграции Молдавии в ЕС («США верят, что будущее Молдовы в Европе, вы являетесь европейским государством и должны быть в Европе») предусматривает решение проблемы Приднестровья в конституционных рамках («будущее Приднестровья только в составе Республики Молдова»)⁴. Результаты визита подтвердили тенденцию ухода Молдавии из зоны влияния России в зону влияния США, с которыми в Кишиневе связывают надежды на ускорение интеграции в Евросоюз, где уже живут и работают около 500 тыс. граждан республики⁵.

По мере усиления западного вектора во внешней политике Кишинева на государственном уровне все чаще поднимался вопрос об отказе от нейтрального статуса, пересмотре конституции, намерении Молдавии стать членом

2. Казахстану белорусский сценарий не грозит // Независимая газета, 14.02.2011

3. Кишинев выводит на Днестр пограничную полицию // НГ, 30.09.2013.

4. Байден вернет Молдавию в Европу // НГ, 14.03.2011.

5. Там же.

НАТО. Это обусловило определенную корректировку позиции российского МИДа в вопросе о территориальной целостности Молдавии. В конце 2014 г. С. Лавров сделал заявление, согласно которому, в случае отказа Молдавии от внеблокового статуса, Приднестровье будет вправе выбирать свое будущее, что подразумевает возможность признания Приднестровской Молдавской Республики⁶.

Стратегия расширения НАТО на Восток, закрепление американского военного присутствия в Восточной Европе, намерения Вашингтона разместить элементы ПРО в этом регионе (в том числе в Румынии) осуществляются на фоне активизации отношений Кишинева с США и НАТО, вопреки нейтральному статусу Молдавии, закрепленному в Конституции. Это обстоятельство в определенной степени объясняет сохранение в регионе военного присутствия России, несмотря на противодействие Евросоюза, США и Молдавии.

Таким образом, политика дистанцирования от России стран, прежде считавшихся сферой ее влияния, расширилась, помимо Грузии, Украины и Туркменистана, за счет Молдавии, которая сегодня занимает заметное место в политике Запада на постсоветском пространстве. В значительной степени на это повлияла и политика Москвы, в сферу внешнеполитических приоритетов которой Молдавия не входит. По выражению политолога Александра Караваева, «приднестровский конфликт единственный в своем роде не обремененный высокими геополитическими интересами РФ... Приднестровье – в чистом виде осколок советского наследия, который нужно либо утилизировать, либо глубоко и качественно преобразовать»⁷.

Пока не получается ни то, ни другое. Что касается преобразований, то они предполагают прежде всего уход из Приднестровья российского миротворческого контингента и уничтожение складов вооружения в Колбасне. На этом особенно активно настаивают в США и в Европе (особенно в Германии). Ангела Меркель, являясь выразителем общеевропейского мнения, считает, что вывод российских войск и объединение Приднестровья с Молдавией обеспечат стабильность и безопасность на восточной границе ЕС.

Напомним, что Ограниченная группировка российских войск, дислоцированная в Приднестровье, охраняет склады с 20 тыс. т боеприпасов в селе Колбасна, вывезенных сюда из Восточной Европы после распада СССР. В 1999 г. на Стамбульском саммите ОБСЕ Россия в рамках Договора об обычных Вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) взяла на себя обязательство вывести свою военную группировку к 2002 г. В части, касающейся двусто-

6. <http://www.novayagazeta.ru/tv/studio/66715.html>

7. *Постсоветские конфликты: Между Востоком и Западом* // НГ, 16.12.2010.

ронних российско-молдавских отношений, эти обязательства были выполнены в 2001 г. Что касается воинского контингента, то это обязательство было в основном выполнено, но часть российских военнослужащих и по сей день остается для охраны складов с вооружениями. В июле 2007 г. Россия ввела мораторий на соблюдение ДОВСЕ в связи с тем, что Договор так и не был ратифицирован ни одним государством – членом НАТО.

В условиях резкого обострения обстановки вокруг Приднестровья в связи с российско-украинским конфликтом 2014–2015 гг., усиления военного присутствия Украины на украинско-приднестровской границе, наличия там блок-постов «Правого сектора», а также размещения в Одесской области систем ПВО СС-300 ситуация с российскими боеприпасами без их должной охраны может вызвать непредсказуемый по своим последствиям военный конфликт. Между тем российская сторона давно проявляла готовность решить эту проблему, но встречала сопротивление экс-президента ПМР И. Смирнова, который считал, что «все, что находится на приднестровской земле, является собственностью народа Приднестровья, и боеприпасы тоже»⁸.

Несговорчивость Тирасполя была предметом обсуждения в конце марта 2011 г. в Кишиневе на Международном форуме «ЕС – Молдова»⁹. На нем представители Польши и Румынии предложили рассмотреть возможность исключения Приднестровья из числа переговорщиков по урегулированию конфликта¹⁰.

Что касается российского миротворческого контингента, то он находится на Днестре в соответствии с соглашением 1992 г. между президентами РФ и Молдавии. В принципе Россия не возражает против замены российских военных на общегражданскую миссию ОБСЕ, но только после достижения взаимоприемлемого решения между Кишиневом и Тирасполем о будущем государственном устройстве. Россия последовательно придерживается этой позиции. В 2010 г. свое согласие с ней подтвердил и В. Янукович. Речь идет об особом статусе Приднестровья «в рамках единого нейтрального» государства Молдова, что зафиксировано в мирном соглашении между Россией

8. Постсоветские конфликты: Между Востоком и Западом // НГ, 16.12.2010.

9. Форум прошел под патронатом премьер-министров Польши Дональда Туска и Молдавии Владимира Филата. Варшава весьма заинтересована в евроинтеграции молдавского государства. По словам экс-президента Польши Александра Квасьневского, Варшава имеет в этом вопросе «немного циничный» интерес к расширению ЕС и НАТО на Восток – желание перестать быть «пограничной зоной» и тем самым повысить свою безопасность. В работе форума участвовали 150 представителей из стран ЕС и СНГ.

10. Представители Приднестровья в форуме участия не принимали, несмотря на направленные им приглашения.

и Молдавией от 1992 г., а затем в трехсторонних договоренностях – с участием Приднестровья.

И прежние, и нынешние лидеры Приднестровья считают, что российские миротворцы должны находиться в регионе до тех пор, пока не будут созданы гарантии неповторения силового решения конфликта, а также пока не будут достигнуты определенные успехи в его урегулировании¹¹.

Отсутствие точек соприкосновения сторон в принципиальных вопросах делает перспективы урегулирования конфликта весьма туманными. Напомним, что в результате переговоров президента Д. Медведева с Ангелой Меркель и президентом Франции в Довиле в октябре 2010 г. ФРГ настаивала на том, что решение проблемы Приднестровья принципиально важно для обеспечения европейской безопасности. Тогда Д. Медведев заметил, что успех приднестровского урегулирования будет зависеть прежде всего от позиций Молдавии и Приднестровья, а также Румынии и Евросоюза. Упоминание в подобном контексте Румынии, никогда ранее не входившей в переговорный формат, первоначально вызвало недоумение экспертов. Позднее, когда были обнародованы результаты состоявшихся накануне встречи в Довиле переговоров в Бухаресте Ангелы Меркель с Траяном Бэсэску, ситуация разъяснилась. В ходе этих переговоров было получено согласие румынского президента на заключение Договора о границе с Республикой Молдова, от чего Румыния упорно отказывалась в течение последних 20 лет¹². Москва позитивно оценила это решение как возможность создать принципиально новые условия для переговорного процесса.

Компромисс состоял в том, что, заручившись германской гарантией невхождения РМ в состав Румынии, Москва соглашалась на западный вариант интеграции Молдавии, т.е. предоставление Приднестровью как минимум автономных прав в составе единого государства. Предполагалось, что это станет аргументом Москвы в пользу поддержки Брюсселем инициативы Д. Медведева о заключении нового Договора по безопасности в Европе (так называемое Мезебергское соглашение). Однако Меркель не поддержали союзники по ЕС, и урегулирование на этих условиях не состоялось, а переговорный процесс продолжает топтаться на месте¹³.

По большому счету Приднестровье оказалось заложником большой геополитической игры. К России оно присоединиться не может из-за отсутствия общих границ и недостаточных для этого геополитических возможностей у России. Обеспечить независимость Приднестровья России тоже сложно

11. *Постсоветские конфликты: Между Востоком и Западом* // НГ, 16.12.2010.

12. Т. Бэсэску не сдержал обещание. Договор о границе между РМ и Румынией так и не был подписан.

13. *Кишинев завершил этап цивилизованного развода с Москвой* // НГ, 30.12.2013.

в силу его географического положения. В любом случае коррективы позиции России в отношении Приднестровья затрагивают интересы Украины, отношения с которой во многом могут повлиять на окончательный результат переговоров всех заинтересованных сторон.

Исторически обусловленное тяготение Киева к Приднестровью, важность региона для Украины – причина того, что политика Украины на приднестровском направлении является не только частью украинско-молдавских отношений, но и самостоятельной составляющей ее внешней политики.

Приднестровье – зона стратегических и экономических интересов Украины. На территории ПМР проживают около 200 тыс. украинцев, больше 100 тыс. из которых – граждане Украины (всего население Приднестровья насчитывает около 600 тыс. человек, более половины из них покинули республику). Протяженность украинско–молдавско–приднестровской границы – 386 км. Более 89% импортных товаров ввозится в Приднестровье через Украину; металлопродукция, одна из основных экспортных статей ПМР, отгружается через украинские порты: Одессу и Ильичевск. Транзит грузов из Приднестровья в страны СНГ также осуществлялся по территории Украины.

Проблема границы с Приднестровьем обострилась в марте 2006 г., когда Украина прекратила пропуск приднестровской продукции без разрешения молдавской стороны под предлогом провоза оружия, контрабандных товаров и наркотиков. Однако еще раньше, в августе 2004 г., Кишинев, желая ограничить внешнеэкономическую самостоятельность Тирасполя, прекратил пропуск грузов и товаров из Приднестровья в Украину. Для решения сложных вопросов трехсторонних отношений были привлечены представители ОБСЕ и ЕС. Большая часть выдвинутых в адрес Приднестровья обвинений не подтвердилась, но ограничительный пограничный режим сохранился.

В этот период евроинтеграционные усилия Молдавии и Украины активизируются, а Приднестровье, ориентированное на Россию, является препятствием на этом пути. Следствием становится скоординированная политика Киева и Кишинева в отношении Тирасполя. Она осуществляется по двум направлениям: экономической блокады региона и политического давления с целью вывода российских войск и миротворцев из ПМР. Это обстоятельство влияло на характер взаимоотношений Киева с Кишиневом и Бухарестом, сказывалось на украинско–молдавско–российских отношениях. Евроинтеграционный выбор Украины и Молдавии наталкивался на нежелание Приднестровья следовать за ними и менять формат российского военного присутствия в регионе.

В «домойданный» период Украина заявляла о нежелательности присоединения Приднестровья из-за возможных упреков со стороны международного сообщества, прежде всего Румынии, которая могла бы незамедлительно поднять вопрос о возврате ей Северной Буковины (ныне Черновицкой области)

и Южной Бессарабии (Четате Алба), до 1940 г. находившихся в составе Королевской Румынии. С румынской стороны тогда неоднократно звучали заявления о том, что территория современной Украины включает в себя слишком много «чужих территорий»¹⁴.

В свою очередь, МИД Украины выражал недовольство тем, что Румыния выдает паспорта гражданам Украины, проживающим на территории Буковины и Одесской области. Верховная рада расценила эти действия как посягательство Румынии на ее бывшие территории, оказавшиеся в составе Украины согласно пакту Молотова–Риббентропа.

На фоне сложных территориальных споров между Украиной и Румынией¹⁵ Киев никак не выражал своей особой заинтересованности в Приднестровье. В украинском МИДе официально заявляли, что Украина не рассматривает возможность включения Приднестровья в состав своего государства. «Руководство МИД и страны стоит на сохранении интересов Украины, а также сохранении территориальной целостности Молдовы. Любое изменение границ, что может кому-то гипотетически показаться выгодным для Украины, в итоге для нашей страны может обернуться большими проблемами»¹⁶.

Тогда позицию Украины директор Киевского института политического анализа и международных исследований Сергей Толстов характеризовал следующим образом: «Чего хотят румыны? Судя по всему, забрать Молдову без Приднестровья и позволить Приднестровью стать независимым. Это ставит в неудобное положение Украину. Чтобы избежать вхождения Молдавии в Румынию, в Киеве считают целесообразным интегрировать Приднестровье в Молдову: в этом случае Тирасполь смог бы оказывать влияние на Кишинев, будучи представленным в молдавском парламенте и правительстве. То есть Киев за объединенную Молдову, но с гарантиями для Приднестровья, скажем, на тот случай, если Молдова все же захочет уйти в Румынию. Тогда Приднестровье должно иметь право на самоопределение»¹⁷. По сути это был ремейк плана Примакова 2005 г., так же как и многие другие российские инициативы, оставшийся нереализованным. Украина и страны Евросоюза выступают за вывод российских войск из Приднестровья, считая, что они при определенных условиях могут создать угрозу ее безопасности.

14. *Romania libera*. 30 noembrie 2010.

15. Споры касаются режима судоходства в устье Дуная, где Румыния хочет отеснить Киев, а также месторождений нефти в континентальном шельфе Черного моря. Первым успехом Румынии на этом пути стало решение Международного суда ООН о передаче Румынии острова Змеиный в Черном море.

16. Польша заинтересовалась Молдавией // НГ, 31.03.2011.

17. Светлана Гамова. Янукович указал Румынии ее место // НГ, 26.12.2010.

Как отмечает известный специалист в области постсоветского и восточноевропейского пространств С. Жильцов, «Бухарест стремится не только отстаивать свои экономические и геополитические интересы, но и выступает проводником интересов ЕС»¹⁸, которому не нужны конкуренты в регионе, будь то Россия или Украина.

Ситуация вокруг Приднестровья стала меняться в 2014–2015 гг., когда российско-украинские отношения резко обострились, а украинско-молдавско-румынские начали развиваться в направлении стратегического партнерства. Пророссийская позиция, занятая руководством ПМР, ожидаемо привела к давлению на Тирасполь – болевой точке российской внешней политики в регионе. Позицию официального Киева украинский политолог Виталий Кулик сформулировал следующим образом: «Никаких контактов с сепаратистским регионом, которым руководит Рогозин»¹⁹. На практике это выразилось в закрытии в мае 2015 г. ряда контрольно-пропускных пунктов на границе Одесской области для провоза подакцизных товаров из Приднестровья²⁰. Ограничения коснулись примерно 70 приднестровских предприятий и нанесли ощутимый ущерб бюджету непризнанной республики, расходы которого в 4 раза превышают доходы. Это выразилось в сокращении социальных обязательств Тирасполя и массовой миграции из региона. По данным представителя руководства Черноморского казачества Ивана Колева, из Приднестровья выехали 320 тыс. человек (население региона составляет около 600 тыс. человек), 14 тыс. квартир, в основном в Тирасполе, остались пустыми²¹. По признанию лидера ПМР Е. Шевчука, пенсионный фонд республики обеспечивается из местного бюджета только на 60%. Бесперебойная выплата пенсий и зарплат осуществлялась в основном за счет российской финансовой помощи, составлявшей ежегодно в среднем 100 млн долл.²²

18. С. Жильцов. «Нестабильный треугольник» // НГ-дирижер, 28 марта 2011 г.

19. НГ, 23.07.2015.

20. В ноябре 2015 г. Молдавия и Украина при участии Миссии совета ЕС по приграничной помощи Молдавии и Украине (EUBAM) подписали два соглашения по трансграничному сотрудничеству. Одно из них предусматривает совместный контроль специальных служб Молдавии и Украины над пограничным контрольно-пропускным пунктом Первомайск–Кугурчан, ранее заблокированным украинской стороной. Документ позволяет транспортировать через этот пункт товары для импорта, экспорта и транзита через Приднестровский регион. Второе соглашение касается автоматического обмена данными при пересечении молдавско-украинской границы. Эти соглашения устраняют двойное таможенное оформление в Кишиневе и Тирасполе и помогают в борьбе с незаконной миграцией, полагают в Молдавии. (НГ, 08.11.2015.)

21. НГ, 17.06.2015.

22. НГ, 29.05.2015.

Свою лепту в ухудшение экономической ситуации внесла и девальвация российского рубля. По оценкам экспертов, доля России во внешней торговле ПМР, прежде составлявшая порядка 20%, в последнее время сократилась вдвое²³. Экспорт в Россию до 2006 г. достигал 50%, а теперь всего 8%²⁴. В то же время доля правобережья Молдовы в торговом обороте ПМР выросла до 35%. Однако с 1 января 2016 г. закончились автономные торговые преференции (АТП), предоставленные ЕС ПМР. Молдова же после подписания Соглашения о зоне свободной торговли с Евросоюзом стала частью торгового пространства ЕС.

Что касается Евросоюза, традиционно занимавшего 50% приднестровского экспорта (текстиль, металл, электроэнергия), то его роль могла сохраниться только при условии продления после 1 января 2016 г. действия торговых преференций Евросоюза для приднестровских предприятий. На стадии разработки Соглашения об ассоциации с ЕС Кишинев обещал Тирасполю свое содействие в продлении действия этих преференций при условии, что приднестровские агенты все грузы будут оформлять в Кишиневе и отчислять налоги в бюджет Молдавии. В Тирасполе сочли эти условия чрезмерными, лишаящими ПМР экономической самостоятельности и возможности интеграции с Россией, что объявлено основной программной целью непризнанной республики. Тем не менее в начале декабря 2015 г. была достигнута договоренность с ЕС о том, что Приднестровье сохраняет возможность беспощинной торговли с ЕС, т.е. продолжит беспощинный экспорт в страны Евросоюза. Продление АТП после 1 января 2016 г. позволит ПМР сохранить от 30 до 50 млн. долл. Сэкономленные ресурсы власти Приднестровья направят на выплаты с 1 декабря 2015 г. задолженности пенсионерам и работникам бюджетной сферы, чьи пенсии и зарплаты с начала 2015 г.²⁵ были урезаны на 30%.

Экспорт в Россию, не имеющий законодательных ограничений со стороны российских властей, тормозится Кишиневом, который обладает монопольным правом на выдачу экспортных лицензий приднестровским экономическим агентам. Таким образом, и объективные факторы, и целенаправленная, скоординированная политика Киева и Кишинева воздействуют на ПМР, принуждая ее войти в систему экономических договоренностей Молдавии с Евросоюзом. Евросоюз, со своей стороны, избрал тактику мягкого вовлечения Тирасполя в сферу своих внешнеполитических и экономических интересов, полагаясь, вероятно, на результативность подобной «политики пряника». Экономическая цена такого решения для ЕС невелика, зато политический

23. НГ, 29.05.2015.

24. Dniester.ru, 13 dec. 2015.

25. Коммерсантъ. – 2015. – 14 декабря. – № 230. – С. 6.

эффект значителен и в перспективе может положить начало политическому развороту Тирасполя в сторону примирения с Кишиневом, а затем и налаживания тесного сотрудничества с ЕС. Уже сейчас поставки приднестровских товаров в Евросоюз составляют 183,8 млн долл., что в 4 раза больше, чем в Таможенный союз – 45,6 млн долл.²⁶ Как образно заметил один из экспертов, «голова смотрит на Восток, а ноги ведут на Запад». В целом за 2015 г. экспорт Приднестровья упал на 17%, а импорт – на 30%. Общий внешнеторговый оборот ПМР за 11 месяцев 2015 г. составил 1,6 млрд долл., снизившись в сравнении с таким же периодом прошлого года на 26%²⁷. Объем промышленного производства сократился на 15,5% в долларовом исчислении, в сопоставимых ценах снижение составило 8,5%. В бюджете ПМР на 2016 г. дефицит запланирован почти в 46%, доходная часть составит 2 млрд 334 млн 105 тыс. руб. ПМР, расходная – 4 млрд 798 млн 790 тыс.²⁸

Сложная экономическая ситуация и неопределенность статуса ПМР все чаще используются как предлог для достижения внешнеполитических целей стран, участвующих в приднестровском конфликте. Так было в 2014 и особенно в 2015 г., когда Украина объявила регион чуть ли не вторым российско-украинским фронтом. Спекулируя на теме угрозы своей безопасности, Украина в мае 2015 г. денонсировала межправительственное российско-украинское соглашение о транзите через свою территорию российских воинских формирований, которые временно находятся в Приднестровье (Соглашение было подписано 25 ноября 1995 г.). Это сделало невозможным их ротацию. Денонсированы были и соглашения о поставках в Приднестровье военных грузов, продуктов питания и обмундирования для военнослужащих Оперативной группы российских войск (ОГРВ), а также контингента миротворческих сил (МС). Президент ПМР Е. Шевчук расценил это как «попытки надавить не столько на Приднестровье, сколько на Россию с учетом того, что у нас проживает около 200 тыс. российских граждан»²⁹.

Назначение на должность губернатора Одесской области М. Саакашвили только добавило напряженности в двусторонних отношениях. Встревожено было и Приднестровье, опасаясь стать территорией нового конфликта. Оперативная группа российских войск провела маневры по охране военных объектов в селе Колбасна³⁰. Киевское правительство подготовило проект решения о возведении стены на приднестровском почти 400-километровом участке молдавско-украинской границы по аналогии с проектом «Стена»

26. <http://www.odnako.org./blogs/na-itogi-parlamentskih-viborov-v-pridnestrove/>

27. Информационное Агентство Новости Приднестровья, 16.12.2015.

28. Там же. – 18.12.2015.

29. НГ, 15.05.2015.

30. НГ, 25.05.2015.

на границе с Российской Федерацией. А. Яценюк заявил тогда, что Приднестровье представляет «реальную угрозу для безопасности Украины»³¹. Затея закончилась практически ничем (прорыли всего 4 км), однако на границе ПМР были размещены КПП «Правого сектора».

Молдавия первоначально поддержала действия Украины по блокированию российских военнослужащих в ПМР (около 400 миротворцев были задержаны в Кишиневском аэропорту и депортированы в Россию), однако довольно скоро скорректировала свою позицию, поняв что она не приносит ей дивидендов, а лишь осложняет отношения с Россией, которые для нее по-прежнему важны, особенно в экономической сфере. Напомним, что треть молдавского экспорта приходится на российский рынок. Часть экспертного сообщества Молдавии считала, что «Молдова должна занять в данной ситуации позицию наблюдателя, позволив Киеву и Москве разбираться между собой»³². Разблокирование ситуации вокруг ОГРВ и МС могло стать для Молдовы условием ослабления российских санкций и снятия ограничений на поставки молдавской продукции на российский рынок.

Со своей стороны Россия не могла мириться со сложившимся положением вещей с российскими военными. В результате переговоров вице-премьера РФ Дмитрия Рогозина с его молдавским коллегой Виктором Осиповым был достигнут следующий компромисс: продовольствием ОГРВ обеспечивает Приднестровье, ротация военнослужащих ОГРВ осуществляется за счет жителей Приднестровья, которые служат в армии на контрактной основе. Ротация миротворцев проводится через кишиневский аэропорт³³.

Одновременно Украина, не желая возникновения реального конфликта в регионе, несколько снизила антироссийскую риторику. Это выразилось, в частности, в исключении отношений с Приднестровьем из компетенции М. Саакашвили, который неоднократно высказывал опасения, что в Одесской области может возникнуть новый очаг сепаратизма. Подразумевалась возможность создания так называемой Бессарабской народной республики в составе Одесской области, некоторых районов Молдавии, включая автономное территориальное образование Гагаузия. Подобная ситуация могла бы, по мнению аналитиков центра Da Vinci AG, позволить России наряду с Донбассом открыть второй фронт на юге Украины и в конечном итоге заблокировать процесс евроинтеграции Украины и Молдавии³⁴.

Саакашвили приписал подготовку проекта «Бессарабия» России. На самом деле речь шла об общественной организации, созданной в Одессе

31. НГ, 21.08.2015.

32. НГ, 27.06.2015.

33. НГ, 25.06.2015.

34. НГ, 24.06.2015.

в апреле 2015 г. – Народный совет Бессарабии, куда вошли представители ориентированных на Россию структур, в том числе лидеры пророссийской партии «Патриоты Молдовы» и Союза приднестровцев Украины. Своей целью новое объединение провозгласило получение Бессарабией статуса национально-культурной автономии. Усилиями СБУ Украины деятельность организации была пресечена, хотя почва для недовольства действиями украинской власти в южных областях Украины сохраняется. В этой обстановке ни Киев, ни Кишинев не заинтересованы в эскалации напряженности на границе с Приднестровьем.

В целом же Молдавия, сильно разочаровав своих западных коллег неспособностью ее правоцентристской власти сохранить стабильность в стране, коррупционными скандалами, все больше оказывается на обочине их внимания. Но при этом основная цель и ЕС, и НАТО по-прежнему состоит в том, чтобы не допустить сворачивания Молдавии с дороги европейской интеграции и военно-политического сотрудничества с НАТО.

Свою роль в этом процессе продолжает играть Румыния. Она занимает заметное место в европейском векторе внешней политики Молдавии, являясь ее приоритетным партнером, своего рода проводником на пути в Европу. Эта миссия позволила Бухаресту расширить свои геополитические возможности, повысить престиж среди государств «новой Европы», конкурируя с Польшей и Венгрией в ходе вовлечения Молдавии и Украины в евроинтеграционные проекты³⁵. Посол Румынии в Молдавии Мариус Лазуркэ отмечал, что «Молдавия для нас не просто сосед, и даже не просто кандидат на европейскую интеграцию. В определенном смысле Молдавия является выражением крупных внешнеполитических интересов Бухареста, а именно: роста нашего влияния в рамках Европейского союза и НАТО; защиты наших сограждан и этнических румын, проживающих за пределами границ Румынии; укрепления партнерских отношений с соседями, с учетом особой ответственности Румынии, вытекающей из нашего статуса как пограничной страны ЕС и НАТО»³⁶.

Полноправное членство Румынии в НАТО, а затем вступление ее в 2007 г. в Европейский союз значительно расширили внешнеполитические возможно-

35. Среди государств «Старой Европы» эту роль традиционно играет Германия, которая является в настоящее время основным спонсором европейских программ финансовой помощи Молдавии. ФРГ принимает также активное участие в процессе урегулирования приднестровского конфликта. При ее самом активном участии состоялась трехсторонняя (Германия, Франция, Россия) встреча в Довиле в октябре 2010 г., где было предложено совместное видение разрешения конфликта между Кишиневом и Тирасполем. Канцлер ФРГ Ангела Меркель неоднократно посещала Молдавию с официальными визитами. – Примеч. авт.

36. Adevarul, 2011, 28 aprilie.

сти Бухареста, прежде всего в Юго-Восточной Европе, в частности в развитии сотрудничества с Молдовой. Связано это не только с геополитическими амбициями Румынии, но и с ее унионистскими намерениями в отношении Молдавии. Их наиболее последовательным выразителем был экс-президент Румынии Траян Бэсэску. Он не только постоянно пропагандировал тезис об объединении с Молдавией, но и вместе со своими единомышленниками в правительстве и парламенте РМ провел значительную работу по максимальному сближению законодательства обеих стран, по военному сотрудничеству, подписав договор, согласно которому армия Румынии может беспрепятственно передвигаться по территории Молдавии и т.д. Естественно, подобная перспектива весьма беспокоит Приднестровье и во многом определяет настороженное отношение к Кишиневу и его инициативам. Действующий румынский президент К. Йоханнис не включает объединение с Румынией в число внешнеполитических приоритетов. Тем не менее сторонники «унии» (объединения), пусть немногочисленные, есть в обеих странах, и это обстоятельство постоянно учитывается руководством Приднестровья в выборе внешнеполитического курса.

Отношения Румынии с Украиной развивались противоречиво. Они осложнялись и территориальными проблемами, доставшимися от прошлого, и политикой Бухареста в отношении румынского национального меньшинства, проживающего на Украине, и определенной конкуренцией за влияние в регионе между Бухарестом и Киевом. После вовлечения Украины в орбиту евроатлантического влияния эти проблемы, временно забытые ради достижения стратегической цели – отрыва Украины от России, вполне могут опять заявить о себе.

Следование за украинской позицией, так же как и вовлеченность Молдавии в российско-украинский конфликт, может принести ей новые и ненужные проблемы в отношениях с Москвой. Тем более что политическая нестабильность и экономический кризис в стране сопровождаются очевидным недовольством значительной части населения первыми результатами ассоциации с ЕС (по некоторым оценкам, таких недовольных насчитывается до 50% населения)³⁷. Осенью 2015 г. после начала в Кишиневе массовых выступлений против засилья олигархов в правящей правоцентристской коалиции степень доверия к европейскому курсу снизилась с 55 до 35%³⁸. По сути, молдавская олигархическая элита сама скомпрометировала идею интеграции в ЕС. Это вызвало откровенное недовольство Европейского союза и США, которые долгое время, практически до подписания Соглашения об

37. *АиФ*, 29.09.2015.

38. *Там же*.

ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС (в чем они были крайне заинтересованы, особенно на фоне отсрочки со стороны Украины), закрывали глаза на незакония, творившиеся молдавской властью (коррупционные скандалы, украденный из банковской системы страны 1 млрд евро и т.д.). Желая удерживать Молдавию в сфере своего влияния и сохранить правящую коалицию, западные партнеры с 2010 г. предоставили Кишиневу 5 млрд евро в виде кредитов и грантов. После подписания Соглашения об ассоциации с ЕС Молдавия, единственная из стран СНГ и участников «Восточного партнерства», получила безвизовый режим, которым успело воспользоваться значительное число граждан РМ. Предполагалось, что эти преференции сделают евроинтеграционный выбор Молдавии безальтернативным.

Однако летом 2015 г. ситуация стала нетерпимой. Молдавская политическая элита, правоцентристское крыло которой сформировало в 2009 г. Коалицию за европейскую интеграцию (в составе Либеральной, Либерально-демократической и Демократической партий), оказалась неспособной ни к реформам, ни к внедрению Соглашения об ассоциации, ни к борьбе с коррупцией. Разочарование ЕС выразилось в публичном осуждении молдавских властей. Экс-комиссар Евросоюза по вопросам расширения ЕС и политики добрососедства Штефан Фюле обвинил молдавских политических лидеров в том, что они используют Евросоюз для прикрытия «политики, не имеющей ничего общего с Европой»³⁹. Генсек Совета Европы Турбьерн Ягланд без обиняков назвал Молдавию государством, «захваченным олигархами»⁴⁰. Западные финансовые структуры (ЕБРР, МВФ и др.) заморозили оказание финансовой помощи Кишиневу. Даже президент Румынии К. Иоханнис отозвал из парламента документ о предоставлении Молдавии помощи в размере 150 млн евро⁴¹. Тем не менее решение стратегической задачи ЕС и США – не дать Молдавии изменить внешнеполитический вектор с западного на евразийский, неизбежно будет толкать их к поддержке проевропейской коалиции либо в прежнем составе без ее наиболее одиозных представителей, либо из вновь создаваемых проевропейских партий-клонов, а также из Партии коммунистов Молдовы, в очередной раз устами своего лидера подтвердившей свои европейские симпатии. Левые силы в Молдавии в лице Партии социалистов и партии «Наша Молдова» выдвигают пророссийскую альтернативу. Как заявил лидер молдавских социалистов Игорь Додон, «нам нужно прагматическое партнерство с ЕС и стратегическое – с Россией»⁴².

39. *НГ-Дипкурьер*, 16.11.2015.

40. *Там же*.

41. *Там же*.

42. *Московский комсомолец*, 14.11.2015.

От исхода политического кризиса в стране будет зависеть и состояние молдавско-российских отношений и перспективы ПМР. Ограниченность геополитических возможностей России в приднестровском урегулировании, видимо, заставит ее искать компромиссные решения в двусторонних отношениях. При этом особые отношения с Румынией, на объединение с которой ориентирована часть элиты и населения Молдавии, сохраняют свой приоритетный характер по сравнению с другими партнерами и соседями.

В этом контексте российское военное и политико-экономическое присутствие в Приднестровье используется Украиной и Молдавией для выдавливания России из региона и снижения ее международного имиджа. Поскольку меры экономического давления пока не приводят к изменению пророссийского курса ПМР (хотя остаются достаточно эффективными), а «разморозка» конфликта чревата непредсказуемыми результатами для всех его участников, определенное поле компромисса пока сохраняется. Однако степень давления на Россию путем скоординированной политики Украины, Молдавии и Румынии будет расти. При этом страны региона все чаще будут апеллировать к ЕС, США и НАТО как арбитрам в решении приднестровской проблемы.

В этих условиях для ПМР важнейшим фактором сохранения своей цивилизационной и политической идентичности является не только пророссийская ориентация, но и внутривластный консенсус внутри власти, между ней и населением, а также среди самого населения в выборе пути развития. Парламентские и местные выборы, прошедшие в ПМР 29 ноября 2015 г., показали, что позиции президента Приднестровья и его команды заметно пошатнулись. Основным оппонентом действующей власти выступила партия «Обновление», представляющая приднестровскую экономическую элиту, объединенную в холдинг «Шериф». Эта финансово-экономическая структура формирует более половины бюджета страны. «Обновление», которое в Приднестровье связывают с крупным капиталом и местными олигархами, получило почти 80% мест в парламенте, или 34 из 43 депутатских мандатов. Девять мест достались сторонникам президента и его партии «Возрождение». О конфликте президента Е. Шевчука с «Шерифом» было известно и ранее (хотя прежде он входил в эту структуру). Теперь конфликт обострился в связи с ухудшением социально-экономического положения в республике. Часть вины за это возлагается не только на Молдавию и Украину, но и на правительство, сформированное президентом из своих молодых сторонников, не имеющих достаточного управленческого опыта. Претензии к президенту возникли и в связи с непрозрачностью контроля за использованием бюджетных средств и т.д.

Основной вопрос заключается в следующем: как скажется победа крупного капитала, осуществившего в республике ряд социальных проектов и поддержанного населением, на внутренней политике и внешнеполитической

ориентации Приднестровья. «Обновление», располагающее абсолютным большинством в парламенте, может формировать правительство, вносить изменения в конституцию (для этого необходимо 29 голосов) и даже объявить импичмент президенту. Едва ли новая законодательная власть будет готова к значительным переменам, но поиски решения спорных ситуаций с Кишиневом скорее всего будут активизированы. В ближайшей перспективе маловероятно и изменение внешнеполитического вектора: во-первых, пророссийские настроения по-прежнему сильны среди населения ПМР, во-вторых, «Обновление» имеет достаточно тесные связи с «Единой Россией», а также сохраняет заинтересованность в отношениях с российским бизнесом. Вместе с тем во внутренней и внешней политике, видимо, будет усиливаться собственно экономическая мотивация, преобладая над политической, а это может стать началом постепенного отдаления от России как единственного стратегического партнера ПМР. ЕС скорее всего основное внимание сосредоточит на разделении интересов России и ПМР, продолжит координировать действия, направленные на вывод российского военного контингента, активно используя арсенал методов «мягкой силы».

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Л.И. Бородин

ГУЛАГ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Бородин Леонид Иосифович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, руководитель Центра экономической истории Исторического факультета МГУ.

В работах ряда историков, опубликованных в последние два десятилетия, обосновывается тезис о том, что с переходом к форсированной индустриализации на рубеже 1920–1930-х годов привел к созданию целого сектора «лагерной экономики». Экономическая структура ГУЛАГа выполняла ряд функций, осуществление которых методами принуждения и стимулирования труда, применявшимися на предприятиях с использованием вольнонаемного труда, было практически невозможным. Эти функции включали: обеспечение развития отдаленных районов страны; создание чрезвычайно мобильной рабочей силы, легко перебрасываемой с объекта на объект в зависимости от планов руководства страны; эксплуатацию этой рабочей силы практически без ограничений, вплоть до полного ее истощения; повышение дисциплинированности «свободных» работников из-за угрозы попасть в лагерь; снижение давления на скудный потребительский рынок, облегчение решения сложнейших социальных проблем (например, жилищной) ввиду изоляции миллионов заключенных и других «спецконтингентов». Сюда можно добавить и задачу экономии средств на содержание заключенных: ГУЛАГ существовал в условиях требования самоокупаемости [6, с. 79–80].

В данной статье рассматривается период 1941–1945 гг., когда в лагерной системе реализовывался опыт решения задач мобилизационной экономики в ее предельном варианте. Война потребовала небывалого напряжения сил на фронте и в тылу, что не могло не повлиять на функции ГУЛАГа, численность и структуру его контингентов. Следует отметить, что термин «ГУЛАГ» используется в литературе расширительно, символизируя всю систему принудительного труда в НКВД-МВД на протяжении всей ее 30-летней истории.

В этом контексте используется этот термин и в данной статье. Каковы были эти изменения, каков был вклад ГУЛАГа в решение задач военной экономики страны в годы Великой Отечественной войны – вот вопросы, рассматриваемые в данной работе на основе архивных материалов.

* * *

Функционирование ГУЛАГа в годы войны отражено в целом ряде источников, преимущественно архивных. В центре нашего внимания находится документация НКВД СССР, ГУЛАГа, ряда ведомств и руководящих органов СССР, хранящаяся в фондах ГА РФ. Один из наиболее значимых документов – это доклад начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркому внутренних дел Л.П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)»¹, датированный 17.08.1944 [3, с. 272–315]. Как отмечается в преамбуле к докладу, вся оперативная и производственно-хозяйственная деятельность ГУЛАГа НКВД СССР была направлена: на усиление изоляции заключенных и борьбу с антисоветскими проявлениями среди них; сохранение физического состояния заключенных и их полное трудовое использование; комплектование рабочей силы из заключенных для важнейших оборонных строителей и предприятий; всемерное усиление производства боеприпасов, спекукупорки и другой оборонной продукции и на расширение собственной продовольственной базы [3, с. 272]. Последний пункт представляется немаловажным, если учесть что в годы войны смертность в нем достигла чрезвычайно высокого уровня. Общая численность умерших в 1941–1945 гг. составила 932 268 человек [3, с. 441]. Большинство из заключенных скончались от голода и вызванных им болезней.

Как отмечается в упомянутом докладе начальника ГУЛАГа, с начала войны до июля 1944 г. общее число заключенных, содержавшихся в ИТЛ и ИТК, снизилось с 2 300 000 человек до 1 200 000. За три года войны из лагерей и колоний убыли 2 900 000 человек и вновь поступили 1 800 000 человек осужденных. Изменился и состав заключенных по характеру совершенных преступлений: если в 1941 г. осужденные за контрреволюционные и другие особо опасные преступления составляли 27% от общего числа заключенных, то к июлю 1944 г. число осужденных этой категории возросло до 43%.

В первые же дни войны возникла необходимость эвакуации заключенных с территории, находившейся в непосредственной близости к зоне военных действий, где дислоцировалась значительная группа ИТЛ и ИТК (в частности,

1. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 77. Лл. 66–108.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Беломорско-Балтийский, Мончегорский ИТЛ и др.). При этом «значительная масса заключенных эвакуировалась пешим порядком нередко на расстоянии до 1000 км». Эвакуации подверглись 27 ИТЛ и 210 ИТК с общим числом заключенных 750 000 человек [3, с. 274–275].

Уже 22 июня 1941 г. появилась директива Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР № 221 о переводе лагерей, тюрем и колоний на военное положение, которая содержала требование ко всем наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД краев, областей, начальникам ИТЛ «прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников». Указанные заключенные, а также польские контингенты, немцев и иноподданные должны были быть сосредоточены в усиленно охраняемых зонах, следовало прекратить бесконвойное использование на работах и перевести охрану лагерей, тюрем и колоний на военное положение [5, с. 158].

За годы войны значительная часть заключенных ГУЛАГа пополнила ряды Красной Армии. 12 июля и 24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указы о досрочном освобождении ряда категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления и передаче лиц призывных возрастов в Красную Армию. В результате были освобождены 420 тыс. заключенных. За три года войны на укомплектование Красной Армии было передано 975 тыс. заключенных ГУЛАГа [3, с. 275].

Многочисленные просьбы «политзаключенных» (осужденных по ст. 58) направить их на фронт, за крайне редким исключением, не удовлетворялись.

Отметим, что передача досрочно освобожденных в Красную Армию проводилась в лагерях и колониях в результате персонального отбора; из них создавались специальные команды, которые организованно направлялись в военкоматы и места формирования воинских частей. Как отмечается в докладе начальника ГУЛАГа, пяти бывшим заключенным в годы войны были присвоены звания Героев Советского Союза [3, с. 275].

* * *

В каких условиях труда и быта работали заключенные ГУЛАГа в годы войны? Эти условия были особенно тяжелыми в первые два года войны. На первый план выходила проблема продовольственного дефицита в лагерях. Так, в письме заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышева, направленном 16.03.1942 в СНК СССР Микояну, говорится о том, что такие продукты, как рыба и жиры, на протяжении шести месяцев в лагерях почти полностью отсутствовали, что привело к резкому росту цинготных и пеллагрозных заболеваний и смертности заключенных, а также к увеличению числа

150

слабосильных, в результате чего «огромное количество заключенных фактически не выводится на работы»².

В другом письме Чернышева Микояну от 23.03.1942 отмечается, что недостаток крупы и муки для замены недостающего картофеля и овощей приводит «к постоянному отсутствию объемистой пищи и истощению людей»³. В письме Чернышева, направленном Микояну через месяц, 25.04.1942, обращается внимание на то, что Наркомторг СССР отказал ГУЛАГу в выделении во втором квартале 1942 г. рыночного фонда на махорку для снабжения контингентов лагерей и строителей НКВД. И таких документов в фонде 9414 ГА РФ немало.

Условиям труда и быта в лагерях посвящен и специальный раздел упомянутого доклада начальника ГУЛАГа Наседкина. Например, в нем констатируется, что «для всех заключенных установлено три выходных дня ежемесячно и ежедневно восьмичасовой непрерывный отдых для сна» [3, с. 279]. Однако администрация лагерей зачастую не соблюдала эти и другие установленные правила содержания заключенных. В результате «заключенные теряют работоспособность, переходят в категорию слабосильных, инвалидов, и т.д.» [3, с. 508–509].

Однако в 1941–1942 гг. лагерный контингент сталкивался и с более тяжелыми проблемами, чем недостаточная длительность сна. В рапорте начальника ГУЛАГа Наседкина наркому внутренних дел Берия 23 мая 1941 г. отмечается, что заключенные Печорского лагеря выводятся на работу в валяной обуви и старых брезентовых ботинках. «В условиях весенней распутицы они целыми днями простаивают в холодной воде и грязи, что вызывает большое количество простудных заболеваний. <...> Угрожающе возросло количество цинготных заболеваний», на южном участке Печорлага 10 мая зарегистрировано 8389 больных цингой. Вшивость среди заключенных достигает 70%⁴. Ситуация в этом лагере еще более усугубилась через несколько месяцев, когда заболеваемость и смертность приняла «угрожающие размеры», при этом наибольшее количество смертных случаев имели место в результате заболеваний пеллагрой и гемоколитом при полном истощении людей. В августе умерли 322 заключенных, в сентябре – 692, за девять дней октября – 210 заключенных. В заключительном разделе рапорта констатируется: «Санотдел Севпечлага необходимых мер по улучшению санитарного состояния лагеря не принимает»⁵.

2. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 34. Л. 168.

3. Там же. – Л. 184.

4. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 42. Лл. 40–41.

5. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 39. Лл. 88–89.

Еще более удручающая картина условий работы и быта заключенных представлена в развернутом докладе (от 18.12.1941) ответственного инструктора политотдела ГУЛАГа О.А. Разиной начальнику ГУЛАГа Наседкину о работе УИТЛК УНКВД Новосибирской области [3, с. 500–508]. В докладе отмечается, что в первом квартале 1941 г. в лагере умерли 484 человека, а в ноябре уже 1308. Анализируя причины резкого роста «истощенности и смертности в лагере, а следовательно, – причины вывода рабочей силы из строя», автор доклада выделяет несколько факторов [3, с. 502]. При обследовании жилищно-бытовых условий заключенных была выявлена «скученность и перегруженность» жилых помещений (0,7 м² на одного заключенного), в одном из отделений жилой фонд состоит «сплошь из палаток, совершенно не приспособленных к жилью в условиях сибирской зимы», неотапленных, грязных, без тамбуров. Санитарное состояние лагеря охарактеризовано как неудовлетворительное, большинство отделений завшивлены, на некоторых люди не мылись в бане около двух месяцев.

Далее в разделе «Питание» доклада Разиной приводятся данные проверки, свидетельствующие о том, что за три квартала 1941 г. по лагерю недодано продуктов питания заключенным на сумму 10 млн руб., из коих мяса – на 2,3 млн руб., рыбы – на 3,4 млн руб., жиров – на 2 млн руб. Так, во втором квартале недодано мяса свыше 67% полагающейся нормы. Отмечается, что «недополучение основных продуктов питания, безусловно, привело к ослаблению заключенных». Одна из причин такого положения – это «хищение продуктов до закладки их в котел» почти во всех лаготделениях. Разина приводит конкретные данные об этих хищениях, о плохом качестве пищи, готовящейся без «дифференциации котлов». «Большое количество смертельных исходов в бараках и на местах работы связывается в докладе и с “неправильной, а подчас преступной” работой санитарных частей по оказанию помощи ослабленным и больным заключенным» [3, с. 503].

Документ содержит немало описаний трагической судьбы заключенных этого лагеря. Один из фактов, представленных в докладе, касается этапа в 180 человек, прибывшего в Антибес (Новосибирская обл.) для отправки в Ново-Ивановку 5.11.1941. Встретили этап начальник конвоя и четыре стрелка без врача. Прибывшие люди были истощены и раздеты, около трех суток их не кормили. Когда стали сажать людей на машины, четыре человека не смогли выйти из вагона. Далее заключенных везли на открытых машинах около восьми часов. Шел снег с дождем, и по прибытии этапа в Ново-Ивановку с машин сняли три трупа, восемь человек положили в больницу, где четверо скончались.

Архивы лагерной системы содержат целый ряд таких эпизодов, хотя очевидно, что они фиксировались только в случае прибытия в лагерь инспекционной комиссии, посланной руководством ГУЛАГа или НКВД.

В силу указанных причин, связанных с конфликтом интересов руководства ГУЛАГа и НКВД, с одной стороны, и администрации лагерей – с другой, а также трудностей начального периода войны, трудовой потенциал лагерной системы в течение 1941–1942 гг. заметно сократился. Как отмечается в докладе Наседкина, в 1942 г. численность заключенных, годных к тяжелому и среднему физическому труду, снизилась до 36% от общей численности заключенных.

Такое снижение доли работоспособных заключенных заставило руководство ГУЛАГа принимать меры, о которых говорится в разделе «Мероприятия по улучшению физического состояния заключенных» доклада Наседкина. Ситуацию удалось в определенной степени улучшить к 1944 г. Так, жилая площадь была доведена в среднем до 1,8 м² на одного заключенного, а для «заключенных-рекордистов и отличников производства во всех лагерях и колониях выделены специальные бараки из расчета 3 м² жилой площади на человека, оборудованные койками с комплектом постельных принадлежностей» [3, с. 278–279].

В условиях войны ГУЛАГ перешел к непосредственной реализации и транспортировке в лагеря и колонии продовольственных товаров из централизованных фондов. Одновременно в ИТЛ и ИТК была проведена работа по созданию и расширению подсобных хозяйств, что привело к росту сельскохозяйственных посевных площадей (без учета специализированных сельхозлагерей) с 16 тыс. га в 1941 г. до 90 тыс. га в 1944 г. и росту сбора картофеля за этот период с 50 тыс. т до 102 тыс. т, овощей – с 26 тыс. т до 76 тыс. т, а зерновых – с 3 тыс. т до 35 тыс. т. Заметно увеличилось в лагерных подсобных хозяйствах и поголовье крупного рогатого скота (почти в 3 раза). При этом Наседкин признает, что существующая в 1944 г. норма питания заключенных (со всеми дополнительными пайками) была по калорийности на 30% ниже довоенной [3, с. 279–280].

Несмотря на то что промышленными колониями ГУЛАГа производились сотни тысяч и даже миллионы единиц зимнего и летнего обмундирования и обуви для заключенных, общая потребность лагерей и колоний в вещевом довольствии к 1944 г. была удовлетворена лишь на 70–80%. В докладе отмечается также, что за счет переработки пришедшей в негодность одежды и обуви в лагерях и колониях пошито 320 тыс. пар белья, 590 тыс. пар зимнего обмундирования и 1,4 млн пар разной обуви [3, с. 282].

В качестве важной задачи в докладе указано и восстановление физического состояния заключенных. К 1944 г. вследствие проведения специальных медико-санитарных мероприятий заболеваемость в ГУЛАГе снизилась до 16%, выходы заключенных на производство увеличились на 10% [3, с. 280–287].

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В целом следует отметить, что доклад начальника ГУЛАГа не отражает в достаточной мере поистине трагического положения заключенных лагерей в первые два года войны. Характерно, что данные об уровне заболеваемости в лагерях даны из расчета на год, в то время как единственное упоминание об уровне смертности в «пиковом» 1942 г. приводится в среднемесечном исчислении (2,1%), что было призвано затушевать чрезвычайно высокий годовой показатель смертности (24,9%).

* * *

Теперь обратимся к вопросу о производственной деятельности ГУЛАГа, его вкладу в экономику страны в годы войны.

Уже 26 июня 1941 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия направил письмо И.В. Сталину о пересмотре плана капитальных работ на 1941 г. в связи с началом войны⁶. В нем он предлагает пересмотреть план капитального строительства НКВД СССР на 1941 г., сократив объем работ на 2183 млн руб. (при плановом объеме на 1941 г. 7100 млн руб.). В первую очередь это относилось к стройкам, прилегавшим к районам военных действий, а также к объектам, строительство которых требовало участия иностранных партнеров. Так, в письме предлагается прекратить работы по цементным заводам (Теплоозерскому, Нерчинскому и Сучанскому), оборудование для которых должно было поступить из Германии, а также по ряду гидроэлектростанций (Боровичской, Ивановской и др.), для запуска которых требовалось шведское, немецкое и швейцарское оборудование. В письме предлагается также остановить прокладывание ряда водных путей и железных дорог. Освобождающиеся людские и материальные ресурсы Берия полагал целесообразным направить на укомплектование и ускорение строительства остающихся объектов и частично передать другим наркоматам (в частности Наркомцветмету).

Уже в последующие месяцы, когда положение на фронте стало быстро ухудшаться, эти планы пришлось корректировать. За годы войны на стройки и в лагеря НКВД были направлены свыше 2 млн заключенных. Большая часть из них работала на строительстве железных дорог – 448 тыс. человек, в лесной промышленности – 320 тыс., в промышленном строительстве – 310 тыс., в аэродромном и шоссежном строительстве – 268 тыс., в горно-металлургической промышленности – 171 тыс. человек [3, с. 276]. При этом основное внимание уделялось строительству авиационных заводов в Куйбышеве, металлургических комбинатов в Н. Тагиле, Челябинске, Актюбинске и Закавказье, Норильского комбината, Джидинского комбината, Богословского

6. ГА РФ. Ф. Р-5446. Он. 25а. Д. 7227. Л. 12–23.

алюминиевого завода, строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали, стратегической железной дороги Саратов – Сталинград, железной дороги Комсомольск – Совгавань, нефтеперегонного завода в Куйбышеве.

В годы войны часть заключенных работала на объектах, подчиненных главкам НКВД, другая часть была занята на контрагентских работах, выполняющих производственные задачи на стройках и в хозяйствах других ведомств. На первом этапе войны, как следует из архивных материалов, значительная часть запросов на контрагентскую рабочую силу ГУЛАГа оставалась неудовлетворенной.

Так, в ответе на запрос Госплана СССР от 17.08.1942, в котором содержалась просьба к руководству НКВД СССР выделить 1200 заключенных Наркомстрою для работ на заводе № 510 Наркомата химической промышленности в Кемерове, последовал отказ со следующей аргументацией: «НКВД СССР не располагает свободными контингентами рабочей силы по Новосибирской области. Все заключенные, занятые на работах в системе НКВД, используются на работах НКБ, НКАП⁷ и других Наркоматов, выпускающих оборонную продукцию. Все последующие поступления из тюрем также уже распределены»⁸.

На ряде объектов нехватка рабочей силы преодолевалась путем привлечения различных трудовых контингентов. Так, строительство Челябинского металлургического завода – одного из важнейших объектов промышленного строительства ГУЛАГа, начавшееся в конце 1941 г., требовало концентрации значительных трудовых ресурсов. Они включали различные категории спецконтингента, к которым относились и заключенные Челябинлага (в среднем от 5 тыс. до 15 тыс. человек), мобилизованные советские немцы (их рабочие колонны насчитывали примерно 20–23 тыс. трудармейцев) и с 1943 г. – военнопленные (8–12 тыс. человек) [2, с. 45].

Напряженная ситуация с рабочей силой ГУЛАГа в течение первых двух лет войны объясняется рядом факторов: передачей больших контингентов заключенных в Красную Армию, чрезвычайно высокой смертностью в лагерях, масштабом строительства оборонных объектов. Эти процессы отразились и в динамике суммарной численности заключенных ИТЛ и ИТК в годы войны: 1941 г. – 1 929 729 з/к, 1942 г. – 1 777 043, 1943 г. – 1 484 183, 1944 г. – 1 179 819, 1945 г. – 1 460 677 з/к [4, с. 129–130]. Определенную роль сыграла и хаотичность первого года войны, когда огромные массы заключенных перемещались в новые места дислокации лагерей, шла перестройка промышленности на военный лад, разворачивались эвакуированные предприятия.

7. НКБ – Наркомат боеприпасов СССР, НКАП – Наркомат авиационной промышленности СССР.

8. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 34. Л. 415. Орфография оригинала сохранена.

Ситуация с нехваткой рабочей силы в промышленности и строительстве существенно изменилась в 1944 г. Об этом можно судить на основе целого ряда архивных документов. Наиболее емко характеризует эту ситуацию докладная записка начальника Центрального финансового отдела НКВД СССР Л.И. Берензона об излишней рабочей силе на стройках и предприятиях НКВД, направленная в ноябре 1944 г. наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии⁹. В документе отмечается, что, хотя обеспеченность ряда крупнейших лагерей и строек НКВД рабочей силой достигла 100 и больше процентов, на эти объекты продолжает завозиться рабочая сила «как заключенные и военнопленные, так и бывшие окруженцы».

В результате в 1944 г. лагерная рабочая сила из заключенных выделялась уже для 640 предприятий и строек других наркоматов, в то время как до войны заключенные работали только на 350 предприятиях. Об интенсификации работы заключенных в годы войны можно в определенной степени судить по данным, которые приводит в своем докладе Наседкин: выработка на один человеко-день увеличилась с 9,5 руб. в 1940 г. до 21 руб. в 1944 г. [3, с. 277].

Важнейшим вкладом в военную экономику страны в годы войны было производство боеприпасов. Только за три года войны общий выпуск всех видов боеприпасов предприятиями ГУЛАГа составил более 70 млн единиц, в том числе: мин М-82 и М-120 – 25,5 млн штук, ручных гранат и запалов – 35,8 млн, противопехотных мин – 9,2 млн, авиабомб – 100 тыс. штук. Тем самым НКВД СССР выдвинулся на второе место среди наркоматов по выпуску осколочно-фугасных мин.

Заключенные 35 промышленных колоний были переброшены в 1941–1942 гг. на выпуск осколочно-фугасных мин «М-50» и ручных гранат «РГД-33». Несмотря на ограниченность станкооборудования, низкую культуру производства и недостаток инженерно-технических кадров, задания Правительства по выпуску боеприпасов в 1941 г. были выполнены на 138%, было произведено 770 000 штук мин и гранат, а в 1944 г. количество выпускаемых боеприпасов в квартал исчислялось уже в 10 млн единиц [3, с. 290–291].

Еще один вид продукции для нужд фронта, в производстве которой НКВД СССР занимал второе место среди всех наркоматов – спецукупорка, предназначенная для упаковки различных боеприпасов. С первых дней войны на производство спецукупорки было переключено 58 промышленных деревообрабатывающих колоний ГУЛАГа. Начав в 1941 г. выпуск упрощенной пороховой и патронной укупорки, предприятия ГУЛАГа освоили в 1942 г. более сложную спецукупорку, предназначенную для упаковки снарядов, мин,

9. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2000. Лл. 195–196.

авиабомб. За три года войны силами заключенных было изготовлено 20,7 млн комплектов спекукупорки, задание ГКО было выполнено на 107%. При этом выпуск в 1943 г. вырос в 2,8 раза по сравнению с 1941 г. Существенно, что производство спекукупорки обеспечивалось пиломатериалами за счет собственных лесозаготовок [3, с. 291–292].

Предприятия ГУЛАГа первыми в стране освоили производство комбинированных источников питания – аппаратов «КИП» для раций войск связи Красной Армии. Изготовлено было 500 тыс. катушек для полевого телефонного кабеля, 1,700 млн масок для противогазов и др. На 20 предприятиях ГУЛАГа было пошито 22 млн единиц обмундирования для Красной Армии [3, с. 292]. (Напомним, что с лета 1942 г. и до конца войны численность армии была в среднем 11 млн человек.) Только в 1944 г. ГУЛАГ построил 24 новых аэродрома с твердым покрытием, восстановил 35 аэродромов в районах, освобожденных от немецкой оккупации¹⁰.

Как отмечено в докладе начальника ГУЛАГа, производительность труда в 1943 г. по сравнению с 1941 г. поднялась на 80%. Годовая выработка на одного рабочего в экономике ГУЛАГа возросла с 5600 руб. в 1940 г. до 10 500 руб. в 1944 г. Объем товарной продукции, выпущенной промышленными предприятиями ГУЛАГа за три года войны, в отпускных ценах выразился в 3,651 млрд руб., сельскохозяйственной продукции – в 1,188 млрд руб., поступления за выделяемую рабочую силу другим наркоматам – 2,570 млрд руб. [3, с. 295]. На контрагентских работах на 1 января 1945 г. было занято 265 140 человек¹¹. В 1944 г. заключенные добыли 70,534 т золота¹².

Об отраслевой структуре промышленной продукции ГУЛАГа можно судить по данным за 1942 г.: по стоимости товарной продукции удельный вес цветной металлургии был 26,8%, лесной промышленности – 14,8, швейной – 14,0, металлообработки – 7,8, деревообработки – 6, топливной промышленности – 5% и т.д.¹³

Как утверждает начальник ГУЛАГа, хозяйственные подразделения ГУЛАГа осуществляли свою производственную деятельность и содержание заключенных на основе полной самоокупаемости¹⁴.

10. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 242.

11. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 60.

12. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 243.

13. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 44а. Д. 4884. Л. 35.

14. Отметим, что уже в первые годы после войны руководство ГУЛАГа и МВД СССР обращались к руководству страны с просьбой перевести ГУЛАГ на госбюджет, поскольку достичь самоокупаемости лагерной системы не удастся. Об этом см.: 1, с. 129–156.

* * *

Суммируя сказанное, следует отметить, что в условиях войны, когда мобилизационная экономика СССР перешла в предельно напряженный режим, экономическая роль ГУЛАГа возросла. Контингенты ГУЛАГа, работая как на объектах, порученных главкам НКВД, так и на предприятиях и строительных других наркоматов, внесли существенный вклад в производство боеприпасов, добычу цветных металлов, угля и нефти, пошив обмундирования для Красной Армии, строительство оборонных предприятий, аэродромов, шоссейных и железных дорог. При этом около 1 млн заключенных были направлены в ряды Красной Армии, а еще около 1 млн скончались за годы войны ввиду высокой смертности, сопутствовавшей тяжелым условиям жизни и труда в лагерях. Вместе с тем численность рабочей силы ГУЛАГа не превышала 10% от численности всех занятых в промышленности и строительстве. Очевидно, в терминах ВВП или объема промышленного производства вклад ГУЛАГа измерялся несколькими процентами. Лагерные контингенты практически не привлекались к производству танков, самолетов, артиллерийских орудий, автомобилей, а также многих видов «гражданской» продукции. Однако на нескольких прорывных направлениях военной экономики, о которых шла речь выше, вклад ГУЛАГа трудно переоценить.

Литература

1. Бородкин Л.И. Труд в ГУЛАГе: Между принуждением и стимулированием // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. – М., 2005. – 318 с.
2. Бородкин Л.И., Цепкалова А.А. «В срок и досрочно»: Контингенты ГУЛАГа на строительстве Челябинского металлургического завода // Уральский исторический вестник. 2011. – № 1 (30). – С. 41–49.
3. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2002. – 885 с.
4. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. / Т. 4. Население ГУЛАГа: Численность и условия содержания / Отв. ред. А.Б. Безбородов, В.М. Хрусталева. – М., 2004. – 623 с.
5. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Отв. за вып. Е.А. Зайцев. – М., 1993. – 224 с.
6. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: Масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. – М., 2005. – С. 67–89.
7. Эртц С. Лагерная система в 1930–1950-е годы: Эволюция структуры и принципов управления // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Под ред. Л. Бородкина, П. Грегори, О. Хлевнюка. – М., 2005. – С. 90–128.

Е.Я. Виттенберг

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИИ*

Виттенберг Евгений Яковлевич – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Генезис и развитие отечественного предпринимательства довольно активно исследуются российскими учеными [1; 2; 3; 4; 9; 11; 17]. Однако в историографии этой темы остаются заметные лакуны. Так, социально-экономические и морально-этические предпосылки социальной ответственности бизнеса (СОБ) находятся практически вне поля зрения историков (исключение составляет лишь проблема благотворительности) [см.: 7; 10; 21].

Как и во всякой стране, на протяжении многих веков в России существовали и социально ответственные, и социально безответственные предприниматели. Предприниматели всегда осуществляли свою деятельность в определенном социальном контексте и по определению не могли полностью игнорировать отношения с обществом¹.

В основе этих отношений, как правило, лежали религиозные идеи. Уже в Библии мы находим немало достаточно актуально звучащих высказываний о роли человека-производителя. Особый интерес представляют послания апостола Павла, в которых осуждаются неэффективность и лень и, наоборот,

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, осуществляемого при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00282а). Основной конкурс 2015 г. Виттенберг Е.Я. «Социальная ответственность бизнеса в России: Генезис, специфика, этапы развития».

1. Автор данной статьи является сторонником концепции, согласно которой социальную ответственность бизнеса нужно трактовать шире, чем это обычно принято, и включать в него ответственность предпринимателей не только, скажем, за качество продукции или взаимоотношения с работниками, но и за судьбу страны в целом. И эту ответственность предприниматели (пусть не в равных пропорциях) делят с властью и институтами гражданского общества.

воздается должное труду земледельцев, ремесленников и купцов. Основопологающим здесь является тезис о том, что только личный труд может обеспечить благосостояние человека: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (5, Мф.: 10, 10). В то же время, согласно постулатам Библии, тот, кто работает, должен быть материально обеспечен: «трудящийся достоин пропитания».

В Библии неоднократно подчеркивается необходимость честного ведения дел и содержатся предостережения от получения богатства неправедными путями. В «Притчах Соломоновых», в частности, отмечается, что «лучше немного с правдою, нежели много прибытков с неправдою» (5, Пр.: 16, 8). Основой для формирования культуры богатства и социально ответственного поведения может служить содержащееся в Библии осуждение тех, кто купается в роскоши.

Наконец, в Библии содержится много положений о необходимости помогать бедным, сиротам, вдовам, т.е. сформулированы нравственные основы благотворительной деятельности (5, Пр.: 3, 27; 5, Пр.: 3, 28; 5, Лк.: 6, 30; 5, Лк.: 6, 35).

Правоммерно полагать, что социально ответственное поведение предпринимателей всегда генерировалось морально-нравственными постулатами, сформулированными в религиозных документах и базирующимися на общечеловеческих ценностях. В связи с этим можно говорить о существовании в России на протяжении многих веков до-рациональной, окрашенной в религиозные тона, социальной ответственности деловых людей, когда они руководствовались пониманием требований Бога и целей общественного блага.

Специфической чертой отечественного бизнеса, отличавшего его от бизнеса в развитых странах, было то, что он на протяжении всей своей истории от зарождения до Февральской революции 1917 г. находился в полной зависимости от государства. Более того, условия, в которых работали предприниматели в России, детерминировались персональной позицией русских князей и царей. Если правители поощряли предпринимательство, то бизнес развивался, а если не поощряли, то он деградировал.

Так, например, большой урон предпринимательству нанесли параноидальные деяния Ивана Грозного. Пресловутое деление страны на опричнину и земщину сопровождалось разорением значительной части страны и казнями десятков тысяч не только представителей правящего класса, но и ремесленников и купцов. Только в 1569 г. под предлогом борьбы с заговорами были лишены имущества и казнены состоятельные жители Клина, Торжка, Твери и Вышнего Волочка. А в Великом Новгороде, по данным Н.М. Карамзина, были зверски убиты без следствия и суда не менее 60 тыс. граждан [13, с. 265].

В то же время ответственность предпринимателей перед властью в ряде аспектов непосредственно или опосредованно экстраполировалась и на

общество. Так, налоги, собираемые с предпринимателей, шли не только на содержание самой власти, но и на общественные нужды: строительство школ, больниц, домов призрения, дорог и т.д. Такие требования государства к бизнесу, как честное ведение торговли, производство качественных товаров, также повышали ответственность предпринимателей перед обществом. Тем не менее, подчеркнем еще раз, ответственность предпринимателей перед обществом была вторичной и не была столь жестко обязательной как ответственность перед властью.

Каким же образом зарождалась и развивалась социальная ответственность отечественного предпринимательства в период до Октября 1917 г.?

Как свидетельствуют различного рода письменные источники и артефакты, предпринимательская деятельность в Древней Руси в форме прежде всего торговли, а также ремесленничества и промыслов появилась уже в VI–VIII вв. Тогда же выявились и случаи недобросовестного ведения дел вплоть до грабежа покупателей купцами. Косвенным подтверждением такого рода действий отдельных купцов служит договор 907 г., заключенный князем Олегом с византийскими императорами. В нем содержалось требование, чтобы торговые люди, прибывавшие в Византию из Руси, не «творили пакости», не занимались грабежом и насилием [12, с. 15].

Позитивно повлияло на развитие социальной ответственности предпринимательства принятие христианства на Руси. Церковь всячески покровительствовала торговле и ремеслам. Более того, монахи, будучи наиболее образованной частью общества, являлись распространителями новых производственных навыков и технологий в строительстве, ремеслах и земледелии.

Трудно переоценить роль церкви в формировании системы ценностей и ответственного поведения зарождавшегося класса предпринимателей. Призывая последних честно вести дела и платить налоги, качественно строить и производить, церковь провозглашала каждый обман грехом, за которым может последовать божья кара. И конечно, призывая к гуманизму и милосердию, церковь сыграла выдающуюся роль в развитии благотворительности предпринимательского слоя.

О масштабах предпринимательской деятельности, о существовании правовых основ социально ответственного поведения предпринимателей средневековой Руси свидетельствует «Русская Правда», относящаяся к XI–XII вв. В этом своде законов содержались положения о юридической защите капитала и собственности, статьи, регламентирующие взаимоотношения между работодателем и работником, между кредитором и заемщиком и т.д.

Значительные масштабы приобрели торговля в кредит и ростовщичество. При этом нередко алчные ростовщики выдавали заемщикам средства под огромные проценты, что вызывало обоснованное возмущение в обществе и привело к восстанию в Киеве в 1113 г. Восстание было одним из первых

исторических примеров того, как безответственное поведение предпринимателей может привести к социальной нестабильности.

Но были и примеры иного рода. О высоком уровне ответственности средневековых мастеров за качество своей работы свидетельствуют сохранившиеся шедевры строительства. Среди них можно назвать церковь Покрова на Нерли (1165), церковь Петра и Павла на Синичьей горе (1185), Золотые ворота во Владимире (середина XII в.), Московский Кремль (XV в.). Правда, исторические источники свидетельствуют и о том, что и в строительстве в те времена нередко наблюдались непрофессионализм и безответственность. Так, в летописях XIV в. говорится: «В Коломне только что окончили каменную церковь, как она упала», «в Новгороде, едва успели мастера, окончивши работы, сойти с церкви св. Иоанна Златоуста, как она упала» [21, с. 543].

В тот период в «Русской Правде» содержались статьи, закладывающие основы социально ответственного поведения, в частности перед партнерами по бизнесу. Так, в статье 54 говорилось о том, что утрата купцом взятых в долг денег (видимо, имелась в виду утрата в результате стихийных бедствий, пожаров, войн и т.д.) не влечет за собой уголовной ответственности и заемщик имеет право расплатиться с кредитором в рассрочку. Если же это произошло в результате безответственного поведения купца (например, пьянства), то его имущество могло быть продано в пользу кредитора, и он сам мог быть продан в холопы [см.: 14; 1].

В «Житии святого Стефана» (XIII в.), являвшегося предпринимателем, а в конце своей жизни – епископом в Перми, содержится «Плач земли Пермской на смерть Стефана». В нем есть такие строки: «Теперь мы лишились доброго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасении душ наших, а князю доносил наши жалобы, хлопотал о наших льготах, о нашей пользе; пред боярами и всякими властями был нашим теплым заступником, часто избавлял нас от насилий, работы и тиунской продажи, облегчал от тяжелой дани» [см.: 21, с. 343].

В Средние века в авангарде СОБ находились монастыри, занимавшиеся предпринимательской деятельностью. Среди них необходимо, прежде всего, назвать подмосковный Троице-Сергиевский, суздальский Спасо-Евфимьев, вологодский Глушецкий и Кирилло-Белозерский. И с большой долей уверенности можно предположить, что монастыри, руководствовавшиеся в своей предпринимательской деятельности библейскими заповедями, вели свой бизнес честно, торговали по божеским ценам, выдавали кредиты под щадящий процент и т.д.

Экспорт из Руси в Средние века не только сырья (пенька, воск, мед, лен), но и готовой продукции ремесленников (полотно, изделия скорняков, гончаров и ювелиров, оружие, кольчуги, колокола) также свидетельствует, что российские предприниматели заботились о качестве своей продукции. Это

мотивировалось не только требованиями конкуренции как таковой, но и стремлением соблюсти православную добродетель. В Новгороде еще в XIV в. возникли первые подобию рассеянной мануфактуры в текстильном производстве, где существовали договорные отношения работодателей с работниками и определенный уровень взаимной ответственности между ними, а также ответственности перед потребителями за качество продукции.

Исторические источники донесли до нас и многочисленные факты, свидетельствующие о том, что состоятельные люди в России, в том числе промышленники и купцы, испокон веков осуществляли благотворительные акции. Особенно ярко это проявлялось во время различного рода стихийных бедствий: эпидемий, пожаров и т.д. Так, во время эпидемии холеры, обрушившейся на Россию во времена правления Б. Годунова, районам, пострадавшим от этого бедствия, оказывалась разнообразная помощь, в которой принимали участие и тогдашние предприниматели. Эта помощь заключалась, например, в посылке из Поволжья зерна в Москву, Смоленск и другие города, охваченные эпидемией, в выделении пострадавшим значительных денежных средств и т.д. [6, с. 26].

В.О. Ключевский писал: «На земских соборах XVII в., как и в сословных совещаниях с правительством, видели мы, как торгово-промышленные люди в лице своих выборных представителей являются единственным классом общества, в котором еще светился политический смысл, пробивалось гражданское чувство, понимание общего блага» [14, IV, с. 103].

Как и в других случаях, социально ответственное поведение предпринимателей сочеталось с социально безответственным. Так, царь Михаил Романов в 1613 г. обвинял в отсутствии патриотизма купцов, которые не оказывали помощь народному ополчению К. Минина и Дм. Пожарского. В связи с этим властям нередко приходилось принудительно взыскивать с них средства.

В эпоху Петра I были заложены основы ответственности предпринимателей перед государством и обществом. Именно при Петре начался активный процесс формирования класса предпринимателей, возникли предпринимательские объединения – компании, стало уделяться повышенное внимание производству качественной и конкурентоспособной продукции, начали внедряться идеи рационального использования природных ресурсов, изменилось отношение к уплате налогов. В годы правления Петра началось также юридическое оформление договоров между предпринимателями и работниками-мастерами, в которых детально прописывались условия сотрудничества. По сути дела это были первые трудовые соглашения.

Вместе с тем Петр I по существу свел на нет ответственность предпринимателей перед значительной частью работников, подписав в 1721 г. указ, согласно которому владельцам предприятий разрешалось покупать для своих

заводов крепостных крестьян. Как справедливо отмечал Е. Анисимов, этот указ способствовал «превращению промышленных предприятий, на которых зарождался капиталистический уклад, в предприятия крепостнические, в разновидность феодальной собственности – своеобразную вотчинную мануфактуру, на которой рабочие эксплуатировались как на господской пашне» [цит. по: 12, с. 194].

Следует отметить, что в период правления Петра I государство само чрезвычайно жестко контролировало предпринимателей и подвергало их мелочной опеке. Контроль за деятельностью предприятий осуществлялся Мануфактур-коллегией и Берг-коллегией. Мануфактур-коллегия он предписывал вести дела с фабрикантами «не предложением одним, но и принуждением» [13, с. 4, 103]. Это, с одной стороны, способствовало формированию у предпринимателей чувства ответственности перед государством и обществом, но, с другой – практически полностью лишало их самостоятельности.

Несмотря на жесткие, а часто и жестокие меры, Петру далеко не всегда удавалось добиться от всего предпринимательского сословия ответственного поведения. Промышленники нередко выпускали некачественную продукцию, занимались подкупом чиновников, стремились уйти от налогов, иными словами, демонстрировали явную социальную безответственность.

Не удалось Петру I добиться от предпринимателей и экологически ответственного поведения. Наличие в стране гигантских природных ресурсов и возникшее на этой почве ошибочное представление об их неисчерпаемости, существующее до сих пор в общественном сознании, привели к крайне нерациональному их использованию. Вот лишь один пример, описанный Ключевским: «Предписано было везти к Петербургу вышневолоцкою системою дубовый лес для балтийского флота: в 1717 г. Это драгоценное дубье, среди которого иное бревно ценилось тогдашних рублей во сто, целыми горами валялось по берегам и островам Ладожского озера, полузанесенное песком...» [14, IV, с. 110].

Спустя 100 лет маркиз де Кюстин констатировал, что и при Николае I в России проявлялось варварское отношение к природе: леса «истребляются беспорядочно», заметное обмеление рек, «причина которого лежит в хищнической рубке деревьев вдоль их течения и в бессистемном сплаве леса» [15, с. 304].

При Екатерине II были предприняты шаги по повышению социального статуса предпринимателей. Особую роль в этом сыграл манифест 1775 г., в котором были определены новые принципы сословного деления городского населения. Согласно этому указу, купечество было освобождено от подушной подати и обложено гильдейской пошлиной в размере 1% от объявленного самими купцами «по совести» капитала. Казалось бы, в этой ситуации российское купечество должно было всячески заботиться о своем капитале, тем,

чтобы минимизировать гильдейскую пошлину. Однако этого не произошло, поскольку купцы очень дорожили доверием, которое им было оказано императрицей. Подобная ситуация свидетельствовала о том, что государство пыталось с помощью технологий доверия воспитывать в предпринимателях чувство ответственности.

Во времена правления Екатерины II можно найти многочисленные примеры социально ответственного поведения как властей, так и деловых кругов того времени, которое на современном языке можно назвать частно-государственным партнерством. Это партнерство проявлялось, например, в периоды борьбы с природными катаклизмами и эпидемиями. Так, благодаря Екатерине II и усилиям столичных предпринимателей была построена целая сеть каналов и отводных канав для борьбы с наводнениями в Санкт-Петербурге, сопровождавшимися гибелью людей.

Другой пример: во время московской эпидемии чумы (1770–1772) на борьбу с болезнью царица выделила весьма большие по тем временам средства – 100 тыс. руб. и поручила справиться с этой чрезвычайной ситуацией графу Г. Орлову. Граф привез в Москву специалистов, которые вместе с представителями всех социальных слоев города, включая предпринимателей, образовали совет, координировавший работу по борьбе с инфекцией [6, с. 26].

С конца XVIII в. дух предпринимательства в той или иной степени захватывает все слои российского общества, даже крепостных крестьян, выкупавших у своих владельцев свободу. И, естественно, в силу различий в социальном статусе, воспитании, образовании, морально-этических и религиозных представлениях предприниматели демонстрировали многообразие в понимании своей социальной роли и социальной ответственности. Еще раз подчеркнем, что среди представителей каждого сословия, занимавшегося предпринимательской деятельностью, были и социально ответственные предприниматели, исправно платившие налоги, честно ведущие бизнес, выпускающие качественную продукцию, и безответственные, уходящие от налогов, обманывающие партнеров и граждан, запускающие руку в государственную казну и т.д. «Недобросовестность печально отражается на всем, и в особенности на коммерческих делах», – писал по этому поводу Астольф де Кюстин [15, с. 247].

Вместе с тем Кюстин отмечал высокий уровень честности у предпринимателей – крепостных крестьян. Под впечатлением посещения Нижегородской ярмарки он писал: «Главные торговые деятели ярмарки – крепостные крестьяне. И вот с ними заключаются сделки на слово на огромные суммы. Эти рабы-миллионеры, эти банкиры-крепостные не умеют ни читать, ни писать, но недостаток образования восполняется у них исключительной сметливостью». И далее: «Никто не помнит, чтобы крестьянин обманул доверие имеющего с ним торговые дела купца» [15, с. 289].

Де Кюстин приводит и содержание своих разговоров с помещиками по поводу положения крепостных, работавших на вотчинных мануфактурах. «У них нет никаких забот, – говорили они Кюстину, – все заботы о них и об их семьях лежат на нас... Ведь они и их дети обеспечены всем необходимым...» [15, с. 227]. Возможно, что ситуация, в которой помещики-предприниматели выступали в роли *bonus pater familias* (доброго отца семейства – лат.) по отношению к крепостным рабочим и имела место в российской практике, однако это было скорее исключением, чем правилом.

А правило было таковым, что подавляющее большинство владельцев мануфактур нещадно эксплуатировали бесправных крепостных работников. При этом власти и законы того времени практически не регламентировали отношения владельцев мануфактур с крепостными рабочими. Тысячи крепостных рабочих преждевременно умирали от непосильного труда, болезней, голода, производственных травм. И совсем не случайно среди участников крестьянского восстания под предводительством Е. Пугачёва было немало рабочих уральских заводов.

В первой половине XIX в. в России начался промышленный переворот, заключавшийся в переходе от мануфактурного производства к фабричному производству, основанному на машинном труде. Этот переход в условиях крепостничества и самодержавной власти приобрел затяжной характер, что наряду с более поздним его началом предопределило отставание страны в ее развитии от передовых стран.

Переход к машинному производству сопровождался и переходом к вольнонаемному труду. Однако в стране продолжал сохраняться достаточно мощный сектор промышленного производства, основанного на подневольном труде крепостных крестьян, работавших на вотчинных предприятиях.

В эпоху, начавшуюся после 1861 г. и продолжавшуюся до 1917 г., роль предпринимателей существенно возросла. Относительно свободное развитие отечественного бизнеса в указанный период проявилось в первую очередь в изменении торгово-промышленного законодательства. Новые законы постепенно вводили в российскую практику бессословность, равноправие перед законом и свободу российских граждан в занятиях торговлей и промышленностью. И хотя реформы были внутренне противоречивы, а в 80–90-е годы XIX в. подверглись некоторому пересмотру в сторону их ослабления, они способствовали формированию правового государства, осуществлению раннеиндустриальной модернизации страны и развитию социальной ответственности бизнеса.

При этом необходимо помнить, что даже передовой российский бизнес, равнявшийся на европейские образцы и составлявший явное меньшинство в предпринимательской среде, нередко не уделял должного внимания главному в условиях назревавших революций – улучшению условий труда и быта

рабочих, их социальной защите, соблюдению их прав, не был озабочен первоочередной задачей смягчения социальной напряженности даже на уровне своих предприятий.

Большинство же предпринимателей не было озабочено необходимостью социально ответственного поведения. В погоне за прибылью они нарушали права рабочих, варварски относились к природе, подкупали чиновников, занимались казнокрадством и т.д. Вот, что писал в 1916 г. издатель Ф. Чижев о крупнейших российских предпринимателях Н. Путилове и В. Кокареве: «У обоих для достижения целей все средства позволительны: подкуп их главнейший источник, потом ложь... Одним словом, тут ни о каком нравственном чувстве нет и помину... ни одному слову ни того, ни другого нельзя дать веры ни на одну копейку» [цит. по: 21, с. 9–10]. Известный предприниматель С. Морозов презрительно называл российских предпринимателей и купцов «волчьей стаей» [16].

Процесс развития СОБ после отмены крепостного права шел очень сложно. Прежде всего это видно на примере взаимоотношений труда и капитала, которые характеризовались глубокими противоречиями, нежеланием сторон искать и находить компромиссы, и вина за это в основном лежала на буржуазии, которая в своем большинстве была алчной и недальновидной, с притупленным инстинктом самосохранения.

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. предприниматели всячески препятствовали процессу становления рабочего законодательства, улучшающего положение трудящихся, а если это им не удавалось и законы все-таки принимались, то они боролись за их отмену или пересмотр, медлили, а то и откровенно саботировали их осуществление. Иногда власть в вопросах рабочего законодательства была более прогрессивной и ответственной по сравнению с основной массой предпринимателей. Нередко она, осознавая необходимость поддержания социальной стабильности в стране и под давлением рабочего движения, выступала с ответственными законодательными инициативами, которые буржуазия принимала буквально в штывы.

Характерным подтверждением подобной политики российской буржуазии может служить многолетняя борьба между трудом и капиталом по вопросам социального страхования рабочих. Еще в 1880 г. под давлением рабочего движения правительство приступило к разработке закона об ответственности владельцев предприятий за несчастные случаи с рабочими, случившимися на производстве. Но понадобилось 23 года для того, чтобы лишь в 1903 г. был принят закон об ответственности предпринимателей за увечья рабочих из-за противодействия буржуазии. И хотя этот закон предполагал минимальные размеры пенсий и пособий рабочим в случае полной или частичной потери трудоспособности, он тем не менее вызвал серьезное недовольство предпринимательских кругов, которые всячески добивались отсрочки его введения.

В результате социальной безответственности царизма и буржуазии в России сохранялись самый продолжительный в Европе рабочий день и один из самых низких уровней заработных плат, широко применялся женский и детский труд, свирепствовала изощренная система штрафов, по сути дела отсутствовала охрана труда и т.д. Такое недальновидное и эгоистичное отношение властей и бизнеса к рабочим ускоряли консолидацию и организацию трудящихся в борьбе за свои права. Рабочий класс, пополнявшийся в основном за счет крестьянства, воспитанного в духе общинного коллективизма и идей христианской справедливости, легко поддавался организации и раньше, чем буржуазия, заявил о себе на политической арене.

Что касается буржуазии, то на пути ее превращения в главную и социально ответственную силу общества стояло самодержавие, хотя политика царизма по отношению к буржуазии была довольно противоречивой. С одной стороны, царское правительство, исходя из потребностей экономического развития, понимало необходимость обсуждения с предпринимателями вопросов промышленной политики. С другой стороны, оно ограничивало общественные функции и полномочия предпринимательских организаций, отводя им совещательную или экспертную роль.

Тем не менее эта ситуация устраивала значительную часть бизнеса, который вырос под крылом самодержавия и не хотел, а скорее не был готов взять на себя всю полноту власти и ответственности за судьбы страны. Часть бизнеса, исповедовавшая либеральные ценности, была относительно небольшой и не пользовалась в обществе сколько-нибудь значительным влиянием. Это, в частности, показала и буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг., которой буржуазия не только не воспользовалась для взятия власти, но и вместе с царизмом выступила единым фронтом в подавлении революции.

В результате революции в положении рабочих произошли позитивные изменения: поднялась заработная плата, уменьшился до 9–10 часов рабочий день, стали чаще заключаться коллективные договоры с предпринимателями, были разрешены экономические стачки и т.п. На все эти позитивные подвижки российский бизнес шел под большим давлением как снизу со стороны трудящихся, так и сверху со стороны властей, боявшихся новой революции.

Но опять-таки далеко не все предприниматели были безответственны в своих взаимоотношениях с работниками. Их передовая часть выступала за сокращение рабочего дня и улучшение условий труда. На некоторых предприятиях (к сожалению, очень немногих, например на Московском котельном заводе А. Бари) начиналась зарубежная практика привлечения рабочих к участию в прибылях; улучшались условия жизни рабочих (С. Морозов выстроил для рабочих хорошее жилье, организовал медицинскую помощь работникам и их семьям, открыл школы для детей рабочих);

проявлялась забота о росте культурного и профессионального уровней рабочих (Э. Нобель в 1901 г. построил в Санкт-Петербурге специальное здание для чтения рабочим научно-популярных лекций).

Такие формы принятия предпринимателями добровольной социальной ответственности как благотворительность и меценатство достаточно исследованы в отечественной историографии, но хотелось бы отметить три важных момента, которые выпадают из поля зрения исследователей.

Первый момент связан с тем, что для некоторых российских предпринимателей получение прибыли было менее значимым, чем социальная польза их деятельности. Подобное явление сейчас можно наблюдать лишь у части бизнесменов в развитых странах, когда они отказываются от инвестиций в высокодоходные производства (например, производство алкоголя, табака) и вкладывают средства в низкодходные, а иногда даже убыточные, но полезные для общества.

Второй момент проявился в том, что все или почти все заработанное отдельные предприниматели отдавали не наследникам, а на благо всего общества. Так, М. Третьяков писал, что стремился «...наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось также к обществу (народу) в каких-то полезных учреждениях» [20, с. 194]. Известный предприниматель Г. Солодовников сделал крупнейшее в истории российской дооктябрьской благотворительности пожертвование: из оставленного им наследства в 21 млн руб. родственники получили 815 тыс. руб., остальное предназначалось малоимущим слоям населения [7, с. 25–26].

Третьим интереснейшим явлением в социально ответственном поведении предпринимателей было то, что они переходили от простых форм благотворительности (раздача материальных и денежных средств) к более сложным, заключающимся в помощи неимущим в получении образования и профессии с тем, чтобы они могли самостоятельно решать свои проблемы.

Можно сказать, что передовые представители российского предпринимательства предвосхитили новейшие мировые тренды в социальной ответственности бизнеса.

Все эти позитивные явления не отменяют того очевидного факта, что российские предприниматели как класс несут свою немалую долю ответственности за Октябрьский переворот 1917 г. Молодые амбициозные буржуазные политические партии еще не обладали необходимой политической культурой, опытом управления огромной страной, осознанием своей ответственности за судьбы общества и не смогли объединиться для решения назревших проблем общества. У власти и у бизнеса в целом не было понимания смертельной опасности, исходившей от надвигавшегося государственного переворота. Можно сказать, что в этом проявился апофеоз их социальной безответственности.

В итоге если оценивать социальную ответственность и безответственность российских предпринимателей на весах Фемиды, то вторая, безусловно, превалировала. А главным доказательством безответственного социального поведения бизнеса по большому счету является тот факт, что значительная часть рабочего класса поддержала Октябрьский переворот, приведший к Гражданской войне и стоивший обществу неисчислимых жертв.

В отличие от буржуазии западных стран российская буржуазия не превратилась в силу, стремящуюся консолидировать различные сегменты общества и определить ход модернизационных процессов. Исторически сложилось так, что буржуазия в России формировалась из различных социальных источников и так и не смогла преодолеть культурно-идеологическую разнородность. Предприниматели, вышедшие из дворянства, имели свою систему социокультурных ценностей, отличавшихся в своей массе постфеодальным привкусом. Предприниматели – выходцы из крестьянства сохраняли атавизмы общинного сознания. Предприниматели, выросшие из купечества, несли на себе родовые пятна худших традиций предпринимательства, компрометировавшие их в глазах общественности.

Разнородность и разобщенность среди российской буржуазии наблюдались и внутри каждого ее слоя. Так, в каждом слое были передовые предприниматели с широким кругозором, получившие хорошее образование и воспитание. С конца XIX в. им были свойственны типичные черты представителей западного бизнеса: понимание механизмов работы рынка, логики конкуренции и экономических процессов в целом, рациональность мышления и практических действий.

В то же время среди предпринимателей были невежды, самодуры, безмерно тщеславные люди. Целые купеческие династии, у которых полностью отсутствовала культура использования богатства, стали известны своим асоциальным поведением – пьяными оргиями, скандалами и т.д. Самыми известными среди них были Мамонтовы и Хлудовы. В обществе даже появились такие понятия, как «мамонтовщина» и «хлудовщина».

Низкий уровень СОБ детерминировался еще и тем, что большинство отечественных предпринимателей испытывали весьма сложное состояние когнитивного диссонанса двух видов. Первый вид был связан со столкновением в их сознании ценностей различных формаций, а именно, ценностей буржуазного общества (рынок, конкуренция, прибыль) и атавизмов ценностей феодального общества (патриархальный образ жизни, идеи уравнилельной справедливости).

Второй вид когнитивного диссонанса рождался при столкновении в сознании бизнесменов земных материальных ценностей (богатство, капитал) с ценностями духовными, построенными на осуждении богатства.

Приоритет духовно-нравственного начала над материальным доминировал в сознании большинства православных предпринимателей.

На Западе двигателем предпринимательства было обращение (в результате Реформации) к земным ценностям, а условием спасения души и попадания в рай являлись успешная предпринимательская деятельность на благо общества, протестанская этика. Российские предприниматели, исходя из постулатов православия, признавали греховность богатства, а коммерческий успех не закрывал вопрос о его моральной цене [12, с. 158–159].

По свидетельству П. Бурышкина (известного дореволюционного промышленника), отношение предпринимателей к своему бизнесу было иным, чем на Западе: «На свою деятельность они смотрели не только или не столько, как на источник наживы, а как... своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти и в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного долга» [8, с. 100].

Это высказывание Бурышкина верно лишь отчасти. Многим российским предпринимателям вера не мешала обогащаться за счет жестокой эксплуатации трудящихся².

Тем не менее за многовековое существование предпринимательства в России в нем возникли семена и первые ростки социальной ответственности, которые были уничтожены после Октябрьского переворота. Этот трагический для страны феномен не отменяет однако того факта, что социальная ответственность бизнеса в России имеет глубокие исторические и социокультурные корни.

Литература

1. Абалкин Л.И. На перепутье: Размышления о судьбах России. – М.: Институт экономики РАН, 1993. – 247 с.
2. Агеев А.И. Предпринимательство, проблемы собственности и культуры. – М., 1991. – 107 с.
3. Барышников М.Н. История делового мира России. – М., 1994. – 152 с.
4. Бессолицын А.А., Кузьмичев А.Д. Экономическая история России. Очерки развития предпринимательства. – М., 2005. – 248 с.

2. Сегодняшние бизнесмены этим похожи на своих исторических предшественников. Нередко мы видим в церквях смиренно стоящих российских олигархов. Однако эта демонстрация веры в Бога не мешает им уходить от уплаты налогов, вступать в ценовые сговоры, участвовать в недобросовестной конкуренции, обманывать потребителей и своих работников, а также вести роскошный образ жизни.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

5. «Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета». Канонические. Т. 2. «Духовное просвещение» – Л., 1991.
6. Бизнес и чрезвычайные ситуации (приложение к Коммерсантъ). Social Report. 22.08.2007.
7. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. – М., 1989. – 198 с.
8. Бурыйшин П.А. Москва купеческая. – М., 1990. – 352 с.
9. Верещагин А.С., Хайртудинов Р.Х. История российского предпринимательства от истоков до начала XX века. Учебное пособие. – Уфа, 2009. – 245 с.
10. Галаган А.Л. История предпринимательства российского: От купца до банкира. – М., 1997. – 98 с.
11. История предпринимательства в России. Книга первая. От Средневековья до середины XIX в. – М., 2000. – 480 с.
12. История российского предпринимательства: Учебно-методический комплекс. – М., 2009. – 248 с.
13. Карамзин Н.И. История государства Российского. – СПб., 2012. – 415 с.
14. Ключевский В.О. Курс русской истории. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1987.
15. Де Кюстин А. Николаевская Россия. 1837 год. – М., 1990. – 352 с.
16. Морозов С. – <http://www.peoples.ru/undertake/finans/morozov/>
17. Никитина С.К. История российского предпринимательства. – М., 2001. – 304 с.
18. Новиков А.А. История российского предпринимательства. – М., 2010. – 177 с.
19. Платонов О. 1000 лет российского предпринимательства. Из истории купеческих родов. – М., 1995. – 480 с.
20. Российская цивилизация. Энциклопедический словарь. – М., 2001. – 543 с.
20. Соловьёв С.М. Сочинения в 18 книгах. – М., 1988.
21. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. – М., 1998. – 362 с.

Б.Й. Желицки

**МЕСТО ВЕНГРИИ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ
СИСТЕМНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ XX ВЕКА**

Желицки Бела Йожефович – доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Венгрии в нелегком и безжалостно жестоком для ее народа XX в. самым ходом европейского исторического развития пришлось пережить несколько кардинальных смен политической системы и изменений общественно-политического строя, что само по себе отличает ее от многих стран современной Центральной и Юго-Восточной Европы. Распад двуединой Австро-Венгерской монархии, последующее провозглашение самостоятельной Венгерской Республики с ее многопартийным демократическим устройством, утверждение и временное существование Венгерской Советской республики 1919 г. с политическим устройством советского типа по образцу Советской России, становление и существование на протяжении четверти века Венгерского Королевства без короля, затем восстановление после Второй мировой войны Венгерской Республики с ее кратко временно действовавшей в 1945–1947 гг. номинальной (ограниченной) народно-демократической многопартийностью. Последняя функционировала под контролем Союзной Контрольной Комиссии с советским председательством, которая позволяла вернувшимся из московской эмиграции коммунистам в 1947–1948 гг. совершить по существу насильственную смену общественного строя, утвердить однопартийную диктатуру сталинского образца и провозгласить страну Венгерской Народной Республикой. Все эти крутые переломы общественно-политической жизни сопровождались суровыми испытаниями для страны и народа. Система советского типа в модифицированном виде просуществовала вплоть до конца 1980-х годов. Тогда, в результате очередного перелома под знаком всеобщей демократизации общественно-политической жизни и системных преобразований, страна осуществила последний крутой поворот

в своей истории и с утверждением демократической многопартийности и рыночных отношений оказалась в условиях современного неокapиTaлизма.

С установлением в 1948 г. коммунистической диктатуры в Венгрии фактически сложился жесткий режим личной власти М. Ракоши и его ближайшего окружения. Этот режим, по сути, буквально до мелочей копировал порядки, утвердившиеся в СССР под руководством И.В. Сталина. Мощное народное выступление против диктатуры в 1956 г. было подавлено советскими войсками. Однако этот урок был учтен властью, и система советского типа была установлена в новом, несколько смягченном варианте, который, пусть далеко не во всех проявлениях, но все же отличал эту страну от других государств социалистического лагеря. Сложившийся там режим власти со временем не без основания стали именовать в мире «мягкой диктатурой» Я. Кадара.

Проблемы созревания кризиса систем советского типа, процессы их развала и перехода стран региона от авторитарных методов управления к демократическому устройству уже анализировались историками, политологами и экономистами. Однако, на наш взгляд, они еще недостаточно изучены, тем более с точки зрения их синхронности и последовательности, особенностей по странам. Еще меньше подверглись они изучению в ракурсе сравнительных исследований. Сегодня с определенной исторической дистанции уже более четко видны причины углубления кризисных явлений, которые привели «Восточный блок» в состояние кризиса, и завершились его распадом и крахом. Однако вполне очевидно, что кризис наступил неожиданно для правящих элит и события развивались достаточно стремительно, процессы протекали лавинообразно. Крах коммунистических режимов в европейском ареале «реального социализма» (как его было принято именовать) произошел почти одновременно в ряде стран, но везде по-разному. При этом в высшем партийном руководстве отдельных государств даже не ощущали должным образом наступления застоя, назревавшего кризиса, а тем более приближения стремительного краха. Многие из них, в отличие от Польши и Венгрии, фактически даже отрицали необходимость проведения каких-либо реформ.

Обращаясь к особенностям венгерского процесса перехода к плюралистической демократии, следует отметить, что этот опыт был уникален и имел ряд особых черт, отличавших его от подобного рода перемен и преобразований в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Особенность опыта Венгрии, по нашему мнению, заключалась не столько в исключительно мирном характере процессов демократических преобразований, сколько в организованном и контролируемом осуществлении перемен с участием партийной власти, а также в сравнительно продолжительных переговорах оппозиционных сил с правящей государственной партией и другими официальными общественными формированиями. В ходе этих переговоров был

достигнут разумный компромисс между силами оппозиции и властью. Венгерский процесс перехода от монолитной коммунистической однопартийной власти к многопартийной политической демократии осуществлялся – от начала и до конца – *в конституционных рамках*. Такое явление наблюдалось далеко не везде в Восточной Европе. В отличие от ГДР и Румынии в Венгрии *не была разрушена государственная машина, ее механизмы сохранились и действовали политические институты власти*. В отличие от Чехословакии и Польши в Венгрии *не были парализованы центральные партийные и государственные органы*. Напротив, не без согласия официальных партийно-государственных органов и даже не без их помощи совместно с оппозиционными силами осуществлялся постепенный демонтаж государственно-политических структур, унаследованных от эпохи диктаторского социализма. При этом продолжали функционировать экономика и государственные структуры, т.е. полностью сохранилась их способность управления страной и обществом.

Одним из важных отличий венгерского процесса демократических преобразований было то, что *сама правящая Венгерская социалистическая рабочая партия шла на компромиссы с силами оппозиции*. Оставаясь единственной доминирующей политической силой, ВСРП в ходе демократизации общественно-политической жизни сама *стремилась менять свою сущность*. Благодаря наличию в ее руководящих структурах реформаторов и интеллигентов, она постепенно превращалась в соучастницу коренных демократических преобразований. Правда, до весны 1988 г. в политическом руководстве партии еще преобладали сторонники «наведения порядка». В феврале 1988 г. лидер венгерского Народного фронта, член высшего руководства ВСРП И. Пожгаи еще «удостоился» строгого выговора за участие во встрече авторитетных деятелей науки и культуры, собравшихся в с. Лакителек для обсуждения реального положения в стране. Затем «отец» венгерской экономической реформы Р. Ньерш, также член высшего руководства, был привлечен к ответственности за участие в создании реформаторского внутрипартийного объединения *Новый мартовский фронт*, а в апреле пять основателей молодежной организации *Фидес* были задержаны полицией. Но к этому времени положение вещей изменилось.

В мае 1988 г. прошла конференция ВСРП, которая практически сменила консервативное руководство в партии и новым генеральным секретарем избрала премьер-министра К. Гроса. Новое партийное руководство на начальном этапе само стимулировало демократические перемены в стране. Решением ЦК ВСРП была образована специальная комиссия для изучения весьма актуального на том этапе вопроса о том, что представляли собой венгерские события 1956 г. [см.: 7], которые до этого именовались не иначе, как «контрреволюцией». Изучив документы и проанализировав события,

партийная комиссия пришла к выводу о том, что в Венгрии осенью 1956 г. произошло *народное восстание*. Заявление председателя комиссии И. Пожгаи об этом в январе 1989 г. потрясло партию, но было положительно встречено народом. Партийные реформаторы после этого добились пересмотра решения ЦК ВСРП от 7 апреля 1988 г. об исключении из партии четырех ученых-экономистов, в своих исследованиях предупреждавших руководство страны о назревании экономического и политического кризисов. С февраля 1989 г. сама ВСРП начала стремительно меняться, а ее ЦК становился сторонником демократизации страны, поддержавшим идею создания многопартийной политической системы. В результате в Венгрии больше не осталось ни одной политической силы, которая не ставила бы задачу создания гражданского общества и институтов правового государства.

В дальнейшем ВСРП *добровольно шла на отказ от своего единовластия*. Она была готова безо всяких оговорок уступить власть тем политическим силам, которые получат большинство голосов избирателей в результате демократических парламентских выборов.

Из сказанного следует, что *ВСРП* как венгерская государственная партия в условиях демократического перехода – в отличие от румынской, чехословацкой и болгарской коммунистических партий – *не была разгромлена* или даже *парализована*, как, скажем, Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) и Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ). Она оставалась силой, которая *контролировала ситуацию* (впрочем, это отличало ее и от КПСС в Советском Союзе, и от КПЮ в Югославии). Разумеется, она в то же время оставалась под постоянным прессингом общественности, выступавшей за дальнейшую демократизацию жизни страны, за расширение свобод и прав граждан.

Разумеется, при этом демократические силы в партийном руководстве надеялись, что ВСРП останется во власти и после завершения перехода к парламентской демократии. Государственная партия фактически содействовала этим демократическим преобразованиям. Подчеркнем еще раз, что в какой-то степени именно благодаря поддержке демократических элементов в партии могли окрепнуть только зарождавшиеся общественные и политические новообразования, которые вскоре, на первых же демократических выборах в парламент, получили большинство голосов.

В конечном счете мирный характер перехода к многопартийной парламентской демократии в Венгрии был обеспечен соглашением между партийной властью, традиционными общественными организациями, с одной стороны, а также оппозиционными организациями и партиями – с другой, во время продолжительных, занявших несколько месяцев, переговоров в рамках Национального круглого стола с участием всех политических сил страны, в том числе новообразованных политических партий и организаций. Они

договорились как об условиях становления подлинной политической парламентской демократии, так и о переходе страны к рыночной экономике.

Во всех этих процессах несомненна также заслуга венгерских реформаторских сил, которые возникли годами раньше в стране и в самой компартии. В связи с этим следует отметить, что некоторый исторический опыт был приобретен реформаторами уже на этапе 1960–1970-х годов. Венгрия, как известно, еще тогда стала *испытательным полигоном реформ*, допустимых в условиях социалистической системы. Со временем сторонники реформ и демократизации всей общественной жизни лишь упрочили свои позиции. А начиная с конца 1970-х годов, когда в стране появились и стали укрепляться альтернативные общественно-политические структуры, все более очевидной становилась необходимость проведения преобразований во всей общественно-политической жизни. В условиях второй половины 1980-х годов пришло осознание необходимости модернизировать и саму государственную партию, которая после партийной конференции в мае 1988 г. стремительно менялась сама и осознала неизбежность дележа власти с другими партиями.

Уместно напомнить, что в Венгрии еще в 1953 г. по инициативе премьер-министра Имре Надя была предпринята попытка некоторой модернизации тогдашнего социализма посредством реформ в экономике и частичных изменений в политической жизни. Тогда эти инициативы не встретили понимания и поддержки со стороны партийного аппарата и вскоре были отвергнуты последовательными догматиками в ракошистском руководстве Венгерской партии трудящихся – как и последующие попытки «кадаровских реформ» 1965–1968 гг. Правда, в каком-то урезанном виде устремления реформаторов все-таки реализовались, принося свои положительные плоды, но получить развитие в условиях того времени они, разумеется, не могли. Их полномасштабному развертыванию помешали тогда и некоторые обстоятельства международной политической жизни, в частности известные события 1968 г. в Чехословакии, а несколько позже в Польше.

Тем не менее если до середины 60-х годов венгерский социализм мало чем отличался от своего советского образца, как и от его разновидностей в других социалистических странах региона, то со временем кадаровский социализм приобрел некоторые отличительные особенности, которые приобрели известность и признание в мире. Сохраняя некоторые характерные признаки авторитарного правления, он постепенно избавлялся от черт, характерных для диктаторских режимов власти. И тогда в мире заговорили о «наименее идеологизированной», «мягкой кадаровской диктатуре» и пользе венгерских реформ.

Нельзя не учитывать, что в «социалистическом содружестве» и тогда, да и на более позднем этапе, нашлось немало ярых противников венгерской реформы (она встретила резкое осуждение партийной элиты в Румынии, ГДР и Болгарии). В наши дни, когда некоторые наблюдатели даже из числа быв-

ших левых, глядя на экономические успехи современного Китая, задаются вопросом о причинах такого экономического «взлета» и в этой связи говорят об упущенных возможностях реформирования системы в восточноевропейском регионе, забывают о венгерских (да и советских) начинаниях, по сути уничтоженных доморощенными догматиками. Между тем в том, что демократические перемены, структурные и системные преобразования в Венгрии в 1987–1990 гг. были осуществлены мирными средствами и проводились без особых потрясений и сопротивления даже со стороны старых политических элит, свою роль сыграл накопившийся политический опыт прежних лет, в том числе довольно редкой для региона экономической реформы 1968 г.

Венгерские альтернативные или неформальные (как их тогда именовали) демократические организации и движения присутствуют в общественно-политической жизни страны с конца 1970-х годов, но организационно оформились и открыто заявили о своих целях и задачах, о своем оппозиционном характере только с 1987 г. В дальнейшем они стремительно крепили и стали органической составной частью венгерской политической жизни. Отдельные новообразования заявили о намерении стать политическими партиями и прилагать усилия к демократическому переустройству страны. При этом все они сохранили свою самостоятельность и свое лицо, участвуя в публичных дискуссиях и других мероприятиях. Как отмечалось, они, в отличие от польской «Солидарности», *не объединились в единую оппозиционную организацию*, сохранили свой суверенитет и развивались автономно. Большинство из них уже в начале 1988 г. преобразовались в полноценные политические партии со своими программами. Среди основных и самых популярных из этих новых оппозиционных формирований – Венгерский демократический форум (ВДФ), Союз свободных демократов (ССД), Союз молодых демократов (Фидес). Все они, как и возобновившие свою деятельность «исторические» партии, функционировавшие на этапе многопартийной народной демократии (1944–1948), сохранили свою самостоятельность и оригинальный облик. Они лишь в начале 1989 г. заключили между собой соглашение, создав временное объединение для согласования своих позиций и последующего ведения переговоров с представителями правящей ВСРП. Их временный союз без объединения в одну оппозиционную организацию, существенно влиял на ситуацию и увеличил политический вес оппозиций на переговорах с партийной властью. Тем не менее был создан *«Оппозиционный круглый стол»* в качестве временной силы, которая на протяжении нескольких месяцев в рамках *«Национального круглого стола»* единым фронтом вела переговоры с правящим режимом за демократическое переустройство страны. По завершении этих переговоров их стали именовать «переговорной революцией» [подробнее см.: 1]. В сентябре 1989 г. сторонам, участвовавшим в переговорном процессе, удалось договориться об условиях мирного перехода к плюралистической

демократии, о проведении первых демократических парламентских выборов на многопартийной основе, о процедурах и сущности становления в стране демократического переустройства, о характере и структуре демократических институтов будущего государства и пр. «Национальный круглый стол» тем самым выполнил функцию Учредительного собрания Венгрии, переименованной в Венгерскую Республику.

Отметив роль ВСРП в политической демократизации, в смене политического строя в Венгрии во второй половине 1980-х годов, следует обратить внимание и на роль в этом процессе правительства и парламента страны. Здесь также проявилась венгерская специфика. Последнее коммунистическое правительство Венгрии, возглавлявшееся с ноября 1988 г. бывшим заведующим экономическим отделом ЦК ВСРП М. Неметом, сторонником реформ и демократических преобразований, внесло в парламент целый ряд законопроектов, которые обеспечивали успех как переговорного процесса за общенациональным круглым столом, так и самих демократических преобразований. Это правительство оперативно подготовило нужные материалы для успешного принятия парламентом необходимых законодательных актов.

Это же правительство совершило уникальный для социалистического ареала политический акт – демонтировало ненавистный народу символ «холодной войны» – пограничное техническое заграждение на границе с Австрией, причем сделало это, не согласовав предварительно с Москвой. 27 июня 1989 г. министры иностранных дел Венгрии и Австрии Д. Хорн и А. Мок вместе перерезали первые куски проволочных заграждений, после чего начался снос всего «железного занавеса». Правительство Венгрии стремилось выразить свою открытость миру, демонстрировало добрососедство с сопредельной страной, выражало желание не быть больше изолированной от остальной Европы. Впоследствии эти действия были расценены в Европе как шаг общеевропейского значения, имеющий далеко идущие последствия.

Будапешт по своему подошел и к решению еще одной проблемы, требовавшей неотложного решения. На том этапе туристы из ГДР осаждали посольства ФРГ не только в венгерской столице, но и в других столицах социалистических стран, отказываясь возвращаться на родину и требуя выезда на Запад. В августе 1989 г. во время так называемого «Панъевропейского пикника», организованного на уже открытом участке границы Венгрии с Австрией несколько сот восточных немцев ушли на Запад. Это событие дало толчок десяткам тысяч граждан ГДР, которые практически штурмовали здания западноевропейских посольств в Будапеште, с требованием выпустить их на Запад. Проблема требовала срочного решения, но договор между Берлином и Будапештом от 1967 г. обязывал Венгрию не выпускать их в третьи страны. Венгрия начала переговоры с Берлином для решения вопроса, но в Берлине, впрочем, как в Бухаресте и Праге, с которыми венгры консультировались,

настаивали на вооруженном разгроме и аресте осаждавших посольство ФРГ восточных немцев, и требовали выдачу арестованных Германской Демократической Республике. Правительство Венгрии поступило иначе. После переговоров с ФРГ и предупреждения Москвы о возможных последствиях венгерское правительство открыло пути для выезда восточных немцев из страны. Оценивая впоследствии эти действия, как и некоторые результаты демократических преобразований, Д. Хорн, уже будучи премьер-министром, подчеркивал: «Смена системы уже стала для нас таким управляемым сверху процессом, в котором сыграла свою роль как экономическая реформа 1968 г., так и то обстоятельство, что Венгрия – единственная из стран – членов Варшавского договора – до конца поддерживала открытые отношения с Западом, с Европейским сообществом. Реформаторы у нас никогда не выводились, и, по правде говоря, мы никогда не хотели их исчезновения. Мы активно участвовали в хельсинкском процессе, мы, первые и единственные, подняли вопрос о возможности контактов с НАТО, ввели всемирные паспорта (свободный выезд в любые страны мира. – Б. Ж.)... Эти шаги были немыслимы у любого из наших соседей. Все это присутствовало в наших тогдашних решениях, включая открытие границ»¹. Такой политический курс встречал тогда полную поддержку венгерского народа.

Последнее коммунистическое правительство Венгрии, возглавляемое М. Неметом, после того как в начале 1990 г. освободилось от непосредственной партийной опеки, пошло на еще один решительный дипломатический шаг по утверждению независимости и суверенитета страны. 10 марта 1990 г. министр иностранных дел ВНР Д. Хорн во время официальной поездки в Москву подписал с главой МИД СССР Э. Шеварднадзе соглашение о полном выводе с территории Венгрии всех советских военных формирований. Конечные сроки вывода войск были определены датой 30 июля 1991 г., но советское командование во главе с генерал-лейтенантом Виктором Шиловым завершило этот процесс досрочно (19 июня) [7]. Почти одновременно с этими событиями прекратил свою деятельность и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), а 1 июля 1991 г. в Праге был подписан документ о роспуске Организации Варшавского договора (ОВД).

Весной 1990 г. в Венгрии состоялись первые парламентские выборы на многопартийной основе. К ним готовились как все оппозиционные партии, так и ВСРП, которая 7 октября 1989 г. провела свой последний XIV съезд. На съезде партия практически заявила о самороспуске и, демонстрируя готовность к демократическим переменам, преобразовалась в *Венгерскую социалистическую партию* (ВСП), которая без каких-либо привилегий,

1. *Népszabadság*, 1999. szeptember 9–10. См. также: 8.

наравне с другими политическими силами, приняла участие в выборах в парламент. На состоявшихся в марте-апреле 1990 г. парламентских выборах, прошедших в два тура, внушительную победу одержали оппозиционные партии во главе с ВДФ. Они и сформировали первое коалиционное демократическое правительство страны во главе с Й. Анталлом. ВСП собрала лишь немногим больше голосов избирателей, необходимых для прохождения в парламент, и оказалась в парламентской оппозиции к правящему большинству.

Новый премьер-министр Венгрии в своем первом выступлении в парламенте назвал свой кабинет правительством свободы, народа, экономического перелома и воссоединения с Европой². А спустя некоторое время достижения Венгрии в изменении политического строя страны он оценивал таким образом: «То, что произошло за истекшие два года, не имеет аналогов в нашей истории, но не было ничего схожего и во всей европейской истории. Мы с исключительной сознательностью и упорством, но при этом без капли крови совершили революцию, стали пионерами в этом деле, показывая пример всему региону. И так считает весь мир» [2]. Первое демократическое правительство Венгрии, образованное Й. Анталлом по итогам первых демократических выборов весны 1990 г., не испытало столь характерных для большинства посткоммунистических стран правительственных кризисов и частой смены кабинетов, оно фактически не менялось, успешно и стабильно проработав полный парламентский цикл. За четыре года в его составе не было ни одного представителя бывших правящих элит, а сменились всего два министра (финансов, а также промышленности и транспорта).

Венгерский переход к многопартийной демократии западноевропейского образца в 1989–1990 гг. был плавным и мирным, хотя по своему характеру и содержанию осуществленные перемены, безусловно, являлись революционными. Сумев сдержать в 1991 г. инфляцию на уровне 35%, венгерское правительство избежало «шоковой терапии» [10] (для сравнения: в Польше инфляция достигла 586%, в Советском Союзе – 2560% [4]). С учетом этого деятельность первого посткоммунистического венгерского правительства, сумевшего оградить население от значительных потрясений, можно считать удачной, хотя премьер-министр Анталл признавал, что на граждан страны легла «громкая нагрузка».

Небезынтересно отметить, что Й. Анталл, посетивший Советский Союз с правительственной делегацией в начале декабря 1991 г. (т.е. еще до окончательного распада СССР), первым из государственных деятелей бывшего социалистического региона пошел на небывалый в политической практике поступок. Возглавляемая им правительственная делегация наладила

2. *Magyar Hirlap*, 1994. április 8.

с Российской Федерацией (находившейся тогда еще в составе СССР) сепаратные дипломатические отношения, как с суверенной страной. Был заключен рамочный Договор о сотрудничестве и равноправных отношениях между двумя государствами. В ноябре 1992 г. российская делегация во главе с президентом РФ посетила Будапешт с ответным государственным визитом. Такое оптимистическое начало взаимоотношений, к сожалению, не получило должного развития, поскольку Государственная дума РФ отказалась ратифицировать российско-венгерский договор 1991 г. из-за одного абзаца в преамбуле документа, осудившего советское военное вмешательство в венгерские события в ноябре 1956 г. (договор был ратифицирован только в 1995 г.). В Венгрии такая необоснованная задержка с ратификацией важного межгосударственного документа была воспринята как проявление «имперских амбиций», как знак возможной агрессии с Востока в будущем.

Это обстоятельство, как и ранее выступление ГКЧП и отставка М.С. Горбачёва, сыграли свою роль в повороте Венгрии к Западу.

То же можно сказать и о двух других членах «Вышеградской тройки». Ход событий толкал Польшу и Чехословакию вместе с Венгрией к смене геополитической ориентации – к скорейшему «возвращению в Европу» под крыло Запада. Страны региона, соревнуясь между собой, поспешили в Европейский союз, где надеялись получить защиту и безопасность, жертвуя частью лишь недавно приобретенного суверенитета.

Литература

1. Венгерская «переговорная революция» // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. – М.: Наука, 2007. – С. 75–128.
2. Венгрия на старте демократических преобразований государственно-политической и экономической системы (1989–1994) // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. – М., 2008. – С. 115.
3. Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг. – М., 2008.
4. Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия). – М., 2008. – С. 133.
5. «О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе» // Центрально-Европейский ежегодник, 2003. – М., 2003.
6. Очаги тревоги в Восточной Европе. (Драма национальных противоречий). – М., 1994.
7. Bihari Mihály. Magyar politika 1944–2004. Politikai és hatalmi viszonyok. – Budapest, 2005. – 377–379. old.
8. Izsák Lajos. Pártok és politikuskok Magyarországon, 1944–1994. – Budapest, 2010. – 268. old.
9. Pozsgay Imre. 1989. Politikuspálya az állampártban és rendszerváltásban. – Budapest, 1993. – 169. old.
10. Romsics Ignác. A rendszerváltás első négy éve // A magyar forradalom eszméi (1990–1994). – Budapest, 2001. – 271. old.

Д. С. Миронова

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАТО И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Миронова Дарья Сергеевна – аспирантка ИНИОН РАН.

Важными элементами системы безопасности в Евро-Атлантике выступают Россия и Североатлантический альянс, взаимоотношения которых испытывают сегодня очередной кризис.

Со времен окончания холодной войны можно наблюдать периоды взлета и падения во взаимоотношениях между Россией и НАТО. Важными вехами здесь являются воздушная операция альянса против Югославии 1999 г., российско-грузинская война 2008 г. и украинский кризис, приведший к заморозке сотрудничества по линии Совета Россия – НАТО. Стоит отметить, что заключенный в 1997 г. Основополагающий акт Россия – НАТО был заморожен лишь во время конфликта вокруг Косова. Выросший из понимания неделимости безопасности в Евро-Атлантике он представляет собой фундамент, на котором строится практическое взаимодействие, способное вывести взаимоотношения из кризиса. Примером может служить сотрудничество по Афганистану, которое не было приостановлено ни в 2008 г., ни сегодня.

Волнообразное развитие отношений Россия – НАТО основано на нерешенности вопросов, вызывающих взаимную обеспокоенность и недоверие. Несмотря на периоды подъема, когда обе стороны декларируют движение к стратегическому партнерству или «перезагрузку» отношений, России и НАТО не удалось наладить постоянный диалог и достичь взаимопонимания.

Интересно проследить изменения, которые происходили внутри самой НАТО со времени окончания холодной войны, особенно основные направления развития альянса на современном этапе в контексте российско-натовских отношений. Важной вехой здесь выступает Уэльский саммит, обозначивший новый этап трансформации альянса, когда его главной целью стало сдерживание России.

Этапы трансформации НАТО

Трансформация Североатлантического альянса с точки зрения входящих в него стран является одним из ключевых элементов глобальной и евроатлантической систем безопасности. В его истории после окончания холодной войны принято выделять пять трансформационных волн, вызванных распадом СССР, терактами 11 сентября 2001 г. в США, началом операции в Афганистане, началом войны в Ираке, глобальным финансово-экономическим кризисом.

Уэльсский саммит ознаменовал собой переход от коллективной безопасности к «новой старой» коллективной обороне. Таким образом, нынешний период можно рассматривать в качестве начала шестого этапа трансформации альянса. Он несет в себе черты «старой НАТО», однако, ввиду появления новых вызовов – «гибридных» и кибернетических угроз высокой интенсивности – не может считаться возвратом альянса к коллективной обороне в чистом виде.

Процесс трансформации НАТО можно рассматривать по трем направлениям: географическому, военно-политическому и оперативно-техническому [1, с. 94].

В географическом отношении это – расширение на Восток за счет инфраструктуры войск и сил, выделенных в состав союза странами – бывшими участниками ОВД.

Военно-политически трансформация НАТО, несмотря на отсутствие блокового противостояния, проявляется прежде всего в приверженности принципу коллективной обороны, согласно ст. 5 Вашингтонского договора. Кроме того, сохранены командные структуры и происходит постоянная адаптация союзнических войск к меняющимся условиям международной среды. Все большую роль играют декларируемые новые функции альянса: операции по поддержанию мира, в том числе за пределами зоны ответственности НАТО, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке в целях устранения локальной и региональной нестабильности, этнических и религиозных конфликтов, борьбы с нарушениями прав человека и национальных меньшинств, международным терроризмом и распространением ОМУ.

Оперативно-тактическая трансформация НАТО включает в себя: сокращение коллективных сил блока, передислокацию и разукрупнение военных баз и т.д., а также преобразование «тяжелых» объединений НАТО в гибкие группировки для борьбы с угрозами нового типа, формирование и постоянную модернизацию Сил реагирования.

Начало изменениям положила сессия Совета НАТО на высшем уровне в Лондоне в 1990 г. На первом этапе альянс реагировал на мировые события и факторы, возникшие после окончания холодной войны. Прежде всего это

исчезновение опасности широкомасштабного военного конфликта между Востоком (в лице СССР) и Западом, а также выход на передний план локальных внутренних и межгосударственных конфликтов, не затрагивающих непосредственно военную безопасность стран НАТО. Во-вторых, изменение соотношения традиционных и новых вызовов. И в-третьих, это стремление европейских стран к оборонному сотрудничеству в первую очередь в рамках ЗЕС.

В основу политической трансформации был положен тезис о том, что наиболее вероятной угрозой для безопасности государств-членов являются межэтнические и территориальные споры. В Стратегической концепции–91 лидеры стран НАТО подтвердили, что безопасность и стабильность не коренятся исключительно в военной сфере, они включают в себя также политические, экономические и социальные элементы. В Концепции было отражено намерение укрепить политический компонент Североатлантического союза, что предусмотрено ст. 2 Вашингтонского договора [10].

В 1990-х годах стала очевидной необходимость военной трансформации альянса, обусловленная объединением Германии, выводом советских войск, вступлением в силу ДОВСЕ, а также новыми вызовами безопасности, в особенности на южных границах НАТО. Эволюция альянса в этом направлении значительно повлияла на военную архитектуру НАТО: произошла структурная перестройка ВС государств-членов, была сокращена их численность с целью повышения мобильности при одновременном создании многонациональных формирований; были значительно сокращены ядерные силы блока.

Новая роль альянса в области кризисного регулирования и миротворчества была подчеркнута в Стратегической концепции в 1999 г. В ней указывалось на важность укрепления отношений с государствами – партнерами НАТО и сотрудничества с другими международными организациями [20].

Особое значение в новой концепции придавалось развитию «европейской составляющей» в области безопасности и обороны. При этом делался акцент на необходимости тесного сотрудничества между НАТО, ЗЕС и ЕС. Анализ концепции НАТО 1999 г. показывает коренную смену ориентации альянса: «новая НАТО» выходит за рамки региональной организации, принимая на себя глобальную ответственность по коллективной обороне и проведению операций в кризисных ситуациях, возникающих в том числе за пределами территории НАТО и не предусмотренных ст. 5 Вашингтонского договора. В соответствии с этим Концепция–99 предполагает поддержание достаточной военной мощи альянса, включая широкое участие стран НАТО в коллективном планировании деятельности ядерных сил и размещение их на своей территории в мирное время [20].

Принцип неделимости безопасности, закрепленный в ст. 5 Вашингтонского договора, а также новые задачи альянса по поддержанию мира вызвали

дискуссии о возможном расширении НАТО и вступлении в нее бывших социалистических стран. Вопрос о расширении на Восток стал краеугольным камнем во взаимоотношениях России и альянса, начиная с 1993 г.

В России активная политическая кампания против расширения НАТО вызвана опасением относительно приближения военной инфраструктуры НАТО к границам государства, что значительно увеличивает досягаемость российских целей для тактической ударной авиации. Кроме того, продвижение на Восток расширяет возможности нанесения ударов высокоточными обычными вооружениями по стратегическим целям в РФ. Стоит отметить, что в 1990-е годы позиция Москвы в отношении географического аспекта трансформации НАТО менялась – от его неприятия до вопроса о вступлении в альянс самой России. В итоге в 1994 г. Россия присоединилась к программе «Партнерство ради мира», а в 1997 г. был заключен Основопологающий акт Россия – НАТО, ознаменовавший собой формализацию отношений между обеими сторонами.

Стимулом к началу второго этапа трансформации альянса стали террористические акты 11 сентября 2001 г. в США, а также теракты в Мадриде и Лондоне. Впервые за историю существования Вашингтонского договора его 5 статья вступила в силу. А весной и летом 2002 г., после начала третьего этапа трансформации НАТО и операции в Афганистане, были приняты ключевые военно-политические решения о возможности проведения операций альянса за пределами Евро-Атлантического региона.

На саммите Североатлантического альянса в Праге в 2002 г. была акцентирована задача создания в структуре НАТО сил, способных к быстрым передвижениям, действиям на большом отдалении от своих баз, к самообеспечению и эффективному применению военной мощи. Ключевым стоит назвать решение о создании Сил реагирования НАТО – передовых оперативно совместимых формирований, имеющих гибкий характер, способных к быстрому развертыванию и выполнению задач в течение продолжительного времени.

Тестом на жизнеспособность организации стала война в Ираке 2003 г., вызвавшая разногласия между европейскими странами по иракскому вопросу. Это породило серьезные сомнения относительно сохранения НАТО в качестве эффективного инструмента коллективной обороны и безопасности, а также будущего европейской интеграции в военной сфере. Война в Ираке означала для НАТО новый этап трансформации, связанный в первую очередь с поиском ответов на вопрос о единстве взглядов внутри организации. В продолжение оптимизации органов управления альянса в 2003 г. было создано Командование по трансформации ОВС НАТО.

Очередной кризис в рядах блока возник на саммите НАТО в Бухаресте 2–4 апреля 2008 г. Состоявшаяся встреча в верхах продемонстрировала

разногласия между государствами-партнерами и выявила верховенство национальных интересов над партнерскими обязательствами. На встрече обнаружился раскол между старыми и новыми государствами-членами по вопросу афганской миссии, предоставления ПДЧ Украине и Грузии [12].

Операция в Афганистане стала серьезным испытанием для НАТО. Союзники не только не увеличили количество своих ВС в регионе, но и ввели ограничения на применение национальных военных контингентов, что подтвердило отсутствие консолидированной позиции у государств – членов НАТО по этой проблеме. Позицию США поддержали либо «молодые» члены НАТО (Польша, страны Балтии), либо государства, не входящие в альянс.

Спорным оказался и вопрос о предоставлении ПДЧ Украине и Грузии. Резкое противодействие эти планы встретили со стороны Германии и Франции, а также Италии, Нидерландов, Люксембурга, Испании, Бельгии, Португалии [11].

Осенью того же года начался мировой финансовый кризис, положивший начало современному этапу развития альянса и пятому этапу трансформации НАТО. Сокращение военных бюджетов стран-членов означало прежде всего отказ от ряда программ по разработке новых высокотехнологичных образцов вооружений, их закупке оборонными ведомствами. В октябре 2010 г. руководители этих ведомств одобрили план Генерального секретаря НАТО А. Фог Расмуссена, нацеленный на дальнейшую оптимизацию бюджетных средств, а в ходе Чикагского саммита 2012 г. был представлен «пакет умной обороны». Общий смысл этих мер – сокращение общих затрат при одновременном повышении их эффективности. Базируясь на трех базовых принципах – сотрудничестве, приоритеты, специализация [19] – концепция «умной обороны» ставит во главу угла полезность и эффективность материальных вложений.

Подводя итог пяти волнам трансформации НАТО, следует отметить, что альянс сохраняет свою роль существенного фактора мировой политики и международных отношений. Однако основные аспекты его трансформации напрямую затрагивают национальные интересы России. В географическом плане он вплотную приблизился к российским границам. Одним из самых острых вопросов сегодня остается возможное членство Грузии и Украины в НАТО. Это – важнейшая для России тема в переговорном процессе с альянсом.

Не менее важный момент – оперативно-техническое сотрудничество с НАТО государств, входящих в институциональные образования с участием России на постсоветском пространстве. Здесь Россия видит угрозу своим интересам и всячески противостоит вмешательству в них на территории бывшего СССР. Проблема имеет и немаловажный экономический аспект:

оперативная совместимость вооруженных сил постсоветских стран с НАТО предполагает снижение экспорта вооружений и техники из России.

К сожалению, в основе негативной оценки трансформации НАТО в России лежат не только объективные причины. В сознании российских политических элит восприятие НАТО определяется главным образом безоговорочным уравниванием НАТО и США. Любое охлаждение отношений между Вашингтоном и Москвой автоматически активизирует негативное восприятие НАТО в России; периоды налаживания партнерских отношений и интенсивного развития сотрудничества с альянсом практически исчезают из новостных сводок. Примером здесь может служить опрос общественного мнения, проведенный ВЦИОМ по заказу Информационного бюро НАТО в 2006 г. По мнению респондентов, НАТО ассоциируется со следующими словами: оружие, конкурент, угроза, противник, гонка вооружений. Главным врагом НАТО была названа Россия [3, с. 11].

Процесс трансформации альянса рассматривается в России в качестве одной из угроз национальной безопасности страны в том смысле, что НАТО со временем превратится не просто в глобального игрока, а в механизм принятия мировых решений в обход СБ ООН. На такую позицию во многом повлияли кризис в Косово, восприятие событий 2008 г., война в Ливии, а также украинский кризис. К сожалению, «приостановка всего практического гражданского и военного сотрудничества» [5] между Россией и НАТО 1 апреля 2014 г. способствовала усугублению кризиса в отношениях с альянсом. 21 января 2015 г. на пресс-конференции по итогам 2014 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров назвал это решение «политизированным», соответствующим конфронтационному настрою холодной войны [4].

Саммит НАТО в Уэльсе и новая повестка дня

Состоявшийся 4–5 сентября 2014 г. саммит НАТО в Южном Уэльсе его генеральный секретарь А. Фог Расмуссен назвал «историческим» еще до его начала – государствам-членам предстояло определить пути развития альянса на «многие годы вперед» [21], найти способы перехода «от развернутой НАТО к подготовленной НАТО» [2].

Предполагалось, что основной темой станет будущее НАТО после завершения миссии в Афганистане, в основе которого будут лежать учения и тренировки союзнических войск совместно с национальными силами Афганистана. Однако переворот, произошедший в Киеве в феврале 2014 г., за которым последовало присоединение Россией Крыма, а также бои на Юго-Востоке Украины коренным образом изменили повестку дня. Кроме того, жестокие акции «Исламского государства», углубление конфликта в Сирии и дестабилизация ситуации в Ираке, а шире – на всем Ближнем и Среднем

Востоке – действительно сделали Уэльский саммит НАТО важнейшим со времен окончания холодной войны.

Его ключевыми темами стали:

- подготовка к новым угрозам, возникающим в кибер-пространстве, а также безопасность на море;
- «умная оборона» и планирование в условиях дефицита бюджетов;
- сотрудничество в трансатлантическом сообществе в постафганский период;
- роль НАТО как глобального актора.

Однако главной темой стал украинский вопрос, а именно сдерживание России. В итоговой декларации сказано, что «агрессивные действия России против Украины фундаментальным образом поставили под вопрос видение целой, свободной и мирной Европы» [7]. Таким образом, повестка дня из обсуждения «постафганской эры» НАТО превратилась в поиск ответа на «российский вызов». Обеспокоенность государств – членов НАТО, в особенности стран Балтийского региона и Польши, отразилась в Заявлении по итогам встречи на высшем уровне, а также в Заявлении о трансатлантической связи. В последнем среди таких опасностей, как распространение насилия и экстремизма в Северной Африке и на Ближнем Востоке, особо отмечены действия России на Украине – «неправомерная самопровозглашенная аннексия Крыма и агрессивные действия России в других регионах Украины» [6].

В целях быстрого реагирования на новые вызовы безопасности, под которыми подразумеваются в том числе так называемые «гибридные войны» (войны, при ведении которых применяется широкий спектр открытых и скрытых, военных, военизированных и гражданских мер [16]), странами НАТО был принят План действий по обеспечению готовности. Очевидно, что термин «гибридная война» появился в Декларации не случайно – по мнению руководства НАТО, это связано с противодействием тактики ведения войны, примененной Россией, на Украине. Таким образом, План по своей сути содержит ряд элементов, прямо направленных против России.

Украинский кризис переместил акцент в НАТО со «сдерживания» на «сдерживание» плюс «меры заверения» относительно коллективной обороны стран Восточной Европы. Эти «заверения» теперь включают в себя как конвенциональные, так и неконвенциональные меры борьбы с нелинейными угрозами и кибератаками. По сути, еще до начала саммита были предприняты конкретные шаги – увеличено втрое (с мая 2014 г.) количество авиации, вовлеченной в патрулирование стран Балтии; в июне 2014 г. США запустили Инициативу заверения Европы по финансированию присутствия американских ВС на ротационной основе на территории восточноевропейских стран альянса, а также отправили еще два тяжелых бомбардировщика В-2, способ-

ных доставить ядерное оружие, на британскую авиабазу для участия в учениях вместе с союзниками по НАТО [17, с. 4].

Таким образом, на Уэльском саммите была подтверждена необходимость продолжающегося присутствия военно-воздушных, сухопутных и военно-морских сил и целесообразной военной деятельности в Восточной Европе. Были также предприняты конкретные шаги по «сдерживанию» – предусмотрена разработка сценариев учений для нового типа войн, создан Центр передового опыта по стратегическим коммуникациям в Латвии. Разработаны планы по созданию Объединенной оперативной группы повышенной готовности, которая будет способна в более сжатые сроки дать ответ на потенциальные угрозы, исходящие от России. В принятой Декларации сделан акцент на том, что присутствие сил НАТО в Центральной и Восточной Европе будет осуществляться именно на ротационной основе, а не на основе постоянного базирования, что нарушило бы договоренности, зафиксированные в Основнополагающем акте Россия – НАТО от 1997 г. (на данный момент альянс располагает на Востоке только одной штаб-квартирой – в польском Щецине, а воздушную безопасность стран Балтии гарантирует путем посменного размещения военных самолетов других стран НАТО). Однако вопрос о том, подразумевает ли реализация этих планов нарушение Основнополагающего акта Россия – НАТО, согласно которому НАТО не будет размещать дополнительные постоянные базы для обеспечения коллективной обороны или иных миссий, остается все-таки открытым.

Главы государств и правительств НАТО заявили, что «нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины» является не просто пренебрежением нормами международного права, но и «главным вызовом евроатлантической безопасности». То, что после этих событий одной из основных целей альянса является адаптация к новой архитектуре безопасности, подтвердил председатель Военного комитета НАТО генерал Кнуд Бартельс во время визита в США (30 сентября – 3 октября 2014 г.) [13].

Одним из важнейших на саммите стал вопрос о необходимости увеличения оборонных расходов. По словам Генерального секретаря НАТО, «агрессия России против Украины создала новые условия безопасности, которые послужили для союзников сигналом о необходимости инвестиций в безопасность и оборону» [18]. В соответствии с действующим требованием НАТО от 2006 г. для выполнения приоритетных задач по силам и средствам необходимо тратить на оборону не менее 2% ВВП. В 2013 г. только четыре страны выполнили это условие: Великобритания, Соединенные Штаты, Эстония и Греция [15, с. 6].

Вопрос о недостаточном финансировании обороны особенно остро встал на повестке дня в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом 2008 г., который показал нежелание европейских союзников США платить за безопасность. В целях бюджетной экономии государства стали последова-

тельно сокращать расходы на оборону, в то время как США сегодня продолжают нести бремя трансатлантической ответственности, финансируя 75% бюджета НАТО. Очевидно, что с учетом геополитической обстановки на европейских границах, решения по бюджетным расходам стран – членов альянса на оборону в 2015–2016 фин. г. станут важнейшими на национальном уровне.

Сокращение расходов на оборону привело к превращению вооруженных сил союзников в более легкие и гибкие военные формирования. Количество единиц бронетанковой техники и артиллерийского вооружения было либо уменьшено на десятки тысяч единиц, либо, как в случае Нидерландов, сведено к нулю (сегодня в Королевстве больше нет на вооружении танков) [14, с. 17].

20 лет сокращения бюджетных расходов и сосредоточенность НАТО на операциях по кризисному регулированию вне зоны ответственности привели к сомнениям относительно готовности НАТО к конвенциональной войне. В связи с этим главной задачей саммита стал новый запуск системы конвенционального сдерживания. В этих целях был принят план действий по обеспечению готовности, чтобы сделать НАТО, по заявлению А. Фог Расмуссена, «более приспособленной, более быстрой и гибкой [...] с тем, чтобы наши силы могли быстрее реагировать, имели надлежащие потенциал, подготовку и ресурсы. Эта работа уже ведется, но кризис делает ее безотлагательной» [9].

По сути, план призван был уверить восточноевропейских партнеров США по НАТО в приверженности коллективной обороне, но в более широком смысле он стал ответом на риски и угрозы, исходящие от Ближнего Востока и Северной Африки. При этом командование и контрольные центры Объединенной оперативной группы повышенной готовности, которая должна усиливать Силы реагирования НАТО, будут располагаться в Восточной Европе.

Уэльский саммит провозгласил поворот от облегченных сухопутных сил к армиям с большей боевой устойчивостью. Это означает новый этап в развитии НАТО, адаптацию альянса к «гибридным войнам», координацию его деятельности с деятельностью других организаций, прежде всего с Европейским союзом. В вопрос о коллективной безопасности впервые был внесен пункт о кибербезопасности. При этом решение о том, когда кибернападение приводит в действие ст. 5, будет приниматься альянсом в каждом отдельном случае [7]. Однако стоит учитывать большое несоответствие в возможностях по обеспечению кибербезопасности среди государств – членов НАТО, а также нежелание раскрывать информацию в такой «деликатной» сфере.

Россия – НАТО: Что дальше?

Если несколько лет назад после Лиссабонского саммита можно было сказать, что российско-натовские отношения оказались на полпути между враждой и желаемым стратегическим партнерством, то сегодня отчетливо

виден «откат» назад. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что отношения России и НАТО достигли самой низкой точки со времен окончания холодной войны.

Реакция России на заявления, сделанные в ходе саммита в Уэльсе, была однозначной. Как указывалось в комментарии МИД РФ, итоги саммита «наглядно продемонстрировали, что Организация Североатлантического договора, политика которой диктуется Вашингтоном и «ястребами» в некоторых европейских столицах, стремилась и стремится к доминированию в военной сфере в Европе в нарушение неоднократно подтверждавшихся на всех уровнях договоренностей о важности создания в Евро-Атлантике системы равной и неделимой безопасности. При этом приносятся в жертву усилия международного сообщества по противодействию реальным угрозам и вызовам современности – таким, как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, наркоторговля, пиратство, природные и техногенные катастрофы. [...] На саммите была взята линия на продвижение инфраструктуры НАТО «на Восток» и наращивание военного присутствия альянса вблизи границ России. Эти планы вынашивались давно, и украинский кризис стал лишь поводом для начала их реализации» [8]. Россия прямо обвинила НАТО в безоговорочной поддержке неофашистских и экстремистских сил на Украине и заявила, что «суть и тональность заявлений по ситуации вокруг Украины [...] ставят под угрозу срыва наметившийся прогресс в мирном процессе на Украине» [8]. В духе холодной войны стороны обвиняют друг друга в причастности к событиям на Украине, в неудовлетворительном состоянии взаимоотношений в экономической, военной и политической сферах.

Таким образом, в современных условиях происходит не только трансформация НАТО, как наглядно продемонстрировал Уэльсский саммит, трансформируются отношения между самими глобальными игроками.

Тем не менее у России и альянса еще остается поле для сотрудничества по ключевым вопросам современности: Сирия, Иран, борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия и др. Необходимо в практическом взаимодействии найти выход из сложившегося неудовлетворительного положения и перейти к открытому и честному диалогу по проблемам, вызывающим взаимную обеспокоенность.

Литература

1. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России: Доклад на конференции РОПЦ-Фонда Розы Люксембург // Полития. – М., 2006. – № 2. – С. 94–103.
2. В 2014 г. НАТО проведет саммит, посвященный завершению афганской кампании. – Режим доступа: <http://xn--80azep.xn--p1ai/ru/news/20130601/07336.html>

3. Восприятие НАТО населением России / Аналитический отчет на основе социологических исследований, проведенных по заказу Информационного бюро НАТО в Москве. – М.: ВЦИОМ, 2006. – 61 с.
4. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе ежегодной пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2014 году. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6631F30FBE1AB4B643257DD4003D0D59
5. Заявление министров иностранных дел стран НАТО. – Режим доступа: <http://www.nato-russia-council.info/ru/articles/20140327-announcement/>
6. Заявление о трансатлантической связи по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm
7. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm
8. Комментарий МИД России в связи с саммитом НАТО в Уэльсе. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/0AC3CA478290549A44257D4A004D4A54
9. Министры обороны стран НАТО обсуждают коллективную оборону и приоритеты встречи на высшем уровне. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_110608.htm?selectedLocale=ru
10. Стратегическая концепция НАТО 1991 г. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm
11. Франция, Германия и Италия выступают против предоставления Украине и Грузии ПДЧ в НАТО. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/12/02/nato-anons.html>
12. Bucharest Summit Declaration. – Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/pr/2008/p08-049e.html>
13. Chairman of the Military Committee discusses Euro-Atlantic security architecture and the importance of a solid transatlantic bond. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_113539.htm
14. Drent M., Zandee D. NATO after Wales: A reborn Alliance in a troubled world? // *Atlantic Perspective*. – 2014. – N 7. – P. 15–19.
15. Financial and Economic Data Relating to NATO Defence / Press Release. – Bruxelles: NATO PDD, 2014. – P. 10.
16. Hybrid war – hybrid response? – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/review/2014/russia-ukraine-nato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/EN/index.htm>
17. Kuřčák J. NATO after the Wales Summit: Readyng the Alliance for the Future // *Policy Paper*. – Association for International Affaires, 2014. – N 3. – P. 12.
18. Press Conference by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen following the second meeting of the North Atlantic Council at the level of Heads of State and Government during the NATO Wales Summit, 5 September 2014. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/SID-D0D702C7-F616F1F6/natolive/opinions_112891.htm?selectedLocale=en
19. Q&A with General Stephane Abrial on Smart Defence, 6 December 2011. – Mode of access: http://www.atlantic-community.org/index/articles/view/General_Abrial's_Answers%3A_Part_1_-_Smart_Defense
20. The Alliance's Strategic Concept 1999. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm
21. Wales' NATO summit will be historic, says Secretary General. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-south-east-wales-27962365>

И.С. Яжборовская

**РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ**

**Яжборовская Инесса Сергеевна – доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.**

Сотрудничество ученых России и Польши, складываясь в процессе послевоенного восстановления, служило целям практического взаимодействия обеих стран. Вначале политическое руководство настойчиво делало акцент на идеологической пропаганде «дружбы, сотрудничества и взаимной помощи». Проводились многочисленные мероприятия по поводу различных славных годовщин, популяризировалась история боевого соратничества двух народов в годы Великой Отечественной войны. Идеологические установки долгое время препятствовали пересмотру острых послевоенных проблем, возникавших в «социалистическом содружестве», обращению к сложным периодам и конфликтам в двусторонних отношениях.

Наступившая «оттепель» 1956–1957 гг. принесла диверсификацию принципов внешней политики СССР. Правительственная «Декларация об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества Советского Союза с другими социалистическими странами» от 30 октября 1956 г. сформулировала принцип равноправного характера отношений и невмешательства во внутренние дела друг друга. Во время переговоров партийно-правительственных делегаций СССР и ПНР в Москве 15–18 ноября 1956 г. была принята Совместная декларация по вопросу советско-польских отношений. В ней говорилось, что отныне двусторонние отношения будут строиться на принципах равноправия, неизбежности территориальных границ, независимости и суверенности субъектов договора, невмешательства в дела друг друга. Как утверждал Н. Хрущёв, тогда «мы сняли все, что могло вызвать мысль о неравноправных отношениях, что давало хоть малейший повод думать, что мы относимся к Польше, как к зависимому государству, пользуемся своей силой

и навязываем свои условия»¹. Руководство КПСС смирилось с «польским путем к социализму», который предполагал не только отказ от коллективизации сельского хозяйства, сохранение мелкой частной собственности в городе, своеобразную многопартийную систему во главе с ПОРП, но и большую свободу научного и культурного творчества.

21 декабря 1957 г. было подписано Соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук. Затем оно пролонгировалось и периодически конкретизировалось в двусторонних протоколах. Это позволило распространить сотрудничество на многочисленные совместные исследования в самых различных областях научного знания.

В начале 60-х годов в Польской академии наук был создан Центр истории польско-советских отношений, затем трансформировавшийся в особый институт (ныне Институт политических исследований). Вместе с Институтом славяноведения РАН он приступил к научному рассмотрению истории двусторонних отношений, стремясь преодолеть ее идеологически деформированную трактовку. Серия «Документы и материалы по истории двусторонних отношений» совместно издавалась более 20 лет и насчитывает 12 томов, выходявших на русском и польском языках. Каждый том издавался под контролем руководителей ведущих научно-идеологических учреждений. Документы рассматривались ими пристально и скрупулезно, дабы исключить конфликтные или «сомнительные» тексты.

В 1965 г. обе академии учредили Комиссию историков России и Польши, которая вместе с учеными многих научных учреждений и вузов систематически обсуждала разнообразные, нередко весьма сложные вопросы истории, в том числе двусторонних отношений в Новейшее время.

Исторический поворот 80-х годов, приведший к системным трансформациям в странах региона, усилил интерес ученых к проблемам двусторонних отношений. После подписания М.С. Горбачёвым и В. Ярузельским в 1987 г. «Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры» совместная Комиссия по истории отношений между двумя странами, стремясь выявить так называемые «белые пятна», наметила совместные исследовательские проекты по 25 проблемам, ряд которых успешно прошел этап научного апробирования и очищения от идеологизированных представлений прошлой эпохи.

Возрастало и значение систематического сотрудничества специалистов в области экономических наук. Еще в 1973 г. обе академии образовали двустороннюю Комиссию экономистов, в центре внимания которой на новом этапе исторического развития оказались основные проблемы экономической

1. Хрущёв Н.С. *Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4 кн.). Т. 3.* – М., 1999. – С. 523.

трансформации в России и Польше: инфраструктура рынка, факторы и механизмы экономического роста, перспективы развития взаимных внешне-экономических связей, территориальное самоуправление, государственный долг, аграрные отношения, иностранные инвестиции.

В последнее десятилетие экономисты обеих стран развернули обстоятельное обсуждение целого ряда актуальных научно-практических проблем: «Факторы обеспечения конкурентоспособности экономики Польши и России» (Варшава, 2005 г.), «Условия перехода Польши и России на инновационный путь развития» (Варшава, 2007 г.), «Российское и польское село против вызовов глобализации» (Москва, 2008 г.), «Государство и экономика в Польше и России: уроки XX и перспективы XXI века» (Варшава, 2009 г.), «Стратегия социально-экономического развития и институциональные реформы в России и Польше» (Варшава, 2010 г.) и др. Систематическое сотрудничество ученых-экономистов не прерывалось даже при временных осложнениях двусторонних отношений, будучи одним из самых плодотворных и эффективных направлений российско-польских научных связей.

Схожей интенсивностью отмечены контакты историков двух стран. На рубеже эпохи системных трансформаций, в ходе контактов М. Горбачёва и В. Ярузельского встал вопрос о согласовании исторической политики на должном научном уровне. Инициатива исходила от польского президента, озбоченного поисками компромисса с многомиллионным общественным движением «Солидарность». По его инициативе в «Декларацию о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры» было включено следующее положение: «Не будем оставлять нашим детям и внукам нерешенных проблем»².

Как уже говорилось, была создана Комиссия по истории отношений между двумя странами, которой предстояло проанализировать идеологизированные трактовки прошлого (ее неформальное название первоначально звучало так: «комиссия по белым пятнам»). Представлялось, что трудные проблемы прошлого – это проблемы нераскрытые, нерешенные, изображавшиеся только как «непрочитанные страницы» истории, а не как страницы «черные», нередко обгаренные кровью. Однако вскоре обнаружилось, что «непрочитанными страницами» на деле нередко являются сложные, замалчивавшиеся или искажавшиеся конфликтогенные проблемы двусторонних отношений.

Вокруг повестки дня комиссии велась неустанная борьба – что необходимо рассматривать, а что желательно, по возможности, полностью исклю-

2. Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. – М., 1987. – С. 9–10.

чить, защищая прежние идеологические бастионы. А таких бастионов воздвигнуто было немало – например, вокруг репрессирования весной 1940 г. польских военнопленных из трех спецлагерей НКВД, трагедии Варшавского восстания, восстановления независимого Польского государства и даже идеи мировой революции, не говоря уже о советско-польской войне 1919–1920 гг. и др.

В январе 1989 г. руководитель советской части комиссии академик Г. Смирнов вынес результаты этих дискуссий на рассмотрение широкого научного сообщества. Было проведено Всесоюзное совещание историков-полонистов «Актуальные задачи изучения Польши, русско-польских и советско-польских отношений». Оно сыграло важную роль в восстановлении исторической правды о трудных моментах во взаимоотношениях двух стран. Научные учреждения и вузы впервые получили рекомендацию вносить в свои рабочие и учебные планы коррективы, соответствующие выводам комиссии, учитывать их в лекционных курсах и пособиях.

Системная трансформация в России и Польше порождала изменения в общественном сознании, в том числе в представлениях россиян и поляков о самих себе, друг о друге и об общей истории. Но идеологизированность исторического сознания в обеих странах была отнюдь не изжита. Те или иные исторические события и личности оказывались в фокусе внимания в зависимости от складывавшейся конъюнктуры, нередко использовались в текущих политических интересах. Вновь продолжалась осознанная или неосознанная политизация истории, а вместе с ней возрастала конфронтационность в отношениях.

Однако после геополитических изменений на рубеже 80–90-х годов научное сообщество России и Польши в марте 1993 г. юридически обновило организацию взаимодействия ученых: было заключено аналогичное прежнему Соглашение о научном сотрудничестве РАН и ПАН, предусматривающее оформление каждые три года детальных протоколов о взаимных обменах.

Из числа успешных совместных публикаций последних 20 лет следует выделить комплекс документов о пленных войны 1919–1920 гг.³ и о событиях 1939–1940 гг. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии⁴.

3. *Красноармейцы в польском плену в 1919–1920 гг. Сб. документов и материалов.* – М., С.-Петербург, 2004; *Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1920 гг. Документы и материалы.* – М., 2004; *Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej w latach 1919–1922: Materiały archiwalne.* – W-wa, 2009 и др.

4. *Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939–1941. Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi. T. 1–2.* – Варшава – Москва, 2001; *Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940 r.* – Warszawa – Moskwa, 2003.

Четыре тома чрезвычайно важных для нормализации двусторонних отношений документов и материалов «Катынь» стали результатом сотрудничества российских и польских архивистов и историков – Федеральной архивной службы России, Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ, Института всеобщей истории РАН, Института славяноведения РАН и Института военной истории Министерства обороны РФ, а с польской стороны – Генеральной дирекции государственных архивов Республики Польша. В России в сокращенной версии изданы только два сводных тома⁵. Подведение итогов совместного изучения катынской проблематики сочеталось с формулированием дальнейших задач⁶.

В 2007 г. вышел в свет подготовленный Институтом российской истории РАН, Институтом национальной памяти и Министерством внутренних дел Польши объемистый документальный сборник «Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб»⁷. Опубликованы материалы совместных тематических конференций о двусторонних отношениях в XX в.⁸, в том числе по их сложным проблемам⁹. По-прежнему актуальной задачей российских и польских историков оставалось дальнейшее совместное изучение так называемых «белых пятен» в советско- и российско-польских

5. *Katyń. Dokumenty zbrodni. T. 1. Jeńcy nie wypowiedzianej wojny. Sierpień 1939 – marzec 1940. – W-wa, 1995; T. 2. Zagłada. Marzec – czerwiec 1940. – W-wa, 1998; T. 3. Losy ocalałych. Lipiec 1940 – marzec 1943. – W-wa, 2001; T. 4. Echo Katyń. Kwiecień 1943 – marzec 2005. – W-wa, 2006; Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы. – М., 1997; Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. – М., 2001.*

6. См.: Яжборовская И.С. *Сотрудничество историков России и Польши в раскрытии правды о Катыни // Российско-польские связи в XIX–XX вв. Сб. статей. Отв. ред. В.К. Волков. – М., 2003.*

7. *Powstanie Warszawskie. 1944 w dokumentach z archiwów służb specjalnych. – Warszawa – Moskwa, 2007.*

8. *Советские военнопленные и движение сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны. Сб. статей. – М., 1991; Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сб. статей. – М., 2001; Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. – М., 2004; Польша – СССР 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. – М., 2005. Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. Отв. ред. М. Волос и А. Орехов. – М., 2009; Польша – СССР 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. – М., 2005.*

9. «Завтра может быть уже поздно...» (М. Литвинов). – «Вестник МГИМО-Университета»: специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. – М., 2009; *Международный кризис 1939 г. в интерпретациях российских и польских историков. Под ред. М. Наринского и С. Дембского. – М., 2009; Krzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. Pod red. S. Dębskiego i M. Narińskiego. – Warszawa, 2009.*

отношениях. МИД РФ сформировал «Группу по сложным вопросам в истории российско-польских отношений», работу которой поддерживал Совет Федерации. Результаты тщательного совместного исследования ученых двух стран нашли отражение в фундаментальном издании «Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях»¹⁰.

В рамках совместной российско-польской комиссии по учебникам проводилась работа по согласованному освещению истории обеих стран в российских и польских школьных учебниках.

Определенным подведением итогов российско-польского научного сотрудничества стала проведенная Комиссией историков 15–19 октября 2011 г. в Варшаве и Пултуске в рамках «Дней российской науки в Польше» конференция «Академии наук Польши и России, университеты, высшие школы, научные организации и общества: История польско-российских отношений в сфере науки XVIII–XX веков»¹¹. Она убедительно продемонстрировала значение этих связей и их роль в повышении объединенного потенциала академической и университетской науки.

Наряду с историками Института славяноведения РАН с польскими коллегами результативно сотрудничали при совместной разработке новых проектов, создании монографий и коллективных трудов другие специалисты – филологи, литературоведы и культурологи из того же института, а также из институтов мировой литературы, русского языка и других научных учреждений. Многолетние контакты культурологов двух стран под эгидой Министерства культуры РФ вылились в ряд научно-практических конференций и крупных конгрессов: «Россия и Польша: Долг памяти и право забвения», «Польша – Россия: Трудные вопросы. Три нарратива: история, литература, фильм», «Россия и Польша: Память империй / империи памяти» и др.

Совместной разработкой проблем общественно-политического развития заняты политологи и социологи Института социологии РАН и крупных польских исследовательских центров – Института политических исследований ПАН, Института философии и социологии ПАН и др. Активно участвуют в российско-польском научном сотрудничестве преподаватели Московского

10. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Под общей редакцией А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. Отв. ред. А.В. Мальгин, М.М. Наринский. – М., 2010; *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w polsko-rosyjskich stosunkach 1918–2008. Pod red. A.D. Rotfelda i A. W. Torkunowa.* – Warszawa, 2010.

11. См.: Академии наук Польши и России, университеты, высшие школы, научные организации и общества: История польско-российских отношений в сфере науки XVIII–XX вв. – Отв. ред. Л. Заштофт. – В-ва, 2013. – 756 с.; *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* – Red. L. Zasztóft. – W-wa, 2013. – 756 s.

государственного университета им. М.В. Ломоносова, Варшавского, Ягеллонского университетов, других высших школ, научных организаций и обществ.

Дальнейшим импульсом к двустороннему сотрудничеству послужили «Дни польской науки в России» и «Дни российской науки в Польше», во время которых были организованы десятки семинаров, конференций, школы молодых ученых, тематические выставки с демонстрацией научных достижений обеих стран; были выявлены новые перспективные темы сотрудничества в сфере фундаментальных и прикладных естественных наук. По итогам состоявшихся в 2004, 2007 и 2010 гг. конкурсов научных работ лауреатами совместных премий Российской и Польской академий наук за лучшие научные результаты стали 58 ученых РАН и ПАН.

2014 год принес российской академической науке системную реорганизацию, замораживание сотен международных соглашений о научном сотрудничестве. В их числе оказались более 100 российско-польских проектов из различных областей знания; их финансирование резко сократилось.

Невзирая на это, российским и польским исследователям удалось завершить некоторые совместные работы. Примерами служат двухтомный коллективный труд «Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития»¹², коллективная монография «Россия и Польша: История общая и разобщенная»¹³, фундаментальное исследование «Социально-политическое развитие России и Польши на современном этапе»¹⁴ (в нем участвовали с российской стороны Институт социологии РАН, Институт экономики РАН и Институт мировой экономики и международных отношений РАН; с польской – Институт политических исследований).

Нынешнее более чем скромное финансирование совместных российско-польских научных исследований стало серьезным препятствием для их дальнейшего развития.

12. Глобальный мир: К новым моделям национального и регионального развития. Научная монография: В 2 т. / Редкол.: И.С. Семеновко (отв. ред.), Н.В. Загладин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин. – ИМЭМО РАН, 2014. – 648 с.

13. Россия и Польша: История общая и разобщенная / Под ред. Е.И. Пивовара, О.В. Павленко. – М., 2015. – 416 с.

14. Социально-политическое развитие России и Польши на современном этапе / Редкол.: И.С. Яжборовская (отв. ред.), В.Т. Веденеева, С.П. Гликина, В.И. Пантин. – ИМЭМО РАН, 2015. – 184 с.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В.С. Авдонин

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИНСТИТУТАХ РАН*

Авдонин Владимир Сергеевич – доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Введение

Реформа Российской академии наук, начатая в 2013 г. вполне резонансным и проблемным образом, продолжает вызывать неоднозначные оценки и комментарии. Одним из чувствительных аспектов дискуссий является вводимый реформой характер отношений Академии и ее учреждений, прежде всего институтов РАН, в которых собственно и осуществляется основной объем академической научной деятельности. Реформа фактически вводит ограничения этих отношений путем исключения из них имущественных, финансовых, а в значительной мере и управленческих компонент при сохранении, вероятно, экспертных, консультационных и научно-прогностических функций. Это очевидным образом ослабляет традиционные связи, сложившиеся в российской академической науке, ведет к их переформатированию с пока не вполне ясными последствиями для будущего российской науки в целом.

В представленном материале предполагается рассмотреть один из фрагментов организационной структуры РАН, а именно – организационную структуру политической науки в институтах РАН – в том виде, как она сложилась к началу реформы, законодательно введенной в 2013 г. В основном здесь приводятся данные на 2014 г.¹, когда, по согласованию с властями, в реформе действовал мораторий на структурные реорганизации. Но в 2015 г.

* Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00808 «Политическая наука в институтах РАН».

1. Приводимые в статье данные получены с официальных сайтов институтов РАН, из интервью с сотрудниками.

он завершился, началась подготовка к управленческим изменениям, которые в интересующих нас институтах пока затронули в основном должности директоров, их покинули ряд известных академиков. В наступившем 2016 г. эти изменения, вероятно, будут продолжаться, а об их направленности и результатах можно будет судить позднее.

Анализ структурной организации политической науки в институтах РАН вызывает существенный интерес, прежде всего в силу того, что академические институты сыграли ключевую роль в становлении политической науки в современной России. Здесь работали многие ее создатели, формировались исследовательские программы, начинало складываться научное сообщество, возникала и собственно институционализация. Об этом говорится в целом ряде публикаций историко-научного, мемуарного и науковедческого характера [1; 2; 3; 8; 9; 10; 15 и др.], где академический исток политологии в современной России раскрыт весьма убедительно и достаточно подробно.

Однако сегодня тема значимости академической доминанты и роли институтов РАН в развитии политической науки в России стала звучать менее уверенно. В этой области знаний имеются и другие сегменты: «вузовской» политологии, многочисленных правительственных и неправительственных центров экспертного и консалтингового характера, сетевых проектов и др. На этом фоне важно определить место и роль институтов РАН, их статус и функции в политической науке сегодняшней России. Тем более что академический сектор этой науки, как уже было сказано, вступает в фазу реформ, что может привести к изменениям как его самого, так и всей этой научной области в нашей стране.

И одним из направлений анализа является рассмотрение сложившейся организационной структуры политической науки в институтах РАН. Ее актуальному состоянию предшествовал ряд структурных изменений в середине 2000-х годов. Среди них можно отметить упразднение в 2005 г. двух институтов РАН: профильного для политической науки Института сравнительной политологии и Института международных экономических и политических исследований. Первый был структурно объединен с Институтом социологии и частично с Институтом социально-политических исследований, а второй – с Институтом экономики. В 2005 г. также был создан Институт проблем международной безопасности РАН, но в 2013 г. он был упразднен путем слияния с Институтом социально-политических исследований.

В настоящее время в РАН нет какого-то профильного учреждения или института, в котором была бы сосредоточена деятельность в области политической науки. Исследовательская активность в этой сфере распределена по достаточно широкому полю научно-исследовательских учреждений академии. Всего политическая наука в плане формальной организации представлена в 19 учреждениях РАН, входящих в структуру четырех отделений Академии

и Президиума: Отделения общественных наук, Отделения глобальных проблем и международных отношений, Отделения историко-филологических наук, Президиума РАН, Уральского отделения РАН, а также Санкт-Петербургского научного центра РАН и Южного научного центра РАН. Каждая из этих макроструктур курирует работу соответствующих институтов, где имеются подразделения политологического профиля.

1. Институты Отделения общественных наук РАН

Базовым для политической науки считается *Отделение общественных наук*. Оно включает в себя секцию *философии, социологии, психологии, политологии и права*, которое курирует работу четырех институтов, где имеются структурные подразделения, работающие в области политической науки. Это – Институт социологии, Институт философии, Институт социально-политических исследований и Институт государства и права. Вторая секция этого отделения (секция экономики) курирует институты экономического профиля, из которых лишь в Институте экономики есть подразделения, проводящие исследования в области политической науки.

Институт социологии РАН (директор – академик М. Горшков). Является в какой-то мере наследником профильного Института сравнительной политологии РАН, упраздненного в 2005 г. путем слияния с Институтом социологии и Институтом социально-политических исследований. Здесь создан профильный для политической науки *«Центр политологии и политической социологии»*. В его составе четыре отдела: *Отдел анализа социальных и политических процессов; Отдел сравнительных политических исследований; Отдел политических отношений; Отдел сравнительного изучения политических систем*. Основные направления исследований: влияние глобализации на внутривнутриполитическое развитие России; исследование переходных политических форм общественного развития, этапов, форм и механизмов осуществления демократических реформ; изучение идеологий различных политических сил; изучение политической культуры и политического участия в России и других странах; гендерные процессы и гендерная политика в Европе и в России; проблемы социально-политической безопасности, социальная политика, проблемы рабочего и профсоюзного движения, социального партнерства и социального протеста в современной России. Кроме того, изучаются политические процессы в странах Востока и ближнего зарубежья, политическая философия в современном мире, религия и общество, ценностные аспекты политического развития и др. Исследования по политической науке ведутся и в ряде других непрофильных для политологии подразделениях института.

В институте издаются журналы политологического профиля: «Власть», «Полис»² (наиболее рейтинговый журнал политологического сообщества, базирующийся в Институте социологии), «Социс» (рубрика «Политическая социология») и др.

Здесь работает *Центр социологического и политологического образования* – образовательная структура в составе Института, деятельность которой направлена на организацию дополнительного профессионального образования в области социологии и политических наук, поддерживается в основном зарубежными фондами, а также Министерством образования и науки РФ. Кроме того, в Институте социологии действует Факультет социологии ГАУГН (Государственного академического университета гуманитарных наук), но обучение в области политической науки он не осуществляет. Диссертационный совет института может присуждать степени по политической науке (специализация 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии).

Институт философии РАН (директор – академик А. Гусейнов³). Здесь имеется два профильных сектора по политической науке: *Сектор философских проблем политики* и *Сектор истории политической философии*. Основные направления исследований: политическая динамика современного мира; история западноевропейской политической философии; политическая мысль России XIX–XX вв.; теоретико-методологические аспекты развития политической науки, ее структура и категории. Кроме того в Институте действует близкий к политологической тематике *«Центр философских исследований идеологических процессов»*. С 2008 г. в Институте философии издавался *«Политико-философский ежегодник»*⁴.

В Институте философии также действует *Факультет политологии* ГАУГН. В его составе четыре кафедры: политической этики, политической антропологии, прикладной политологии, истории политических учений. Диссертационный совет присваивает ученые степени по трем политологическим специализациям: 23.00.01 – теория и философия политики; 23.00.02 – история и методология политической науки; 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Институт социально-политических исследований РАН (директор – академик Г. Осипов). Создан в 1991 г. в результате выделения из состава Института социологии исследовательской программы академика Осипова. В ИСПИ

2. Институт социологии является одним из учредителей этого журнала.

3. В конце 2015 г. академик А. Гусейнов покинул этот пост.

4. По данным на 2015 г., выпуск ежегодника прекращен.

политическая наука представлена заметно скромнее, чем в Институте социологии и в Институте философии. С политической наукой здесь формально связаны два отдела: *Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований* и *Отдел социально-политического анализа и стратегических оценок*. Специализированных политологических исследований, судя по тематике публикаций, они не ведут. В первом из них в основном изучается «социально-политическая динамика» российского общества на основе социальных индикаторов и так называемые «социополитические» (этот термин часто встречается в публикациях отдела) процессы в России и в мире. Во втором – в основном доминирует геополитическая тематика в духе различных версий евразийства. На базе влившего в ИСПИ Института проблем международной безопасности создан Центр исследований военно-политических проблем России.

В институте есть и ряд других центров, руководимых экс-госчиновниками, имеющими степени докторов политических наук (В. Якуниным, П. Бородиным, М. Бесхмельницким), но они работ по политической науке не публикуют. Тем не менее в этом институте работает один из самых активных (по количеству защит) Диссертационный совет, присуждающий степени по политической науке (специализация 23.00.02).

В структуру ИСПИ также входит *Объединенный Северо-Кавказский центр социальных и социально-политических исследований*, возглавлявшийся до 2012 г. экс-председателем ВАК членом-корреспондентом Ф. Шамхаловым, но исследований политологического характера он также не публикует.

Институт государства и права РАН (директор – академик А. Лисицын-Светланов). Этот институт сыграл важную роль в становлении политической науки в СССР и современной России. Здесь базировалась до середины 90-х годов сначала советская, а затем и Российская ассоциация политической науки, институт курировал, а затем и работал здесь один из основателей российской политической науки Георгий Шахназаров. Сейчас специализированных отделов по политической науке в институте нет. Нет здесь и сотрудников с учеными степенями в области политической науки. Все сотрудники имеют исключительно юридические степени. В то же время в институте разрабатывается направление так называемой «*юридической политологии*»⁵. Оно наиболее активно представлено в секторах: «*Истории государства, права и политических учений*», «*Теории права и государства*», «*Прав человека*», «*Правовых проблем международных отношений*». В публикациях института

5. О проблемах этого направления подробнее см.: [6].

встречаются работы, близкие по тематике к институциональной политологии, а также к истории политической мысли.

С 2000 г. в структуру института входит *Саратовский филиал ИГП РАН*, в котором осуществляется исследовательская программа «Правовая политика». Среди четырех Диссертационных советов, работающих в институте, нет ни одного, присваивающего степень по политической науке.

В *Секции экономических наук* политическая наука представлена в основном в рамках *Института экономики РАН* (до 2014 г. директор – член-корреспондент Р. Гринберг⁶). Здесь создано исследовательское направление «*Международные экономические и политические исследования*»⁷, объединяющее работу трех центров: *Центра постсоветских исследований*, в составе которого есть сектор «*Политических процессов на постсоветском пространстве*», *Центра восточноевропейских исследований* и *Центра внешней политики*. В деятельности этих центров важное место занимает исследование политических процессов в России, но особенно в постсоветских государствах и странах Восточной Европы. В их числе: системные трансформации; особенности политического развития постсоветских стран; партийные системы и политические размежевания в постсоветских странах Восточной Европы; интеграционные процессы на постсоветском пространстве; особенности российской внешней политики на постсоветском пространстве и др. Среди сотрудников соответствующих подразделений института имеются и ученые со степенями в области политических наук. Диссертационного совета по политическим наукам в институте нет.

2. Институты Отделения глобальных проблем и международных отношений

Это отделение было создано в 2010 г. путем выделения секции Международных отношений из состава Отделения общественных наук. В составе отделения две секции: Глобальных проблем и Международных отношений. Отделение курирует шесть институтов: Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН); Институт Африки (ИАФ РАН); Институт Дальнего Востока (ИДВ РАН); Институт Европы (ИЕ РАН); Институт Латинской Америки (ИЛА РАН) и Институт Соединенных Штатов Америки и Канады (ИСК РАН). В институтах этого отделения политическая наука

6. В 2015 г. временно обязанности директора исполнял М. Головинин, но он не был утвержден Президиумом РАН. В начале 2016 г. директором назначена д-р экон. наук Е. Ленчук.

7. В основном оно создано на базе упраздненного в 2005 г. Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ РАН).

представлена достаточно активно, а среди их сотрудников значительное число имеют степени по политической науке. Вместе с тем особенностью политических исследований здесь является их включенность в контекст исследований международного профиля.

Институт мировой экономики и международных отношений (директор – академик А. Дынкин). Является старейшим и центральным институтом международного профиля в РАН. По числу входящих в его Ученый совет академиков и членов-корреспондентов занимает первое место среди рассматриваемых в статье институтов РАН. Политическая наука здесь представлена в рамках нескольких структурных подразделений различного статуса: центров, отделов, секторов, групп. Прежде всего, отметим *Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований*, в составе которого работают: *отдел внутриполитических процессов*; *группа изучения политических институтов*; *сектор прикладных социально-политических исследований*; *группа изучения проблем общественно-политического развития*. Основные направления исследований: сравнительный анализ политических систем и политических институтов России и Запада, изучение факторов взаимодействия субъектов политического процесса – государства, бизнеса и гражданского общества, тенденций политических изменений в условиях глобализации и трансформации мирового порядка, разработка методологических подходов к концептуализации проблем политической модернизации.

Кроме этого, политическая наука применительно к международной тематике активно присутствует в *Отделе международно-политических проблем* и *Отделе европейских политических исследований*. В первом изучаются проблемы теории и институционализации международных отношений, мира и конфликтов, во втором – политическая проблематика европейской интеграции и различные направления политики ЕС. В институте есть также сектор *Теории политики*, где упор сделан на изучение геополитических реальностей современного мира, и *Сектор политического и культурологического анализа*, где изучаются проблемы модернизации стран Востока и взаимодействия политики и религии. Вопросы военной политики и политики безопасности изучаются в *Центре международной безопасности*. В институте действует Диссертационный совет, присуждающий степени по политической науке (специализации 23.00.02 и 23.00.04).

Институт США и Канады РАН (директор – академик С. Рогов). Институт страноведческого профиля, создан в 1967 г. академиком Г. Арбатовым. Политическая наука в институте представлена прежде всего в рамках внутриполитического направления в *Центре внутриполитических исследований*

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

и в *Центре социально-политических исследований*. Отметим, что обе руководительницы этих центров являются докторами политических наук. В первом изучаются: институты государственной власти США, политический процесс и политические институты, особенности современного американского парламентаризма и демократии, лоббизм, общие вопросы социальной политики и социальные программы, государственное регулирование, американская модель национальных отношений и вопросы иммиграции. Во втором – главное внимание уделено изучению общих проблем политической системы и политических процессов США, избирательных кампаний, общественного мнения, политической культуры, а также новому направлению – гендерной политической культуре.

В рамках внешнеполитического направления политическая наука используется в относительно новом подразделении института – *Центре исследований внешнеполитического механизма США*. Здесь в основном осуществляется исследование функционирования Совета национальной безопасности, Государственного департамента, а также других внешнеполитических ведомств США, включая Министерство торговли, Министерство финансов и др.

Политологический анализ используется и в подразделениях военного направления института: *Центре военно-политических исследований* и *Центре военно-промышленной политики США*. Можно также отметить созданный недавно при институте *Центр анализа ближневосточных конфликтов*. Институт является базовым для *Факультета мировой политики ГАУГН*, а его Диссертационный совет присваивает степени по политической науке (специализации 23.00.02 и 23.00.04).

Институт Европы РАН (директор – доктор политических наук А. Громыко). Из академических институтов регионального профиля Институт Европы является относительно молодым – он создан в 1988 г. по инициативе академика А. Журкина. Но по наличию в его составе академиков и членов-корреспондентов является весьма статусным, уступая только ИМЭМО. Институт включает два направления: интеграционное и страноведческое. Политическая наука представлена и в том, и в другом. В *Отделе исследований европейской интеграции* работают два специализированных центра: *Центр экономической интеграции* и *Центр политической интеграции*, где интеграционный процесс исследуется с позиций политической науки. Кроме того, в институте работает *Отдел социальных и политических исследований*, в составе которого, прежде всего, следует отметить *Центр партийно-политических исследований*. В этом центре осуществляются исследования политических партий и партийно-политических систем европейских стран. В рамках этого отдела также работает *Центр межкультурных исследований*,

который возглавляет академик Т. Тимофеев, бывший директор Института сравнительной политологии РАН. Политические процессы активно исследуются и в страновых центрах института: *Центре британских исследований*, *Центре германских исследований*, *Центре французских исследований*, *Центре Северной Европы*, *Центре иберийских исследований*, а также в *Центре этнополитических и межгосударственных конфликтов*. Диссертационный совет института присуждает ученые степени по политической науке (специализации 23.00.02 и 23.00.04).

Другие институты регионального профиля: *Институт Африки* (директор – академик А. Васильев⁸), *Институт Дальнего Востока* (директор – академик М. Титаренко⁹) и *Институт Латинской Америки* (директор – член-корреспондент В. Давыдов). Во всех этих институтах политическая наука используется, прежде всего, в страноведческих исследованиях, которые проводятся в многочисленных отделах и секторах этих институтов. В то же время во всех этих институтах имеются и специальные научные подразделения, в которых проводятся исследования преимущественно политологического характера с учетом, разумеется, соответствующего региона.

Так, в Институте Дальнего Востока имеется *Центр политических исследований и прогнозов*, в котором сосредоточены исследования политической системы, политических институтов, процессов и направлений политики современного Китая (включая и нематериковую часть – Тайвань).

В Институте Африки работает *Центр социологических и политологических исследований*, где изучаются трансформации политических систем, гражданского общества, политической культуры африканских стран, проблемы модернизации и социального развития.

В Институте Латинской Америки создан *Центр политических исследований*, включающий *Группу анализа политических, этнических и международных проблем* и *Группу политической конъюнктуры*, где изучаются внутриполитические процессы, а также внешняя политика стран Латинской Америки. Можно отметить, что на фоне всех этих региональных институтов, политическая наука наиболее активно представлена в ИЛА РАН, в составе Ученого совета которого много докторов политических наук, а ученые степени по политическим наукам имеют большинство сотрудников Центра политических исследований ИЛА.

8. В 2015 г. стал почетным президентом института, ВРИО директора – И. Абрамова.

9. В 2015 г. стал научным руководителем института, ВРИО директора – С. Лузянин.

Следует добавить, что во всех этих институтах работают диссертационные советы по политическим наукам, которые присваивают степени по специализациям: ИАД (23.00.04), ИДВ (23.00.02 и 23.00.04), ИЛА (23.00.02 и 23.00.04).

3. Институты Отделения историко-филологических наук РАН

В *Отделении историко-филологических наук* политическая наука представлена заметно скромнее, чем в двух выше названных Отделениях. Отделение курирует четыре института, где в той или иной мере проводятся исследования политологического характера: Институт всеобщей истории (ИВИ РАН), Институт российской истории (ИРИ РАН), Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ИЭА РАН) и Институт востоковедения РАН (ИВ РАН).

Институт всеобщей истории РАН (директор – академик А. Чубарьян¹⁰). Специального подразделения политологического профиля в институте нет. В то же время институт являлся головной организацией программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук «*Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов*» (координаторы – академик А. Чубарьян, академик Ю. Пивоваров, член-корреспондент А. Сахаров). Комплексный характер исследований по программе предопределил в ней роль политологического измерения, в частности в исследовании связи политических и социальных трансформаций и конфликтов в XX в.

С этой же программой в институте связан Центр «*XX век: Социально-политические и экономические проекты*», где в сравнительно-историческом плане изучается, в частности, история политических партий и общественно-политических движений, история государства и права, история международных отношений в XX в.

Институт российской истории РАН (директор – доктор исторических наук Ю. Петров). В работе этого института политическая наука присутствует прежде всего в рамках *Центра изучения новейшей истории России и политологии*. В Центре изучаются социальные, экономические, политические процессы в России в XX–XXI вв. Заметное место также уделяется разработке теоретико-методологических проблем исторических исследований, в том числе использованию в них политологических подходов. С учетом этого обстоятельства в ряде публикаций сотрудников Центра исследуются вопросы

10. В 2015 г. стал научным руководителем института, ВРИО директора – М. Липкин.

истории российских политических партий, отношений власти и общества, истории общественно-политических реформ, конфликтов и кризисов, истории формирования и эволюции различных идеологических течений в России в XX в.

В Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (директор – академик В. Тишков¹¹) политическая наука присутствует, прежде всего, в подразделениях *Центра этнополитических исследований*. В центре работают: *Группа этнорегиональных проблем* и *Группа религиоведения*. Центром осуществляется программа фундаментальных и прикладных исследований. В рамках фундаментального направления с использованием политической науки изучаются: принципы, модели, формы, история национальной (этнической) политики; этнические отношения и конфликты, их предупреждение и урегулирование; этнические отношения и власть; языковая и образовательная политика; формы национализма и расизма; положение этнических меньшинств и т.д. В программе прикладного направления можно отметить проект «Этнологического мониторинга», а также серийное издание «Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад» (выходит с 1997 г.).

Институт востоковедения РАН (директор – член-корреспондент В. Наумкин). Одно из старейших исследовательских учреждений РАН, ведущее свою историю с середины XIX в. Специального подразделения политологического профиля в институте нет. Политическая наука в основном включается в исследования страноведческих центров, отделов и секторов института. Вместе с тем следует отметить, что в 2011 г. в институте был создан междисциплинарный *Евразийский центр мегаистории и системного прогнозирования* (ЕАЦМИСП). Среди задач Центра: способствовать совместной деятельности ученых разных стран и специальностей, работающих в историко-эволюционной парадигме, а также педагогов, общественных деятелей, политиков и политических консультантов; совершенствовать методологию и практику системного прогнозирования социальных процессов как на региональном, так и на глобальном уровнях, а также гуманитарные технологии управления политическим и экономическим развитием. Очевидно, что политической науке в этом комплексном подходе принадлежит важное место.

Институт Востоковедения – единственный из институтов Отделения историко-филологических наук РАН, где есть Диссертационный совет, присуждающий ученые степени по политической науке (специализация 23.00.01).

11. В 2015 г. стал научным руководителем института, ВРНО директора – М. Мартынова.

4. Институты при Президиуме РАН

Среди институтов при Президиуме РАН политическая наука наиболее значимо представлена в *Институте научной информации по общественным наукам* (директор – академик Ю. Пивоваров¹²). В институте она представлена в рамках *Центра социальных научно-информационных исследований*, где работает *Отдел политической науки*. Деятельность отдела направлена на изучение достижений и тенденций развития мировой политической науки и их представление российскому сообществу политологов. Исследуются также проблемы и тенденции в отечественной политической науке, пути ее развития, способы совершенствования научно-информационного обеспечения политических исследований и исследований социальных наук в целом. Работу отдела в основном обеспечивают сотрудники, имеющие научные степени в области политической науки, издается журнал «*Политическая наука*».

Помимо этого отдела в ИНИОН работают еще несколько подразделений, связанных с политической наукой: *Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем*, включающий несколько региональных отделов и секторов, *Центр россиеведения*, *Центр перспективных методологий социальных и гуманитарных исследований* и *Центр по изучению проблем европейской безопасности*. В институте базируется общественно-научный Московский роккановский центр.

Важной составной частью института является Фундаментальная библиотека РАН по общественным наукам, координирующая информационное обслуживание всех институтов РАН общественно-исторического и международного профиля¹³.

Аспирантура и докторантура ИНИОНа осуществляет подготовку по всей номенклатуре специализаций политической науки.

5. Институты Уральского Отделения РАН

Институт философии и права УрО РАН (директор – член-корреспондент В. Руденко). Институт был создан в 1988 г. по инициативе известного российского ученого-правоведа С. Алексеева. В настоящее время Институт работает по трем приоритетным направлениям научной деятельности: политическая философия в глобализирующемся мире, современные политические теории и методология политической науки; правовые институты и процессы в России и мире, включая конституционно-правовые проблемы гражданского

12. В 2015 г. стал научным руководителем института, ВРИО директора – Д. Ефременко.

13. В 2015 г. после трагического пожара в ИНИОНе деятельность библиотеки ограничена.

участия и договорного регулирования; современное федеративное государство: междисциплинарный подход¹⁴. Политическая наука представлена в основном в *Отделе философии*. В институте действует аспирантура по политическим наукам, Диссертационный совет присуждает ученые степени по политическим наукам (специализация 23.00.01)¹⁵.

В структуру института формально входит *Пермский филиал по исследованию политических институтов и процессов* (директор – доктор политических наук О. Подвинцев), расположенный в Перми. Но в настоящее время осуществляется его переход в состав Пермского научного центра УрО РАН¹⁶. Филиал ведет исследования по следующим направлениям: политические аспекты межнациональных и межконфессиональных отношений и конфликтов в Российской Федерации в сравнительном контексте; модернизация партийной системы и электоральные процессы в Российской Федерации, трансформация региональных избирательных систем в современной России; региональное измерение политической культуры в условиях «глокализации»¹⁷.

6. Институты Научных центров РАН

В этой группе научных учреждений РАН с точки зрения нашей темы могут быть рассмотрены два института.

Социологический институт РАН (директор – член-корреспондент И. Елисеева). До 2000 г. – Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН. Этот институт входит в состав Научного центра РАН в Санкт-Петербурге. В структуре института девять секторов и четыре исследовательских группы. Политическая наука представлена там в основном в секторе «Социология власти и гражданского общества». Работа сектора ведется в рамках академического проекта «Динамика власти: проблемы институционализации властных групп и политической консолидации в России». Содержательно этот проект состоит из двух подпроектов: «Институционализация региональных властных групп» и «Проблемы консолидации российской демократии: политическая культура». Результаты исследований представлены во многих публикациях.

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (директор – доктор философских наук В. Авксентьев). Сформирован из объединенного отдела социально-политиче-

14. Подробнее о работе института см.: [7].

15. По информации на конец 2014 г., работа Совета была приостановлена.

16. В 2015 г. этот процесс фактически завершился.

17. Термин «глокализация» означает активизацию локальных процессов на фоне глобализации.

ских и экономических проблем ЮНЦ РАН. В институте имеется *Отдел политологии и конфликтологии*, в котором изучаются преимущественно социально-политические, межнациональные, миграционные процессы и проблемы безопасности на Юге России.

Разумеется, исследования в области политической науки проводятся также в других, не отмеченных здесь учреждениях и структурах академии. Но их объем относительно невелик, а жанр статьи не позволяет упомянуть всех.

7. Некоторые наукометрические показатели институтов РАН

Общую статистическую картину результатов работы институтов РАН в области политической науки можно представить по данным РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) [11]. Сразу оговоримся, что данная картина может не отражать всех деталей, а в чем-то и исказить действительность, так как в системе учета данных РИНЦ имеются проблемы и недостатки. Тем не менее она остается основной признанной базой данных о российской науке.

Данные РИНЦ показывают, что основную долю публикаций по политике и политической науке дают институты Отделения глобальных проблем и международных отношений и, прежде всего, ИМЭМО РАН, являющийся лидером по этому показателю (963 публикации за пять лет 2010–2014). Несколько уступают им институты Отделения общественных наук, среди которых заметно выделяется Институт социологии РАН (597 публикаций). Институты Отделения историко-филологических наук по этому показателю на третьем месте. Четвертым является ИНИОН (323 публикации), а пятым – Институт философии и права УрО РАН (231 публикация). По показателям цитирования публикаций, лидеры те же: на первом месте – ИМЭМО (1164 цитирования за пять лет 2010–2014), на втором – Институт социологии (927 цитирований), а вот третья позиция меняется – ее занимает ИНИОН (479 цитирований), четвертая – Институт философии и права УрО РАН (376 цитирований), пятая – Институт США и Канады (311 цитирований). В целом по числу цитирований институты Отделения общественных наук заметно сокращают разрыв с институтами Отделения глобальных проблем и международных отношений (1448 – первые и 2106 – вторые), а с учетом показателей ИНИОНа и Института философии и права, даже их превосходят (2303 против 2106). В этой группе институтов также выше число высоко цитируемых авторов (24 против 16)¹⁸.

18. Более подробные данные в табличной форме см: [1].

Данные РИНЦ также показывают, что академические институты продолжают занимать ведущие позиции в таком научном жанре, как подготовка и издание монографий. Этот вид публикаций является вполне традиционным для академической науки и предполагает систематизированное и углубленное рассмотрение крупных научных проблем, составляя важный компонент институционализации и автономии науки. В количественном плане по выпуску индивидуальных и коллективных монографий в области политической науки крупные академические институты РАН заведомо превосходят все другие научные и экспертные учреждения, работающие в этой сфере. При этом особенно важно, что намного выше цитируемость академических монографий, чем произведенных в неакадемической сфере [12]. То есть в целом влияние академических институтов на научное сообщество в секторе монографических работ, играющих заметную роль в обобщении исследовательских результатов и закреплении научных стандартов, остается значительным и даже доминирующим, способствуя институционализации научных практик.

Еще один показательный момент касается кадрового потенциала академических институтов РАН в области политической науки. Работающие там ученые занимают в исследовательском поле отечественной политической науки лидирующие позиции, и устойчивое внимание к их публикациям в научном сообществе выше, чем к публикациям любой другой категории авторов. По интегральному показателю, учитывающему связь между количеством научных публикаций и их цитированием (индекс Хирша), они составляют самую значительную часть лидирующей группы. В топ-10 наиболее цитируемых российских политологов их 50%, в топ-50 – 46%, в топ-100 – 43% [13]. Разумеется, высокие персональные рейтинги ведущих академических ученых обеспечиваются не только за счет их публикаций в рамках соответствующих институтов, а формируются с учетом более широкого круга их работ. Тем не менее сам факт их присутствия во главе рейтинга в таком количестве говорит о признании и влиянии статуса ученых из академических институтов в научном сообществе российских политологов.

Данные РИНЦ также позволяют сравнить показатели публикационной активности институтов РАН и крупнейших российских университетов за период 2010–2014 гг. Шесть университетов (РАНХиГС, МГУ, МГИМО, РГГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ), которые дают более 80% научных публикаций в области политики и политической науки, по количеству публикаций – 7,5 тыс. и цитирований – 6,6 тыс. суммарно превосходят институты РАН (3,8 тыс. публикаций и 4,95 тыс. цитирований) [12]. Но по коэффициенту цитирования – 1,32 у институтов РАН и 0,88 у университетов – почти в полтора раза превосходят их. У институтов РАН также значительнее доля высоко цитируемых авторов, входящих в ТОП-100 российских политологов в РИНЦе, – 43, чем у университетов – 35.

Еще один наукометрический показатель относится к эффективности профессиональной коммуникации в научном сообществе. Эту функцию выполняют профессиональные научные журналы. В базе РИНЦ по политическим наукам таких журналов более сотни и среди них большинство университетские издания. Но если взять первую десятку журналов по рейтингу SCIENCE INDEX (связывает количество и вид публикаций с периодичностью издания и его цитированием), то в ней мы обнаружим шесть изданий, связанных с академическими институтами, и лишь два – с университетами [16].

Помимо рейтинга РИНЦ имеются и другие. Например, опубликован рейтинг научных журналов по политической науке, составленный экспертами НИУ ВШЭ. Но и в нем из пяти журналов двух высших категорий, выделенных экспертами, четыре связаны с академическими институтами и лишь один – с университетом [5].

Что касается неакадемических аналитических и консалтинговых центров («фабрик мысли») как коммерческих, так и связанных с государством, то в наукометрической базе РИНЦ по политической науке продукция даже самых крупных из них представлена незначительно. Во всяком случае, она не сопоставима с показателями крупных академических институтов и университетов. Возможно, это связано с эксклюзивным и непубличным характером их работы. Но тогда их деятельность не вписывается в само определение науки как познавательной деятельности и социального института, что предполагает доступность ее результатов для использования, проверки и критической оценки профессиональным научным сообществом. Вероятно, их деятельность значима в основном в каком-то другом смысле, за пределами собственно науки, в пространстве так называемого «постакадемического» знания [4; 14].

Таким образом, политическая наука, представленная в институтах РАН, остается важнейшей частью российской политической науки и фактически сохраняет статус ядра научного сообщества. Она занимает существенное место в ее исследовательском пространстве, особенно значимое по ряду научных направлений, специализаций и типам публикационной активности. Но еще важнее ее роль в институционализации отечественной политической науки как в плане когнитивных критериев научности (критическая рефлексия и разработка теории и методологии), так и в плане критериев и стандартов научной коммуникации в сообществе.

Она не свободна от проблем и неблагоприятных тенденций, которые должны преодолеваются. Дальнейшее ослабление и упадок ее институциональной роли с большой вероятностью будут вести к упадку и деградации политической науки в России, к утрате ею статуса самостоятельного и критического способа объективного познания мира политического.

Литература

1. Авдонин В.С. Политическая наука в институтах РАН: Институциональное измерение и наукометрические показатели // Политическая наука. – 2015. – М., № 3. – С. 27–52.
2. Воробьев Д.М. Политология в СССР: Формирование и развитие научного сообщества // Полис. – 2004а. – М., № 4. – С. 169–178.
3. Воробьев Д.М. Развитие политологического сообщества в постсоветской России // Полис. – 2004б. – М., № 6. – С. 151–161.
4. Гребенщикова Е.Г. Этнос «постакадемической» науки и трансформация нравственных императивов производства знания // Философия образования. – М., 2012. – № 1. – С. 33–38.
5. Конференция «Академические журналы: Организация науки и трансляция знания». – Режим доступа: http://igiti.hse.ru/Meetings/Conferences/Journals_report
6. «Круглый стол» «Политическая наука в институтах РАН: История, современное состояние, перспективы» // Политическая наука. – М., 2015. – № 3. – С. 237–251.
7. Макаров А.Б. Академическая политическая наука на Урале. Обзор результатов важнейших философско-политических исследований ИФ и ПУРО РАН // Политическая наука. – № 3. – С. 161–174.
8. Патрушев С.В. Российская ассоциация политической науки: Формирование и консолидация политологического сообщества // Россия и современный мир. – М., 2004. – № 1. – С. 217–221.
9. Пляйс Я.А. Новый этап в развитии политической науки в России // Полис. – М., 2007. – № 3. – С. 155–164.
10. Пляйс Я.А. Отечественная политология на рубеже XX и XXI вв. // Полис. – М., 2002. – № 2 – С. 175–179.
11. Российский индекс научного цитирования. – Режим доступа: <http://elibrary.ru>
12. Российский индекс научного цитирования. Организации. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/orgs.asp>
13. Российский индекс научного цитирования. Авторы. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/authors.asp>
14. Федотова В.Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? // Вопросы философии. – М., 2014. – № 8. – С. 44–54.
15. Черкасов П.П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. – М.: Весь мир, 2004. – 572 с.
16. SCIENCE INDEX. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/titles.asp>

Сайты институтов РАН

- Институт Африки. – Режим доступа: <http://www.inafran.ru>
Институт востоковедения. – Режим доступа: <http://www.ivran.ru>
Институт государства и права. – Режим доступа: <http://www.igpran.ru>
Институт Дальнего Востока. – Режим доступа: <http://www.ifes-ras.ru>
Институт Европы. – Режим доступа: <http://www.ieras.ru>
Институт Латинской Америки. – Режим доступа: <http://www.ilaran.ru>
Институт мировой экономики и международных отношений. – Режим доступа: <http://www.imemo.ru>
Институт научной информации по общественным наукам. – Режим доступа: <http://www.inion.ru>
Институт российской истории. – Режим доступа: <http://www.iriran.ru>
Институт социально-политических исследований. – Режим доступа: <http://www.ispiras.ru>
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. – Режим доступа: <http://www.ssc-ras.ru/page471.html>
Институт социологии. – Режим доступа: <http://www.isras.ru>
Институт США и Канады. – Режим доступа: <http://www.iskran.ru>
Институт философии. – Режим доступа: <http://www.iph.ras.ru>
Институт философии и права УрО РАН. – Режим доступа: <http://www.ifp.uran.ru>
Институт экономики. – Режим доступа: <http://inecon.org/>
Институт этнологии и антропологии. – Режим доступа: <http://www.iea-ras.ru>
Социологический институт РАН. – Режим доступа: <http://socinst.ru/ru/inst>

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Барч Я.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННОЙ РЕФОРМЫ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
(ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ)**

**BARCZ J. Główne kierunki reformy
ustrojowej Unii Europejskiej
(aspekty instytucjonalne-praw-
ne) // Państwo i prawo. – W-wa,
2015. – N. 7. – S. 23–55.**

Профессор Академии Леона Кожминьского в Варшаве обращает внимание на то, что реформа организации ЕС в соответствии с Лиссабонским договором была отодвинута на второй план в связи с финансовым кризисом в некоторых государствах сферы евро и иными обстоятельствами.

В настоящее время разработан ряд предложений о реформе ЕС. На их оценку, подчеркивает Я. Барч, воздействуют четыре основные предпосылки: во-первых, споры о будущем устройстве ЕС концентрируются на преобразовании сферы евро и предпринимаемых в связи с этим действиях, служащих единству Союза; во-вторых, в дискуссии уже отсутствуют катастрофичные оценки распада сферы евро и даже распада ЕС; в-третьих, проекты построения на основе ЕС квазигосударственной европейской федерации

отошли в тень, в основном обсуждается правовой процесс европейской интеграции, сущность которого представляет собой координацию институтов и международное сотрудничество. Обращение к федерализму в современных дебатах требует особой осторожности и взвешенности, поскольку легко спутать (в результате несогласования терминологии, незнания или ошибки) государственно образующей федеративный процесс со взятием на себя международными организациями определенных задач, происходящих из идеи федерализма. Например, принципа субсидиарности, пропорциональности, разделения компетенции между частями и целым, что имеет место в Европейском союзе и не меняет его характера как международной организации, образованной государствами.

Проводимые ныне дискуссии о реформе ЕС следует анализировать, прежде всего, с учетом эволюции основной цели европейской интеграции, а именно укрепления конкурентоспособности экономики Европы на международном уровне и единства политических решений и действий.

Я. Барч убежден, что внутренние различия в ЕС стали уже фактом, а процесс интеграции будет еще более эластичным, так как увеличивается различие интересов государств-участников (если членами Союза станут такие непохожие государства, как Турция и Украина). Следовательно, внутренние

противоречия в рамках ЕС следует расценить как постоянную, структурную характеристику европейской интеграции, которая должна быть учтена при разработке модели единого Союза, обеспечивающей эффективность его действия.

В Польше дискуссия о реформе устройства ЕС была начата по инициативе президента Республики Б. Комаровского в 2012 г. Академические споры концентрируются прежде всего на экономических аспектах сферы евро – в контексте вступления Польши в нее, а также на соблюдении интересов Польши в связи с обсуждаемыми и планируемыми реформами Европейского союза.

Что касается вводимых Лиссабонским договором институциональных изменений, имеющих фундаментальное значение, то основная часть их имела рамочный характер и требовала дальнейшей имплементации. Тем не менее на протяжении двух-трех лет положения договора были выполнены. В частности, в национальное законодательство были введены новые процедуры, касающиеся принятия актов делегированного и исполнительного законодательства; процедуры гражданских инициатив и вступления ЕС в Европейскую конвенцию прав человека; образована Европейская служба внешних сношений – в результате преобразования Совета Европы в союзный институт, а также введения гибкого представительства. Таким образом, как отмечает автор, произошли существенные изменения, определяемые как управление

«сверху вниз», что означает концентрацию и персонафикацию управления в Совете Европы. Одна из важнейших проблем касается распределения мест в Европейском парламенте. Она основывается на принципе убывающей пропорциональности, определившем состав Парламента на 2014–2019 гг.

Наиболее актуальными стали меры по укреплению статуса и повышению эффективности работы Еврокомиссии: рост самостоятельности Еврокомиссии по отношению к Европарламенту – в рамках трехстороннего соглашения Европарламент – Еврокомиссия – Совет Европы; усиление роли государств – участников ЕС в том случае, если состав данной комиссии не оправдывает их ожиданий и пр.

Об углублении реформы свидетельствует и усиление роли национальных парламентов, что оценивается специалистами как основное средство демократичной легитимации ЕС. Например, предлагаются: продление сроков, в течение которых парламенты анализируют инициативу (в настоящее время восемь недель); замена желтого сертификата красным, т.е. введение возможности блокирования национальными парламентами законотворческих инициатив Еврокомиссии по конкретному вопросу; новые возможности воздействия на законотворческую деятельность Еврокомиссии (право национальных парламентов обращаться в Комиссию об отмене правового акта ЕС, право законодательной инициативы по данному вопросу). Наконец, вносится пред-

ложение о создании Союзного форума для национальных парламентов, наделенного контрольными правами в отношении действий Совета Европы и политики ЕС межправительственного характера.

Многочисленные предложения касаются усиления надзора за деятельностью структур ЕС, особенно в сфере управления финансами, внешних сношений и политики безопасности, Европейской службы внешних сношений – в отношении к полномочиям Еврокомиссии. Речь идет о надзорных полномочиях, функциях комиссара, ответственного за торговлю, и др.

Наконец, актуальным остается вопрос о местонахождении Европарламента. Формулируется предложение об изменении состава Экономико-социального комитета и Комитета регионов, т.е. органов вспомогательных, но очень важных.

Как отмечает Я. Барч, в течение последних 15 лет действуют три импульса реформ организации Евросоюза. Первый из них связан с необходимостью приспособления ЕС к дальнейшему расширению. Второй – с укреплением единства ЕС, эффективности его деятельности в целом и демокра-

тической легитимации, что, прежде всего, отразилось в преобразовании Евросоюза из структуры тройственных сообществ в единую международную организацию.

Сценарий реформ Евросоюза был сформулирован Еврокомиссией в «Плане действий в отношении углубленного и реального экономического и валютного союза. Открытие европейской дискуссии». И в этом плане, и в последующих документах Еврокомиссии представлены три этапа проведения реформ: действия на ближайшую перспективу (6–18 месяцев), действие в рамках средней перспективы (от 18 месяцев до пяти лет), действия на будущее (свыше пяти лет, т.е. с 2017 г.).

В заключение Я. Барч отмечает, что с польской точки зрения наиболее существенными аспектами планируемых реформ Евросоюза, вытекающих из положения Лиссабонского договора, являются состав коллегии Еврокомиссии и распределение мест в Европарламенте. Вступление Польши в зону евро, по мнению автора, будет способствовать перемещению Польши на окраину процесса интеграции.

А.А. Рёрихт

**ЧЕЛОВЕК, ОБЪЯВИВШИЙ ВОЙНУ
ВСЕМУ МИРУ / ГЮБЕР Р., ЭНЕН Н.,
ПЕРЬЕ Г., ВИССЬЕР А.**

**L'homme qui fait la guerre au
monde Henin / Gubert R., Henin N.,
Perier G., Vissiere H. // Le Point. –
P., 2015. – N 2234. – P. 29–33,
36–41.**

По мнению авторов, глава так называемого «Исламского государства» с 2010 г. предстает как не вполне понятная, однако чрезвычайно зловещая фигура, окутанная густой пеленой тайны. Ал-Багдади старательно избегает объективов фотоаппаратов и кинокамер, на улице часто носит покрывало, скрывающее лицо и весьма осторожно пользуется современными техническими новшествами, понимая, что с их помощью может быть легко обнаружен. Непубличность Багдади носит тактический характер – она призвана служить указанием на то, что даже в случае его ликвидации движение не перестанет существовать.

На нескольких ранних, биометрических фотографиях – все, что имеется в нашем распоряжении, – перед нами предстает мало чем примечательный житель Ирака без бороды и усов – в отличие от позднейших его образов, где такие, вкупе с черным одеянием

придают ему мрачноватую величественность. Все, что о нем известно – то, что родом он из мухафазы (провинции) Дийала (на северо-востоке от Багдада возле границы с Ираном); что он принадлежит к клану самаррай (в 2000-е годы А. Самаррай являлся руководителем администрации С. Хусейна); то, что он ходил в школу в селении ал-Каим (на границе с Сирией); то, что в 1995 г. в Багдаде ему была присвоена ученая степень доктора исламских наук, благодаря чему он некоторое время работал преподавателем.

Можно только гадать, намеренно или не намеренно, но одним из первых шагов американской оккупационной администрации в Ираке были репрессии против суннитской элиты страны. Итогом данной деятельности стала нескончаемая череда террористических актов. Однако новый режим якобы с целью усугубления ситуации начал увольнять офицеров – а у каждого из таковых, как правило, имелся контингент лично преданных ему людей. Таким образом, все компоненты для «изготовления» политического Франкенштейна довольно быстро оказались налицо.

Во время американского вторжения в Ирак в 2003 г. Багдади руководил одной из групп вооруженного сопротивления, за что в 2004 г. он был помещен в тюрьму Букка на юге Ирака, которую, согласно корреспонденту «Гардиан» Мартину Чалову (M. Chulov), американские оккупационные

войска превратили в своего рода «террариум для выведения потенциальных лидеров»: «Американские офицеры, руководившие лагерной администрацией, прекрасно отдавали себе отчет в чудовищности происходящего — а именно, выращивании своего рода Франкенштейна. Направляемые ими запросы вышестоящим начальникам, разбивались о глухую стену молчания — те просто-напросто ничего не желали слышать об этом» [с. 32]. Результат: две трети руководящего состава так называемого «Исламского государства» — «выпускники» данного учреждения.

Багдади проявил себя как умелый модератор конфликтов — как внутренних, так и с администрацией лагеря, тщательно соблюдал дистанцию, приближая к себе лишь тех, на кого мог полностью положиться. Кроме того, знание фикха давало ему колоссальное преимущество над прочими потенциальными лидерами.

Став в 2013 г. главой так называемого «Исламского государства», Багдади сразу же завоевал себе авторитет громкими — и подозрительно легкими — победами. Так, в 2014 г. он с 12 тыс. боевиков захватили иракский город Мосул, который обороняли элитные подразделения иракской армии. В результате Багдади достались 400 млн долл., ультрасовременное стрелковое оружие, приборы ночного видения, взрывчатка, грузо-

вики, бронемашин и многое другое, позволившее ему «модернизировать» свою армию.

В результате Багдади приобрел такую популярность, что возглавляемое им движение смогло составить конкуренцию даже сверхпопулярному движению ХАМАС. Это побудило палестинцев к сотрудничеству с израильскими спецслужбами в поисках какой-либо информации, которая помогла бы им обуздать новоявленного претендента на халифат. Успеху движения способствовал и разброд в рядах как «Аль-Каиды», так и «Талибана», многие из сторонников которого либо перешли на сторону власти, либо начали «свою игру».

В отличие от «Аль-Каиды», пытавшейся сыграть на общемусульманском противостоянии Западу, Багдади сделал ставку на конфликт между «правоверием» (тем самым он выдвигает претензию на то, что именно он и его сторонники правильно представляют суннитскую ортодоксию) и отступниками от такового — прежде всего, конечно, шиитами. Стремление сделать конфликт между суннитами и шиитами своеобразным мотором, который будет способствовать образованию нового «халифата», — это хорошо продуманная стратегия, позволяющая Багдади рассчитывать на поддержку основных суннитских племен в Сирии, недовольных политикой Башара аль-Асада.

К.Б. Демидов

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

Ю.С. Пивоваров. «Грядет шестнадцатый год»
Yu.S. Pivovarov. «The sixteenth year is coming»

Ключевые слова: зарождение сталинизма, крепостнически-самодержавный порядок на Руси, программа преобразований Столыпина, Конституция 1906 г. и ее противоречия, соотношение революций 1905–1907 гг. Февраля и Октября 1917, переделная община и ее роль в Октябрьской революции.

Keywords: the birth of Stalinism, the feudal-autocratic order in Rus, the program of Stolypin's reforms, the Constitution of 1906 and its contradictions, correlation of revolutions of 1905–1907 and of February and October 1917, Russian peasant community and its role in October revolution.

В статье проводятся исторические параллели между современной Россией и Россией 30-х годов, а также Россией времен Московского царства. Показано, что мы вступили во «время Карамзина» – время, созвучное его охранительным и самодержавным идеям. Выражается несогласие с преимущественно обвинительной оценкой отечественной исторической наукой роли боярства в его попытках ограничить самодержавие, получив свою долю в управлении. Русская Революция интерпретируется в широком смысле как длительный исторический период примерно между 1860 и 1930 гг. У современной России нет проекта будущего, идеологи ищут его в прошлом.

В статье раскрываются причины, историческое значение революций 1905–1907 гг. – Февраля 1917 – Октября 1917 г.

The article cites historical parallels between today's Russia and Russia of 1930-ies, as well as Russia of Moscow Empire period. It shows that we entered the «time of Karamzin» with its conservative and autocratic ideas. The article disagrees with the national historical science which blames the boyars in its attempts to restrict the autocracy after obtaining the share in governing. In a broad sense the Russian Revolution is interpreted as the long historical period roughly

between 1860 and 1930. Today's Russia has no project on future; the ideologues are looking for it in the past.

The article reveals the reasons and historical significance of the revolutions of 1905–1907 and of February 1917 – October 1917.

И.И. Глебова. Россия 2014–2016: Новый курс

I.I. Glebova. Russia, 2014-2016: The new course

Ключевые слова: украинский вопрос, национализм, изоляционизм и антизападничество в России, европеизм, Россия середины 2010-х годов, «новый курс», милитаризация политики и сознания.

Keywords: Ukrainian question, nationalism, isolationism and anti-Westernism in Russia, Europeanism, Russia of the mid-2010s, «the new course», militarization of politics and consciousness.

В статье доказывается, что 2014–2015 гг., ставшие вехами в российской истории, характеризуются окончательным оформлением в России крайнего национализма, антизападничества, ксенофобии. Киевский майдан сплотил большинство охваченного националистическим порывом российского населения вокруг «президентского самодержавия», ставшего лидером националистического движения. Россия 2010-х годов на мировоззренческом уровне отказалась от наследия перестройки, от «демократического проекта». Новорусские элиты в 2000–2010 гг. восстановились как «господствующий класс» и взаимодействуют с народом в режиме «правлящие – подвластные»; основой такого общества выступает несвободная личность, адаптирующаяся к условиям несвободы. В то же время в России сильны позиции тех, кто чужд изоляционизму, антизападничеству, милитаризму. В статье показано, что Россия выбрала традиционный способ изоляции – милитаризацию и мобилизацию; мир при этом поставлен под угрозу. Это было прежде всего реакцией власти на национальные унижения переломных времен, на внутренние проблемы, способом увести от них население.

The article confirms that in 2014–2015 which became milestones in Russian history, extreme nationalism, anti-Westernism and xenophobia finally shaped in Russia. Kiev Maidan rallied the majority of Russian population covered by nationalist impulses round the «presidential autocracy», being the leader of the nationalist movement. Basing on the ideological level Russia of 2010-ies refused the heritage of perestroika and «democratic project». The new Russian elite of 2000–2010 revived as the «ruling class» and interacted with people in the

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

«ruling – dependent» mode. The not free person, adapted to unfreedom conditions forms the basis of such a society. At the same time, positions of those who are alien to isolationism, anti-Westernism, militarism are rather strong in Russia. The article shows that Russia has chosen the traditional method of isolation – militarization and mobilization; along with this the world is threatened. First and foremost it was the reaction of power to national humiliation during crucial times, to internal problems, the way to divert population from them.

Л.Н. Верчёнов. «Человек русский», год 2014: Кто мы, куда идем

L.N. Verchenov. «The man is Russian», 2014: Who are we, where are we going

Ключевые слова: Россия, присоединение Крыма, национальное единение, русская нация, расколотый народ, человек русский.

Keywords: Russia, the annexation of Crimea, national unity, the Russian nation, a divided nation, the man is Russian.

Анализируется ситуация «русского человека» в нынешнем российском обществе, расколотом на большинство традиционалистски настроенного населения и меньшинство европейски ориентированной части населения, два народа в одном.

Всплеск патриотизма и небывалое национально единение после присоединения Крыма в марте 2014 г. являются возможным началом формирования единой русской политической нации.

The article analyzes the status of the «Russian man» in the current Russian society split into the majority of traditionalist-minded population and the minority of European-oriented population, the two nations in one.

A surge of patriotism and unprecedented national unity after the annexation of Crimea in March 2014 can serve as the beginning of forming single Russian political nation.

И.А. Помигуев. Законодательный процесс в России: Отсутствие решения – тоже решение?

I.A. Pomiguyev. Legislative process in Russia: No decision is also a decision?

Ключевые слова: законодательный процесс, вето-игроки, установка повестки дня, Государственная дума, политическое решение, политические партии.

Keywords: legislative process, veto players, setting the agenda, the State Duma, political decision, political parties.

Российский законодательный процесс рассматривается с точки зрения влияния на него вето-игроков – акторов, чье согласие необходимо для изменения законодательного статус-кво. Выделяются структуры в рамках институционального вето-игрока – Государственной думы, которые оказывают техническое влияние на установку повестки дня, описываются полномочия, достаточные для того, чтобы отсрочить принятие политического решения на неопределенный срок. В статье анализируются причины, которые влияют на отсутствие такого решения, приводятся статистические данные, а также рассматривается показательный случай.

The Russian legislative process is considered through the impact of veto players – actors whose consent is necessary to change the legislative status quo. The article describes structures within the institutional veto-players – the State Duma, which provide technical control of the agenda setting and powers, sufficient to delay the adoption of a political decision for an uncertain term. The article analyzes the reasons that affect the absence of such decision, provides statistical data and some examples.

В.Н. Чернега. Россия в многополюсном мире

V.N. Chernega. Russia in a multipolar world

Ключевые слова: миропорядок, многополюсность, вызовы, возможности России.

Keywords: world order, multipolarity, challenges, capabilities of Russia.

В статье анализируется меняющийся миропорядок и делается попытка охарактеризовать его с точки зрения концепции многополюсности. Оценива-

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

ются шансы кандидатов в «полюса». В этой связи рассматриваются возможности и перспективы России, условия, при которых она сможет преодолевать новые вызовы.

The article analyzes the changing world order and tries to characterize it from the point of view of multipolar concept. The chances of candidates for the «poles» are evaluated. In this connection, the prospects and capabilities of Russia, the conditions under which it will be able to overcome new challenges, are considered.

Л.С. Косикова. Российско-украинская дезинтеграция
L.S. Kosikova. Russian-Ukrainian disintegration

Ключевые слова: Украина, интеграция, дезинтеграция, внешняя торговля, двустороннее сотрудничество, СНГ, ЕС, ЕАЭС.

Keywords: Ukraine, integration, disintegration, foreign trade, bilateral cooperation, CIS, EU, EEU.

Европейский выбор Украины ведет к разрушению прежних связей с Россией и другими участниками ЕАЭС. Но это не компенсирует ей огромных потерь на российском направлении. Россия тоже несет потери, но они значительно меньше.

При более благоприятных политических условиях внутренних и внешних Украина может вновь развернуться в сторону евразийских интеграционных объединений, но в каком формате – пока не ясно.

The European choice of Ukraine leads to the destruction of former relations with Russia and other members of EEU. But it doesn't compensate Ukraine's huge losses on the Russian direction. Russia suffers losses too, but they are significantly less.

Ukraine may again turn toward the Eurasian integration associations under more favorable internal and external political conditions, but it is not clear yet in what format.

В.Н. Бабенко. Правовые и социальные последствия европейского выбора Украины

V.N. Babenko. Legal and social consequences of the European choice of Ukraine

Ключевые слова: Украина, европейская интеграция, правовые последствия, социальные последствия.

Keywords: Ukraine, European integration, legal consequences, social consequences.

Европейский выбор Украины привел страну к глубокому социально-экономическому и политическому кризису. В результате борьбы украинских политических элит была полностью разбалансирована национальная правовая система. Тяжелыми стали и социальные последствия. Произошло резкое снижение уровня жизни населения и рост безработицы. Реальная заработная плата на Украине за последние 15 лет снизилась в среднем на 12%, а инфляция составила 40%.

The European choice of Ukraine has led the country to deep socio-economic and political crisis. As a result of the struggle of the Ukrainian political elite the national legal system was completely out of balance. Consequences in social sphere became severe too. There was a sharp decline of population living standards and growth of unemployment. The real wage in Ukraine for the last 15 years decreased on average by 12% and inflation was 40%.

И.Ф. Селиванова. Приднестровское урегулирование: Особенности современного этапа

I.F. Selivanova. The Transnistrian conflict settlement: Features of present stage

Ключевые слова: Приднестровье, конфликт, урегулирование, Россия, Молдавия, Украина, Соглашение об ассоциации с ЕС, Румыния, стратегическое партнерство, политический кризис в Молдавии, парламентские выборы в ПМР.

Keywords: Transnistria, conflict, settlement, Russia, Moldova, Ukraine, the Association Agreement with the EU, Romania, strategic partnership, political crisis in Moldova, parliamentary elections in Transnistria.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

В статье рассматриваются новые вызовы, с которыми столкнулось Приднестровье в 2014–2015 гг. Подписание Молдавией и Украиной соглашений об ассоциации с ЕС, повлекло за собой:

- новый формат отношений с ПМР;
- резкое обострение российско-украинских и российско-молдавских отношений;
- вовлечение США, ЕС, Румынии во внутренние проблемы Молдавии.

Это не могло не осложнить и социально-экономическое положение непризнанной республики, и перспективы урегулирования приднестровского конфликта. Политический кризис в Молдавии, новые моменты во внутриполитическом процессе Приднестровья создают ситуацию с трудно предсказуемыми последствиями не только для Тирасполя и Кишинева, но и выводят проблему далеко за рамки региональной, вовлекая в нее ведущих акторов международных отношений – Россию, США, ЕС, НАТО.

The article examines the new challenges faced by Transnistria in 2014–2015. The signing of the Moldova-Ukraine Association Agreement with the EU led to:

- a new format of relations with the TMR;
- the sharp aggravation of Russian–Ukrainian and Russian–Moldovan relations;
- the involvement of USA, EU, Romania in the internal problems of Moldova.

This could not but complicate both socio-economic status of the unrecognized republic and prospects for the Transnistrian conflict settlement. Political crisis in Moldova, new developments in the internal political process of Transnistria create a situation with unpredictable consequences not only for Tiraspol and Chisinau, and derive the problem far beyond the regional one, involving the leading actors of international relations – Russia, USA, EU and NATO.

Е.Я. Виттенберг. Из истории становления социальной ответственности предпринимателей в России

E.Ya. Wittenberg. From the history of forming social responsibility of entrepreneurs in Russia

Ключевые слова: социальная ответственность российских предпринимателей, благотворное влияние церкви на предпринимательство, социально ответственное поведение бизнеса.

Keywords: social responsibility of Russian entrepreneurs, salutary impact of the Church on business, socially irresponsible business activities.

В статье исследуются проблемы социальной ответственности российских предпринимателей с момента появления торговли и ремесленничества в стране вплоть до Октябрьской революции. Как свидетельствуют исторические источники, она проявлялась в честной уплате налогов, в честных отношениях с покупателями и партнерами, в выпуске качественной продукции, в благотворительности. Особое внимание уделяется благотворному влиянию церкви на ответственное поведение бизнеса. Наряду с этим в статье приводятся и исторические факты социально безответственного поведения предпринимателей, включая их совместную с царизмом ответственность за Октябрьский переворот.

In the article the problems of the genesis of the social responsibility of Russian owners are investigated, and is later than industrialists and bankers from the onset of trade and handicraft in the country up to the October Revolution. As historical sources testify, it was manifested in the honest payment of taxes, in the honest relations with the buyers and the partners, in the output of qualitative product by craftsmen, in the charity. Special attention is paid to the beneficial effect of church on the critical behavior of business. At the same time in the article are analyzed historic evidence of the socially irresponsible behavior of owners. The author considers his joint responsibility together with the tsarism for October revolution the apotheosis of the irresponsibility of business.

Б.И. Желицки. Место Венгрии в восточноевропейских системных преобразованиях XX века

B.I. Zhelitski. The place of Hungary in East-European system transformations of the twentieth century

Ключевые слова: Венгрия, история, XX век, политические системы, общественно-политический строй.

Keywords: Hungary, history, XX-th century, political systems, socio-political system.

На протяжении XX в. Венгрия пережила несколько кардинальных смен политических систем и изменение общественно-политического строя. С 1948 г. в Венгрии устанавливается система советского типа, просуществовавшая здесь до 1988 г. Исчезновение Советского Союза привело «Восточный блок» в состояние кризиса и завершилось его распадом. Ход событий толкал Венгрию, вместе с Польшей и Чехословакией, к смене геополитической ориентации и «возвращению» в Европу.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

During the twentieth century Hungary experienced several radical changes of political systems and transformations of socio-political system. Since 1948 the Soviet type system was established in Hungary and it existed there until 1988. The disappearance of the Soviet Union resulted in «Eastern bloc» crisis and its final collapse. The course of events induced Hungary, together with Poland and Czechoslovakia, to change geopolitical orientation and «return» to Europe.

Д.С. Миронова. Трансформация НАТО и интересы России
D.S. Mironova. NATO Transformation and the interests of Russia

Ключевые слова: трансформация НАТО и ее этапы, Уэльский саммит НАТО, стратегическая концепция 1999 г., расширение на Восток и интересы России, украинский вопрос, присоединение Крыма и кризис в отношениях НАТО–Россия.

Keywords: NATO transformation and its stages, Wales NATO summit, the strategic concept of 1999, expansion to the East and interests of Russia, Ukrainian question, the annexation of Crimea and the crisis in relations between NATO and Russia.

В статье анализируются шесть этапов трансформации НАТО, показана особая роль Уэльского саммита, определившего сдерживание России главным направлением деятельности альянса. Раскрывается значение украинского вопроса и присоединения Крыма в возникновении кризиса в отношениях России с НАТО.

The article analyzes the six stages of NATO transformation. It specifies the special role of Wales summit, which determined the main activity of the Alliance – the containment of Russia. The role of the Ukrainian question and the annexation of Crimea in the crisis of relations between Russia and NATO are studied.

И.С. Яжборовская. Российско-польское научное сотрудничество: Основные этапы

I.S. Yazhborovskaya. The Russian-Polish scientific cooperation: Main stages

Ключевые слова: послевоенное восстановление и советско-польское научное сотрудничество, Комиссия историков России и Польши по рассмотрению сложных вопросов двусторонних отношений, выявление «белых пятен»

232

тен» в отношениях, совместные публикации последних 20 лет, недостаток финансирования как препятствие для дальнейшего сотрудничества.

Keywords: postwar reconstruction and the Soviet-Polish scientific cooperation, the Commission of historians of Russia and Poland on studying complex issues of bilateral relations; the identification of «white spots» in relationship, joint publications of the last 20 years, the lack of funding as an obstacle for further cooperation.

В статье дается очерк научного сотрудничества двух стран, начиная с периода послевоенного восстановления, показано, как исследователи стремились преодолеть идеологически искаженную трактовку истории двусторонних отношений, выявить так называемые «белые пятна». Приводятся научно-практические проблемы, совместно обсуждавшиеся в 2000-ные годы, приводятся коллективные публикации последних 20 лет. Указывается на резкое сокращение финансирования как препятствие для дальнейшего развития совместных научных исследований.

The article provides an essay on scientific cooperation between the two countries since the post-war reconstruction period; it shows how the researchers tried to exclude the ideologically distorted analysis of history of bilateral relations and to identify the so-called «white spots». The article studies scientific and practical problems, jointly discussed in 2000-s, as well as joint publications of the last 20 years. It also emphasizes the dramatic reduction of funding as an obstacle for further development of joint scientific research.

В.С. Авдонин. Организационная структура политической науки в институтах РАН

V.S. Avdonin. Organizational structure of political science in the institutes of the Russian Academy of sciences

Ключевые слова: политическая наука, РАН, институты РАН, организационная структура науки.

Keywords: political science, Russian Academy of Sciences, institutes of RAS, the organizational structure of science.

В статье рассматривается организационная структура политической науки в институтах РАН, сложившаяся на период начала реформы РАН. Приведена информация о структурных подразделениях соответствующего профиля

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

в 19 институтах четырех отделений и трех научных центров Академии, даются сравнительные наукометрические показатели институтов. Показано, что по целому ряду параметров институты РАН продолжают играть ключевую роль в институционализации политической науки в России.

The article deals with the organizational structure of political science in the Institute, established at the beginning of the reform period of the RAS. Provides information about structural units of the corresponding profile in 19 institutes of the four branches and three research centers of the Academy, are comparative scientometric indices institutions. It is shown that for a variety of parameters of RAS institutions continue to play a key role in the institutionalization of political science in Russia.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурирует этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о... // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о... // Сборник статей... / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 1–2016 (90)

Верстка Н. М. Власова

Корректор

О. П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.

Подписано к печати 21.03.2016 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 19,3 Уч.-изд. л. 14,1

Тираж 870 экз. Заказ № 20

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9